

Часть первая

ОСКОЛКИ

Дорога

К вечеру проехали Елец.

Соне удалось развалиться на заднем сиденье в обнимку с зимней резиной, которую водитель вёз домой из Москвы. На границе ожидалось столпотворение, попутчики планировали попасть туда к двум часам ночи. Была поздняя бесснежная осень, и деревья с одной стороны трассы стояли голышом, а с другой – волновались пышной рыжей шевелюрой. Воздух дальних странствий убаюкивал, и почти всю дорогу Соня спала безмятежным сном, изредка поднимая голову и бросая заспанный взгляд в окно.

Накануне она бегала по комнате, набивая рюкзак одеждой, и пела:

– Приготовленья займут полчаса, и подставляю ветрам паруса!

Сергей внимательно наблюдал за суетой, он всё ещё не верил, что Соня решится на поездку. Лишь когда в Донецке нашлась вписка и пришло подтверждение от водителя с блаблакара, лишь тогда Сергей убедился: Соня не шутит.

– Я всё понимаю, – сказал он, – но, может быть, ты не поедешь? Там ведь стреляют. Бомбят.

– И что? – беззаботно отозвалась Соня.

– А если убьют?

– Не-а, не убьют.

– А если покалечат?

– Это хуже, – согласилась Соня. – Но я буду осторожна. Ты ведь сам сказал, что я не видела войны, что я жизни не знаю... Говорил?

– Ну, говорил, – нехотя признал Сергей.

– Вот я и еду посмотреть.

Соня была блогером-тысячником и собиралась стать миллионником. Кроме того, была ещё причина для поездки, но в ней знаменитому блогеру было стыдно признаваться, поэтому Сонины подписчики были уверены, что она едет с гуманитарной миссией.

Сергей возмутился:

– Ты хочешь, чтобы я чувствовал себя виноватым, если тебя укокошат?!

Соня повернулась к нему и развела руками, как бы говоря: что ж поделать?

– А ты едешь с кем-то?

– Было бы с кем ехать, я бы дома сидела! О! Хорошо, что напомнил! – И Соня бросила в рюкзак плотные шерстяные носки.

Сергей сделал вид, что не заметил язвительности:

– Береги себя! И ноги свои прекрасные береги!

– Я постараюсь. Мои ноги особенно хорошо смотрятся в паре.

Соня ещё раз проверила содержимое рюкзака.

– Как думаешь, зонтик брать?

– Соня, ёшкин кот! Бронежилет бери!

– Угу, выкладываю...

Сергей подошёл вплотную и обнял девушку:

– Не злись. Чего ты такая колючая?

Соня прижалась к его груди:

– Я не злюсь. Просто я уже всё решила. А ты жди меня дома, как верная жена! Я обязательно вернусь!

Потом они долго мирились на тот случай, если с Соней что-то случится, и так затянули прощание, что выспаться ночью не удалось, и теперь Соня наконец дала себе отдых. Меж тем многострадальная южная земля приближалась, в Успенке проходили государственную границу.

– Вывеску сменили, – сказал водитель. – Раньше висела без последней буквы, простреленная вся, позорище такое.

– Простреленная?

– Из автомата.

«Как интересно, – подумала Соня. – Надо запомнить и упомянуть!»

На улице ветер сбивал с ног. Жёлтый месяц лежал на боку, свысока глядели на землю звёзды. Никакого зарева вдали, о котором часто упоминают военные писатели времён Второй мировой. От недосыпа Соню потряхивало.

– Мне надо квиток какой-то заполнять на проезд?

– Нет, россиянам только паспорт нужен.

Необжитая таможня походила на старую автотазу. Других машин не было.

– А шо ты хочешь? – пояснил водитель. – Это у вас здесь мир, а по ту сторону очень даже комендантский час! Никто никуда не едет, все спят.

Дээнэровская девушка в ветровке, сидя в деревянной будочке, пролиставла Сонин паспорт и кивнула: мол, свободна. Попутчики тоже прошли без проблем.

Вблизи будочки стояли бетонные звёзды-волнорезы, какими укрепляют морские берега. Здесь, вероятно, их использовали вместо заградительных ежей. Возле них наши путешественники и расположились на покой до пяти утра – пока не кончится комендантский час.

– А вот там стоял блокпост, – говорил водитель, вырывая на трассу ранним блёклым утром. – И здесь большой блокпост стоял. Па-

латки, заграждения, мешки с песком. Бомжи с автоматами.

– Какие ещё бомжи? – удивилась Соня.

– А какой идиот, по-твоему, согласится стоять на улице круглые сутки? Это потом уже ополчение набрали и поставили нормальных ребят, а сначала бомжам да алкашам автоматы выдали, их вообще всем тогда выдавали. Народ понабрал, прикопал... Тут же у каждого второго огнестрел в сарае захован. А бомжи – те напьются к ночи, давай в воздух палить.

«Живут же люди... – подумала Соня со странной смесью страха и уважения. – Серёже бы тут понравилось».

– Дороги как отремонтировали после танков! А то яма на яме была. Хоть Самару возьми – там теперь дороги хуже, чем здесь. – Водитель довольно хмыкнул. – Вот налево, смотри, ночной клуб «Шоколад», рядом бильярд и боулинг. Популярные места. И под обстрелами работали. Я туда заезжал обедать. Правда, тут обстрелов и не было почти.

Мелькнул указатель на Макеевку. Соня знала, что этот населённый пункт регулярно обстреливают, и хотя сейчас царила тишина, дух у девушки всё равно перехватило.

– А сейчас блокпостов не осталось?

– Сняли почти год назад. Р-раз – и ни одного. Да и зачем они нужны? Ни досмотра толком не было, ни проверки документов. Только движение задерживали.

Водитель высадил Соню возле нужного дома. Деньги за поездку она отдала сразу после границы. Пыталась отдать ещё в Москве, но водитель не взял.

– Потом! – махнул он рукой. – И на таможне... если шо, то родственница, понятно?

Вероятно, мужчина рисковал, подрабатывая частным извозом, но на таможне не заинтересовались характером отношений россиянки Сони с украинцем-водителем, и они расстались добрыми приятелями.

В донецкой квартире, где Соня нашла приют, уже поменяли кухонное окно, выходящее на опасную при артобстреле сторону, но мелко потрескавшиеся балконные стёкла ещё были заклеены листами полиэтилена. Жёлтый ларёк под окнами сильно пострадал от обстрелов, но так и стоял – закрытый, дырявый. Дом напротив ремонтировался. Дворец молодёжи «Юность» тоже остался без стёкол и был затянут парусиной, но люди там не прекращали работать даже в страшном четырнадцатом году.

Дребезжал трамвай, а больше ничего не было слышно в это раннее утро октября шестнадцатого года.

– Ночью Луганск обстреливали, а у нас тихо пока, – сказала Марина. – Пошли на кухню. Будем пить кофе и знакомиться.

Марина была писателем. Она родилась в Донбассе, но жила в Сибири и являлась счастливой обладательницей российского гражданства. Она не была Сониной подписчицей, их свели общие друзья, и гостеприимная Марина, изучив блог девушки, согласилась приютить её на время экспедиции.

– Так что ты хочешь тут увидеть? Живём потихоньку. Там вдали гхупают, здесь уже почти не слышно. Аэропорт держат наши, боёв там практически нет, ну, таких боёв, как при Мотороле были. Может, и наладится жизнь.

– Хоть бы! – воскликнула Соня, а Марина посмотрела на неё с недоверием.

Девушка была модной и легкомысленной.

«Пороху не нюхала, – думала Марина. – И чего её сюда понесло?» А вслух спросила:

– Кофе с молоком?

– И с сахаром, – попросила Соня. – Вы не подумайте, что я дурочка какая-нибудь, я досаждать не буду. Мне просто надо узнать, что такое война.

Марина хмыкнула.

Первый день

В десять утра Марина отправилась в макеевскую школу развлекать второклашек детскими стихами и сказками.

– Ты со мной или отоспишься?

Соня мотнула головой:

– На том свете отосплюсь. Я с тобой.

Куда-то исчезла шапка, и Марина выдала Сою свою, сползавшую на затылок. Уши у девушки оголялись и мёрзли, приходилось постоянно поправлять, чтобы не выглядеть гопницей.

Полноценный трамвайный путь только недавно восстановили, прежде рельсы были разбомблены, и трёхрублёвый трамвай ходил по укороченному маршруту. Девушки ехали мимо громоздкого Дома культуры «Юность», что под ветром хлопал парусиной, обнажая тёмные провалы второго этажа, а над входом красовался призыв-растяжка: «Мы работаем!» со смайликом. Мимо оскаленного ряда разбитых тёмных ларьков с надписью: «Продам дёшево». Мимо светлых фасадов с тёмными зазубринами обстрелов. Мимо целёхонькой шайбы «Донбасс-арены» с

красивыми лицами футболистов на бесконечном фасаде.

Потом прошли через рынок и сели на маршрутку. Но уже за пятнадцать российских рублей с носа.

– Да, у нас российская валюта, – сказала Марина.

– А вот тот дом – это тоже обстрел?

Соня показала на закопчённое здание.

– Нет, оно горело ещё до войны.

Сидящая рядом женщина возмутилась:

– Как это – до войны?! Уже всё началось!

– Это в Славянске началось, а у нас тихо было. Здание то ли подожгли, то ли взорвали.

– Правильно – Славянск? – удивилась Соня.

– Да, а ещё Снежное. По такому ударению легко узнать местных... А вот там сгорела семья в машине, теперь на этом месте крест. А вот туда прилетел снаряд, вход и окна в здание заложили кирпичами. А на берегу реки, в этом лесном массиве, много площадок для отдыха. А это ТЮЗ, он работал во время войны, вообще все театры работали, актёры прямо в них жили, потому что домой далеко, к тому же под обстрелом, вот и бежали за кулисами с кастрюльками. Зрительные залы были битком набиты. Снаружи дикие обстрелы, всё сотрясается, а зрители внутри сидят и смотрят конкурс творчества детей из Иловая, Горловки... А на спектакль билеты добывать надо было, просто так не купишь. И специальные автобусы подходили, чтобы после представления людей развезти по дальним районам. Нет, конкретно этот микрорайон не обстреливался, но, вообще, сюда прилетало.

Марина рассказывала быстро и подробно, а Соня любовалась городом. Он был красив и добродушен, как молодой интеллигентный великан. А ещё он был несчастен, и какое женское сердце не пожалело бы его?

Холод был на улице, холод был в школе. Указатели «Убежище» висели на всех лестницах и коридорах.

– Покажем? – спросила Марина у библиотекаря.

– А что же нет? – согласилась та.

Они спустились в подвал со множеством раскладушек, запасом питьевой воды в бочке и технической – в запаянной вагонетке. Темно, неуютно, но сухо и безопасно.

– А туалет?

– А наверху, прямо возле входа! – безмятежно ответил завхоз.

– Мы же сюда ненадолго спускаемся, – подтвердила библиотечарша, – обстрелы быстро кончаются, да и нет их сейчас. Это в прошлом го-

ду по три раза за день – малышей хватать и бежишь вниз. Недавно учения проводили, отрепетировали всё до мелочей. Пойдёмте, уже пора.

Марину пригласили в качестве почётного гостя на посвящение второклашек в читатели библиотеки. Нарядные дети с блестящими глазами читали детские стихи без вселенского надрыва и нарочитой выразительности. Соня смотрела на малышей и думала, что совсем не место им под землёй. Им надо играть на улице в догоняшки и прыгать в классики, не думая о том, что под школой есть подвал с раскладушками и питьевой водой.

– Играют, конечно, – пожалала плечами Марина. – Просто, если обстрел, бегут в укрытие, а так... Вот мы же с тобой идём по улице – не боимся.

«Ну, как сказать!» – подумала Соня, оглядываясь.

Они шли к остановке по той самой Makeевке, которая так часто мелькала в новостях – не официальных новостях «Первого канала», а в сообщениях местных корреспондентов, на которых Соня была подписана в соцсетях вот уже два года. Makeевка была тем местом, куда постоянно «прилетало». Но сейчас они шли по улице и ничего не прилетало.

– Просто странно. Война вроде, а так тихо.

– погоди, ещё услышишь. Не хочу пугать, но вроде бы снова начинается. На окраинах бахает так, как уже отвыкли.

К середине дня растеплилось, и, оказавшись снова на улице, Соня не надела шапку. Всё равно бы сползла.

Причастие

– Учти, – сказала Марина, – стоять придётся почти на улице, а там взлётка, ветра страшные!

Соня угукала в ответ.

– Это почти аэропорт. Не страшно?

Соня легкомысленно мотала головой. В её сознании не укладывалось, что снаряды, нацеленные на аэропорт, падали далеко от него: на женский монастырь, на частные дома. Ей, мирному человеку, было трудно поверить в то, что люди способны убивать других людей – не в книгах или кино, а здесь, рядом. И не потому, что плохи люди, а потому, что не повезло им вместе родиться на этой плодovитой земле и делить её друг с другом.

– Одевайся теплее!

Они ехали на праздничную службу в Иверский монастырь. Ради этого события воюющие стороны объявили перемирие до 15.00.

Встали в рань раннюю и, не завтракая, стали вызывать такси. Честно предупредили диспетчера, что ехать надо к аэропорту. Почти на передовую. Первый таксист позвонил и долго допытывался, зачем надо туда ехать.

– Вы, часом, не журналисты?

– Ну, пусть журналисты! – утомлённо ответила Марина.

Таксист долго мялся, потом сказал, что перезвонит, и пропал. На новый звонок диспетчер сообщил: пришлют другого, а этот отказался, не смотря на уговоры, что сейчас в районе аэропорта тихо.

Второй оказался рубахой-парнем: таксовал даже во время войны во всех районах.

– Я на животных смотрю. Только замечались – значит, пора делать ноги. Однажды так попал возле шиномонтажки: колесо спустило. А там ни работников, ни хозяев. И обстрел! Кое-как выбрался. И вроде страха нет, а руки трясутся. Вот мост был совсем разрушен – отстроили, залатали. Видишь, какой бордюр? Он новый, недавно установили.

Бордюр обкусан и покрошен, как печенье. Асфальт в круглых заплатках. Частный сектор за мостом похож на громадную свалку: старые и новые дома одинаково разбиты; дырявые заваленные заборы, перекошенные кровли; обгоревшее железо и деревья лежат вповалку и вперемешку. Люди только-только сюда возвращаются. Стая бродячих собак у обочины. Бегут к машине с умильными мордами. Кошек давно нет.

– Собаки их поели. А кто кормить будет? Правда, я привозил сюда женщину, она им большую кастрюлю варева скармливала. Хозяйка собак побросала, самим бы спастись. Тут такое было, что ты! Гляди, дорогу расчистили! А то деревья поперёк лежали.

На повороте к монастырю таксист выключает навигатор. По навигатору с той стороны фронта может прилететь мина.

В широком жёлтом поле застыли позвоночники и рёбра зданий. Рядом с дорогой из высокой травы выглядывает крест, потом памятник из гранита, и вдруг Соня понимает, что это не поле, это кладбище – разбитое и разбомблённое.

– Тут заминировано, – предупреждает Марина, – и растяжки стоят. Ходим только по дороге!

Соня кивает.

Здания вдали – это монастырь.

Церковь иссечена осколками, деревянная трапезная сгорела, келейный корпус изуродо-

ван. Какие-то подсобные помещения разрушены бомбёжкой, и возле них застыла клумбочка с розами.

Сестры расселены по разным частям города, но каждый день приезжают в разорённую обитель и потихоньку её восстанавливают. Возле теплушки с дровяным отоплением кладка соборных кирпичей. На сохранившемся куске забора надпись: «Стыдно воровать в разрушенном женском монастыре!!!»

Небольшой храм Иверской иконы Божией Матери до отказа забит бабульками. Детей двое или трое, один младенец покрикивает на руках у матери. Мужчин примерно столько же, один даже не снял шапку, а Соня, кажется, впервые в жизни рада, что родилась девочкой и может не обнажать голову: в воздухе царит утренняя минусовая температура, и ветер, летящий сквозь пробоины в полуметровых стенах храма, заставляет прихожан теснее жаться друг к другу.

Праздничную службу вёл архиепископ Макевский Варнава, он благословил Соню, проходя мимо. За ним следовала тонкая монахиня с юным лицом и золотым настоятельским крестом на груди.

– Это что – игуменья? – удивилась Соня.

Марина кивнула.

Под железным скелетом купола положили новые доски, и служба идёт не совсем под открытым небом. Полностью обнажён алтарь, Царские врата вынесло взрывами, кое-где на обглоданных колоннах сохранился красивый бесцветный орнамент. Фрески под потолком были написаны то ли на ткани, то ли на ином покрытии стен, и сейчас оторванная с верхнего угла ткань упала к своему подолу и скрыла рисунок от посторонних глаз, и ангел рядом тянется помочь, но не умеет, и никакой муки бессилия нет на его лице. Всё в руках Божьих. Чуть ниже к листу ДСП прикручена расстрелянная икона Иверской.

Все эти детали Соня замечает сквозь пар, который поднимается над головами прихожан и тут же сносится вбок воющим ветром.

Когда клирос запекает «Иже херувиме», на Соню сквозь пробоину в стене падает солнечный луч. Она подставляет ему обледеневший нос и тут же начинает хлюпать. Хлюпают все вокруг. Холодно, очень холодно. Поминутно открывается входная железная дверь и ветер врывается в толпу, скользит между пуховиками и пальто, остужает ноги.

Соня не готовилась, но батюшка разрешил причаститься, и она понимает, что не уйдёт из этого истерзанного храма, даже если завоет не

ветер, а железо. И никто не уйдёт, и служба не прекратится.

Причащают из двух чаш, а теплоту дают горячей, и Соня берёт её дважды, чтобы согреться. Оказывается, расстрелянная икона прежде хранилась в библиотеке, а под обстрел попала при переезде. После этого её определили на построй в разрушенный, но живущий храм.

Вместо крестного хода Соня и Марина идут на кладбище с местным поэтом Павлом Ивановичем. Знакомиться с его родственниками. Накануне он читал Соне свои военные стихи, и она сказала, что в них много злобы.

– Пойдёмте, я покажу, что они сделали с надгробиями, – поймёшь, откуда злоба!

С дорожки он сходит в траву и на испуганный окрик Марины отвечает, что всё тут излазал, конкретно на этой стёжке мин нет.

– Они в мае прямо на дороге лежали – не пройти. А сейчас-то что...

Сослепу Соня запуталась в проволоке-ограждении, и впервые на неё страхом накатило осознание: хорошо, что не растяжка.

Гранитные надгробия разбиты на куски и собраны в кучу, некоторые покойники глядят половиной лица, от других ничего не осталось над землёй.

– Видишь вышку?

Вдали торчит нечто покорёженное и страшное.

– Это аэропорт, диспетчерская вышка. Там снайпер сидел, он и по кладбищу тоже стрелял, по похоронным процессиям.

Соня не спрашивает зачем. Этот вопрос не имеет здесь ответа.

Кусок брусчатки качается под ногой, Соня делает несколько шагов в сторону и получает вопль в спину: «Вернись!»

– Не надо куда-то отходить, – быстро говорит Марина. – Тут, бывало, и под брусчатку мины закладывали, подрывались люди.

Соня осторожно обходит качающийся кусок. Она слышит новый непривычный звук. Вдали то ли падают бетонные плиты, то ли сваи вколачивают в землю по горло.

Марина выразительно смотрит на Соню:

– Слышишь? Началось.

– У них перемирие до трёх. Обещали не стрелять по монастырю, – уточняет Павел Иванович.

В последний раз служба здесь велась в мае, и тоже договаривались о перемирии на полдня. Тогда договорённость была соблюдена и никто не пострадал.

Уже половина первого. Из неба жарит такое яркое солнце, что даже ветер не мешает согреться. Возле храма прихожанам раздают вагрушки.

Соня берёт одну и сообщает:

– Вкусно!

С крыльца спускается архиепископ, и девушка снова попадает под благословение.

Павел Иванович приехал с братом на машине. Когда-то он жил в этом районе, а теперь кочует то по больницам, то по родным и знакомым. От его дома остались руины.

– Поедем посмотрим хоть издали, – просит он, и брат соглашается проехать рядом с домом, хоть это и опасно.

Но все уповают на перемирие, украинцы обещали не стрелять. Здесь трудно найти дом без осколочных ранений и повсеместно – обвалившиеся кровли, дыры в стенах. Новенькие, выстроенные в домайданном году дома похожи на истерзанных детей. Они не должны быть такими, это не их война.

– Тут воинская часть была. По казармам целили, а попадали по мирным гражданам. Мазилы! – В голосе Павла Ивановича слышится ненависть.

Только стены остались от казарм.

Брат Павла Ивановича подбросил девушек до вокзала. Соня снимала виды на телефон и отмечала детали, о которых надо упомянуть в публикации. Зеркальный фасад частично разбит, пластиковые навесы над перроном почти уничтожены. Выбиты стёкла в стареньких вагонах и тепловозах – экспонатах железнодорожного музея. Но стекла под ногами нет, потому что дворники работают несмотря ни на что.

Домой девушки возвращаются трамваем: он медленно тянется сквозь частный сектор, сквозь пустые склады-ангары с широкими дырами в крышах и заклеенными крест-накрест окнами, сквозь овраги с поваленными деревьями.

– Тут фазаны на дорогу выскакивают, – говорит Марина. – Однажды вышел из кустов и встал перед трамваем как ни в чём не бывало. Руки в боки. Водитель ему гудел-гудел, еле согнал.

– А окна заклеены как в кино про Великую Отечественную.

– Все заклеивали. Скотчем простым или бумажным. Тут же главное, чтобы осколки не полетели, от них больше всего ранений у людей. Взрывом выбивало и стекло, и пластик. А если окна в квартире с обеих сторон? Встанешь в углу между стен, сумку к груди прижмёшь и ждёшь, пока не кончится. Представляешь?

Нет, Соня не представляла.

Через два часа позвонил Павел Иванович и сообщил, что перемирие закончилось. Опять стреляют.

Как всё началось

Если бы Соня рассказала Марине или её друзьям, из-за чего на самом деле она приехала на воюющую донбасскую землю, её бы обсмеяли. Блогер Соня, как и все блогеры, понимала, что век интернет-знаменитости недолог, а потому втайне мечтала стать великим писателем. Конечно же, признаться в этом широкой публике она не могла. Писать она предпочитала не о любовных страстях или, на худой конец, разоблачении преступников, а о Великой Отечественной войне, к которой испытывала восторженные чувства. Прадеды её сложили головы на разных фронтах, а сама она столько прочла военной литературы, что порой казалась себе перерождением Зои Космодемьянской или Зины Портновой. О них и писала. Лучшие работы она никому не показывала, а рассылала по всевозможным конкурсам под псевдонимом Ульяна Чайкина, но ни разу не удостоилась ни длинного списка, ни короткого, что уж говорить о звании лауреата. Было досадно, но Соня не отчаивалась. В конце концов, не все великие добивались признания при жизни, а у неё впереди оставалось ещё много лет.

Одним из своих произведений она очень гордилась и, когда начала встречаться с Сергеем, как великую тайну, доверила ему прочитать исторический рассказ.

– Имей в виду, он основан на реальных событиях! – сообщила Соня. – Вот так всё и было, как я пишу. Я сайт один нашла, там куча документов.

– Почём тебе знать, как всё было? – Сергей пожал плечами. – «Восемнадцатое января тысяча девятьсот сорок второго года!» Многообещающее название!

Соня тут же пожалела о том, что доверилась этому цинику и попыталась отобрать у него ноутбук.

– Не-не-не, иди погуляй! – велел Сергей и углубился в чтение.

Соня несколько секунд внимательно следила за тем, чтобы ни тени улыбки не мелькнуло на его лице. Потом отправилась в магазин. Она собиралась накормить Сергея вкусным ужином, а дома оставались только макароны.

Сергей проводил её взглядом и прильнул к экрану.

Восемнадцатое января 1942 года

Придорожная изба в деревне Шаликово, чудом уцелевшая при отходе немцев, была переполнена людьми. Здесь отогревались солдаты отведённых на отдых частей и шофёры, подвозившие боеприпасы на передовую – к Можайску, за который со вчерашнего дня бились наши войска. Здесь находили ночлег погорельцы из сожжённых врагом деревень, шагавшие на восток, и те, кто, спасаясь от немца, ещё осенью покинул родные места, а ныне шёл по пятам наступающей Красной армии на запад.

«...Прокопчённая пятистенка, эта изба была средоточием тепла среди безжалостной, леденящей душу стужи на старой смоленской дороге, она была безмолвным свидетелем грозных событий. Мимо неё октябрьским холодным утром прошло последнее охранение отступавших советских частей. Она видела, как катили на восток тёмно-зелёные грузовики, ползли танки со свастикой на броне. И когда чужая силища двинулась обратно, и когда пошли в атаку наши бойцы – всё запомнили старые обмороженные брёвна.

Шёл второй месяц крупного наступления советских войск, и то, что раньше доносилось из-за линии фронта непроверенными слухами, предстало страшной явью. На смоленской дороге, на месте бывших подмосковных деревень кладбищенскими памятниками стояли занесённые снегом печные трубы. Прокопчённые, почерневшие, они словно требовали от бойцов: отомстите.

«Отомстите!» – кричали тела казнённых партизан и подпольщиков, расстрелянных евреев и коммунистов, солдат, умерших от голода и ран в плену, и солдат, что навечно легли в лесах и полях под снегом и вьюгой.

И этот тысячекратный крик, не замолкавший ни днём ни ночью, становился голосом всей страдающей земли, и воля её уже не звучала так оглушительно, как в первые дни, а суровой и надёжной уверенностью поселялась в груди тех, кто с боями шёл на запад...»

Слова по привычке складывались во фразы, а те, в свою очередь, в материал для газеты. «Не надо про пленных, – в полудрёме думал военкор, – и про евреев не надо».

Военный корреспондент газеты «Правда» Пётр Лидов не спал четвёртые сутки. Весёлый задор из-за быстрого контрнаступления сменился озлобленностью. Отступая, немцы сжигали

деревни, и впереди по всему заснеженному горизонту лезли вверх дымы пожарищ, как будто сшивались земля и небо чёрной суровой ниткой. Редко где успевали выбить врага, прежде чем начинали пылать избы. Немцы выпиливали амбразуры прямо в стенах и отстреливались из пулемётов, пока команды «факельщиков» бегали и жгли дома. Вот и сейчас вдали горел Можайск. Говорят, взорвали собор, где был лагерь для пленных красноармейцев.

Сквозь дрёму слышались голоса шофёров, словно на военном совете обсуждавших дальнейшие планы наступления. Потом и они утихли. Но через секунду сна загремела, заскрежетала тяжёлая дверь, по полу, выметая тепло, пронёсся студёный воздух, и в избу вошёл старик. Шофёры потеснились на полу, кто-то уступил деду охапку соломы. Но старик никак не мог угомониться. Он кряхтел, ворочался и всё время по стариковской привычке что-то бормотал себе под нос. Не по себе было и Лидову: слишком устал за эти четверо бессонных суток. Он то окунался в сонный кисель, то выныривал на поверхность, и такой сон больше отбирал сил, чем добавлял.

Донёсся шёпот:

– Не спится, отец?

Старик пробурчал что-то и затих. Лидов успел снова задремать, но вдруг услышал, что тишины нет, а старик, не думая о том, слушают ли его, рассказывает свою жизнь.

– Впятером уходили, значит: жена, дочка с внуками, я, горемычный. Немец-то на Москву пёр, а нам под ним никак нельзя: зять и сыновья в армии, коммунисты. Немцы за такое семьям – слышь?.. А в дороге под бомбёжку попали... Низко он летел, на бреющем полёте это называется. У меня зять – лётчик, потому и знаю. Жив он, нет? И куда сообщить? Один я остался... Внуки только ходить начали в августе, двойняки. Дочка красавица была, а что с ней бомба сделала... Могли бы и не уходить из дома – что так, что эдак смерть. Чего зря землю топтать? В деревне бы соседи по-людски схоронили.

Старику хотелось выговориться, и Лидов простился со сном. В тягучем мареве усталости он против своей воли ловил слова и складывал из них сюжет для нового материала. В «Правде» уже поняли, что гитлеровцы натворили дел на русской земле, и ободряющий тон повседневного героизма сменился пафосом самопожертвования. В декабре газета напечатала очерк «Восемь повешенных» – про волоколамских партизан, которые «с ненавистью плевали» и «гневно восклицали», а потом приняли смерть со слова-

ми о Родине на устах. Лидову не понравился этот очерк. Немцы описывались кровожадными дуболомами, а партизаны казались едва ли не умалишёнными фанатиками, которым то и дело пытались заткнуть рот. Веры автору, конечно, не было. Лидов не сомневался в том, что враг жесток и опасен, но он не страстный садист, каким его принято рисовать. Все злодеяния он вершит с расчётом на то, что сумеет запугать людей и деморализовать тех, кто поддерживает советскую власть на оккупированной земле. А значит, отвечать ему надо с тем же холодным расчётом: не домысливая, не дорисовывая, избегая пафоса и велеречивости; надо давать читателю факт, но такой факт, который поведёт в бой. Факт самодостаточный и яркий, как красное знамя.

Ненависть возникает от наглядности, и, наблюдая читатели газет воочию то, что довелось за полгода увидеть военкорам, они ни на секунду не усомнились бы в том, что на русскую землю пришло зло, умное и жестокое. К несчастью, большинство военных корреспондентов не понимали, что, набивая текст эпитетами, они творят карикатуру. Причём не на немцев.

– Не понимаю, о чём ты, – пожал плечами автор «Восьми повешенных», – там того факта – раз и обчёлся. Отбили город, видят: висят тела на главной площади, среди них две девушки. Кто они, откуда – никто не знает. Хоть сам выдумывай.

– А ты и выдумал? – прищурился Лидов.

Собеседник поморщился:

– Не лови на слове. Если хочешь знать, факт там такой, что сам закачаешься, только не впечатают ни в жизнь.

– Ну? – удивился Лидов.

– Гну! Бойцы в город вошли. Видят: висят. Сняли, рядом с виселицей положили. К приезду прессы вовсе уже хоронить собирались, митинг организовали. А тут кинооператор подъехал – нет, говорит, не годится картинка, мне её на весь мир показывать. Вешайте назад.

– Да ты что! – присвистнул Лидов. (Он, как и все, видел кинохронику: грузовики с бойцами на улицах маленького городка, сожжённые здания, восемь заснеженных тел качаются на общей перекладине.) – И не побили?

– Так ведь прав он. За что бить? Весь мир увидит. Это мы с тобой можем присочинить ради эффекта, а камера не соврёт. Нет, кто-то заверещал, мол, вражья морда, но генерал быстро урезонил. У Говорова не побуйнишь.

– А признайся, – не отставал Лидов, – в очерке насочинял? У меня на такое нюх.

Собеседник развёл руками, мол, думай как хочешь.

– Ты, Пётр Александрович, пойми, – вторил ему главред Поспелов, – сейчас главное, чтобы всё – политически верно. О стилистике после войны думать будем. Люди читают? Читают. Впечатляются? Впечатляются.

– Так ведь краской они впечатляются, а не картиной, – пробовал возражать Лидов. – А картина из-за этих красок смешной выходит. Нельзя так.

– Вот сам бери и правь каждого, раз такой эстет! – Поспелов начал раздражаться. – А меня уволь, и без того дел – во! – Ребром ладони он энергично ткнул себя в шею. – Хочешь, чтобы все были талантами? А с кем работать тогда? Всё, Петя, всё! Ищи свою тему – пиши как бог на душу. А сейчас не мути воду, не до тебя.

И военкор Лидов рыскал по передовой, как и сотни других журналистов, расспрашивал и выслушивал, боялся проглядеть или опоздать. И потому, невзирая на смертельную усталость, он не мог позволить себе проспать рассказ случайного соседа, так много повидавшего на своём пути.

Теперь шёл старик вслед за Красной армией, возвращался домой. Вчера он слышал, что наши бьются за Можайск, а ведь от него до дома рукой подать.

– Ежели уцелел... – вздохнул он. – А то ж бомбы сыплются, а куда – не глядят, глаз у них нет.

Одетый в драную шинель, снятую с убитого немца, обутый в лапти, которые он называл «баретки тридцать четыре клетки», шёл старик по разорённому Подмосковию в родное село. Он смотрел на развалины и пепелища и запоминал увиденное. Он вёл счёт повешенным и замученным фашистами людям, он хранил в памяти каждое спалённое село. Не торопясь, подробно рассказывал о том, что увидел. Только иногда отворачивал лицо от света и смотрел в тёмный угол избы.

Где-то торопливо, будто боясь опоздать, бли орудия. Дрожала изба от грохота проходивших по дороге танков.

– А деревня такая есть – Петрицево, там девчонку казнили. Говорят, молоденькая совсем, а грозила немцам. Её вешают, а она речь говорит! Уходите, сдавайтесь, не место вам на нашей земле... Все погибнете, а за меня отомстят.

– За что вешали? – донеслось из угла.

– За шею, – печально пошутил кто-то.

Оказалось, не только Лидов бодрствует. Проснулись шофёры, откуда-то из-за печки из своего закутка, отгороженного от горницы ситцевым

пологом, вышла хозяйка. Никто уже не спал в избе: все слушали рассказ старика.

– Вроде как за партизанство, точно не скажу. А до того столько мук она приняла, столько... А грозила, не сдалась. Местные рассказывали: всю ночь пытали девчонку, места живого не оставили. Ведь даже имени своего не сказала. А только наутро, как взяли её вешать, она речь говорит... Слышь-ка, ведь вешают – и речь говорит!

– Неужто всё это правда? – Хозяйка покачала головой. – Неужто бывают такие?

Лидов почувствовал, как по шее побежал холодок. Предчувствие небывалой удачи бодрило, и предстояло действовать оперативно, пока не взят Можайск, потом будет не до того... Военкор начал наматывать непросохшие портянки.

– В Петрищеве, говоришь? Точно?

Старик задумался.

– Кажись, точно. Только эта деревня и уцелела, немцы не успели спалить. Все жители с окрест там и ночуют. А ты чего вскочил?

– Не до сна.

Только сейчас, собираясь в дорогу, он почувствовал, как устал. А до незнакомой деревни, говорят, двадцать с лишним километров, и нет попутных машин, все едут на передовую.

Он открыл дверь из избы на улицу, в темноту – и отшатнулся.

Ветер, как собака, толкнулся в колени. Горбатые волны вьюжного снега шли от самой двери, тряся белыми гривами, перебежали дорогу. Лидов даже закрыл глаза рукой – так вдруг с тепла у него закружилась уставшая от бессонницы голова, полплыли перед глазами сугробы.

Но интуиция военного корреспондента гнала прочь из дома, и не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться ей.

* * *

По сторонам разбитой дороги едва чернели запылённые воронки, лежали убитые лошади, какие-то нетронутые, какие-то изрубленные. При наступлении провиант не успевали подвозить, и конина шла на харчи. Местные крестьяне пилили уже промёрзшие туши, как дрова.

Это мешало двигаться по обочине, а дорога была занята войсками, которые шли и шли на фронт. Осторожно, словно ощупывая синими лучами фар снежный путь, ползли по разбитой колее грузовики. Почти невидимая в белых маскировочных халатах, молча шагала по обочине пехота. Только иногда в темноте холодно блистал ствол автомата.

Небо серело, и становилось видно, как преображает природа вчерашние места боёв. Чем дальше от передовой, тем более мирной казалась картина: дорога не так размолола, снег успел запарошить обочины, скрыл от глаз чужие трупы. На шоссе в нескольких местах образовались пробки: в рыхлом снегу застряли машины и повозки.

Одна из застрявших машин оказалась знакомой.

– Эй, Петро! – донеслось до Лидова. – А ну, походи!

Редакционная «эмочка» засела колесом в колдобине. Сейчас водитель изо всех сил вывернул руль вправо, а фотокор «Правды» Миша Калашников и «комсомолец» Сергей Любимов вытаскивали машину из западни. Та отчаянно буксовала.

– Пу-уш-кино взяли, – сообщил Калашников присоединившемуся Лидову. – От редакции задание: побывать и-и-и написать.

«Эмка» взвизгнула на пределе сил и наконец перевалила через замороженное снежное ребро. Взмокшие военкоры забрались в кабину и немедленно закурили. Водитель тронул машину с места.

– Хорошо, что встретились, – продолжил Калашников. – Сделаем репортаж. Я нащёлкаю, а ты текстовку дашь, строк сто. Годится?

Это, несомненно, годилось. Запахло настоящей, живой работой, которая нужна газете, а значит, и фронту. Петрищеву не убежит, туда можно заехать и позже. Устав от ходьбы, Лидов уже раскаивался в поспешности и потихоньку отпускал от себя замысел грандиозного очерка. Начинало казаться, что недосып сыграл с ним злую шутку, и не надо искать сомнительную сенсацию, а надо делать повседневную привычную работу, ради которой и идут вперёд наши войска, ради которой он, военный корреспондент Пётр Лидов, шагает за ними вслед. Неизвестно, что произошло в маленькой деревне на самом деле, а освобождённое Пушкино – это данность, это насущный хлеб.

– Поехали, – согласился он.

Деревня Пушкино была сожжена почти дотла. Уцелела только закрытая ещё до войны церковь да три избы, расположенные на отшибе; в них набились уставшие красноармейцы и обездоленные жители.

– Что творят, паскуды.

Корреспонденты помнили Пушкино по довоенным годам. Это была большая зажиточная деревня, семьдесят три избы.

Калашников снимал, Лидов с Любимовым торопливо строчили в блокноты.

11

Люди начали выглядывать из домов, по одному, по двое стали подходить к военкорам.

– Вы писать про нас будете?

Женщина в шерстяном платке глядела с подозрением. Из-под платка выбивались рано поседевшие волосы.

– Документы есть?

Лидов достал удостоверение, и женщина с пристрастием его изучила.

– Скоро продлевать, – заметила она.

– Скоро, – согласился Лидов.

– А моя фамилия – Молодцова. – Она вернула документ. – Только чего про нас писать? Немцы как везде лютовали. Дома пожгли. Мужиков кого угнали, кого постреляли, в овраг скинули, не дали хоронить. Партизаны к нам заходили, но не оставались, шли дальше. Дорогу узнавали, картошки просили отсыпать. Мы чем могли, конечно, помогали. Мой дом с краю деревни стоял, вон труба видна. Ещё до снега две девушки заходили погреться. Говорили, что из-под Смоленска идут, окопы рыли, да по всему видать – партизанки. Всё выспрашивали, много ли у нас немцев, какие части, где стоят. И так незатейливо, будто я не пойму, для чего им. Может, кого из них и поймали, больно неосторожные были. А где-то неподалёку партизанку казнили с месяц назад – совсем молоденькую! Ни слова на допросах не сказала, а перед самой казнью, уже на ящиках стояла, всё говорила и говорила. И немцам сказала, чтобы сдавались в плен, и нашим людям крикнула, чтобы били фашистов. Вот какая девушка!

Лидов подобрался как перед прыжком:

– Вы что же, сами видели? Где это было?

Женщина помотала головой:

– Где было... Петрищево, что ли... Бабы-мешочницы ходили по деревням, вещи на еду выменивали – вот они и рассказывали про виселицу в центре села. Так-то много где вешали, и мужиков, и девок, и детей. Никого не щадили, ироды. И нас не пощадили. А как теперь жить? Ни еды, ни вещей. Все кругом погорельцы. Немчура проклятая!

Чем дольше она говорила, тем сильнее становилась в ней боль и обида и тем отчётливее дрожал голос. Подошли другие люди. Они согласен кивали и, стоило женщине умолкнуть, загомонили разом.

– Мужиков нет – кто строить будет?

– Дети да бабы остались!

– Кто помогнёт?

– Что мы, двузильные?

– Вы уж напишите, напишите!

– Цыц! – прикрикнул высокий старик. – Раскудахтались. Сдурели совсем, никак самые бедные. Мужиков своих постыдитесь! Вам под пули не идти, вы-то хоть живые. А раз живые, то и в землянках до крапивы дотянете, а там, глядишь, к лету и война кончится. Так ли, товарищ корреспондент?

Лидов виновато улыбнулся:

– К лету не кончится. Силы у немца много. Но ведь сами понимаете: врага надо уничтожить. А до тех пор вы уж постарайтесь сдюжить. Вернутся мужики, всё отстроим заново – не узнаете землю.

Вскоре у Калашникова кончилась плёнка. Материал для текстовки был собран.

– Что, на базу? – Любимов хлопнул соратника по плечу.

– Слушай, Серёжа... Надо бы съездить в одну деревню, раз машина есть. Я ведь туда и шёл. Уже двое рассказали... Может, байка, не поручусь.

Любимов выслушал и согласился ехать. Отказался Калашников:

– Солнце уходит, скоро темнеть начнёт. И в редакции ждут материал. Ты уж мне текстовку сооруди, как обещал, а дальше... Я в Москву, а вас могу на базу забросить.

Так Лидов снова оказался в придорожной избе в деревне Шаликово.

В этот день была прервана связь между гарнизонами немцев в Можайске и Верее. Войска генерала Ефимова окружили Верею с трёх сторон, и участь её должна была решиться в ближайшие дни. Успех этой операции обеспечивал безопасность тылам генерала Говорова. Бои за Можайск продолжались.

* * *

Ранним утром 19 января 1942 года Лидов и Любимов выехали в Петрищево. Добирались где на попутках, а где пешком. Снова, покачиваясь, плыла безрадостная фронтовая дорога. Сожжена деревня Грибцово, разорено Дорохово.

– Что будешь делать после войны? – спросил Лидов.

Он хотел знать, как же будет отстраиваться заново эта разорённая земля, как будут подниматься из пепла города и деревни, сколько душевных сил и тяжёлой работы потребуется от людей, чтобы минные поля снова превратить в картофельные и пшеничные. Но ответа на этот вопрос попросту не существовало, и надо было о чём-то говорить, чтобы не заснуть, потому он спросил:

- Что будешь делать после войны?
- Отсыпаться.
- А серьёзно?
- Доживи сначала, – пожал плечами Любимов.

Шофёр притормозил у съезда с шоссе. По широкой дороге редко ходили машины, и сейчас она утонула в снегу, но рядом с ней проторили тропку беженцы и погорельцы. Стоял унылый, но зато бесснежный и безветренный день, идти было нетрудно. Через несколько километров пришлось сойти на другую дорогу, а затем военкоры уткнулись в городьбу, над которой до сих пор высился немецкий указатель: «Petrischewo».

Это была одна из немногих уцелевших деревень. После разорений и пожаров было странно видеть соломенные крыши, и крепкие стены, и такой мирный дымок над печными трубами. Виселицы не было.

Внутри росло недоверие. Мало ли таких народных легенд: про богатырей, про святых. Народу необходима вера в то, что в самые чёрные времена найдётся человек, готовый пострадать за правое дело. За то, чтобы жить стало лучше, чтобы жить стало веселее. Лидов усмехнулся. В голове сам собой складывался рассказ о девушке, которой в действительности не существовало, но которая обязательно должна была совершить свой подвиг во имя народа. Здесь ли, в Подмосковье, на украинской или белорусской земле. Это был рассказ-призыв, рассказ-требование. Он обращался к бойцам Красной армии и к молодёжи, оставшейся в тылу врага, он повторял и дополнял слова Сталина: «Братья и сёстры, друзья мои! Пусть не было такой девушки, но народная молва возвела её в величайшие героини. Будьте же достойны народа, у которого такие герои!»

Военкоры без стука зашли в ближайшую избу.

Дом оказался переполнен людьми: здесь были и местные жители, и женщины с детьми из соседних сожжённых деревень, и красноармейцы каких-то тыловых частей.

– Конечно, девушка нам хорошо известна, – сказала хозяйка. – Это Маруся Гавшина – секретарь Верейского райкома комсомола. Она до войны часто бывала у нас, делала доклады, проводила подписку на заём. Месяца полтора назад её повесили. Я стояла на площади, всё видела. Немцы уже перед тем, как уходить, спилили виселицу, а Марусю на опушке закопали.

– Она действительно призывала немцев сдаваться? – спросил Любимов.

Хозяйка закивала, Любимов с сомнением глядел на неё.

– С петлёй на шее призывала сдаваться в плен?

– Ну да. Она вообще активная была, речи ей удавались. Я её потому и признала, что больно складно говорила. И так, знаете, громко, прямо как до войны на митинге. Вы бы шли к Куликам или к Ворониным, те побольше знают. Немцы Марусю у них держали. Говорят, пытали её.

Военкоров проводили к Седовым, куда декабрьским вечером солдаты привели задержанную. Затем прошли к Ворониным, где в немецком штабе производился допрос, и к Куликам, где девушку мучили всю ночь и откуда утром шла она на казнь.

Народная молва ничего не приукрасила. Девушка была партизанкой: задержали её, когда она пыталась поджечь сарай, при обыске обнаружилось бутылки с керосином. После первого допроса, когда начались пытки, она перестала отвечать немцам. Поймали её вечером, часов в семь или полвосьмого и повели в ближайшую избу, где стояли немецкие солдаты, – к Седовым.

– Немцы, которые жили дома у нас, закричали: «Партизан, партизан». Держали её у нас минут двадцать. Слышно было, как били по щекам – раз пять. Она при этом молчала. Куда увели её, не знаю. Волосы короткие, чёрные, завитые, красивая девушка, чернобровая, губы толстенькие, маленькие.

– Вам она незнакома? Может быть, до войны видели?

– Нет, никогда я её не встречала.

И старуха Воронина прежде не видела эту девушку.

– Привели её после Седовых. Я топила печь. Смотрю – ведут. Они мне кричат: «Матка, это русь, это она «фу» – сожгла дома». Она при этом молчала. Её посадили возле печки. Привели-то её впятером. У меня на квартире был штаб какой-то, всё начальники да офицеры. Сначала спрашивали, она отвечала, а потом отказалась говорить.

– А подробнее?

Оба военкора строчили в блокнотах.

– Подробнее... – Рассказ давался хозяйке с трудом. – Ну, лежу, значит, на печке, слушаю, начинается возня, начинают её пороть. Пороли её, я вслушиваюсь и считаю. Сначала тридцать ремней дали. Стегали в четыре захода, в четвёртый раз стали стегать, она только охнула: «Ох, бросьте меня пороть, я вам сказала, больше не

могу говорить с вами...» Через минут пятнадцать её вывели совсем голую, босую, в одной рубашонке. Крови не видно. Я хотела посмотреть, стала с печки слезать, а мне немец по ногам... И увели её. Посмотреть не пришлось никому в окно, так и не пускали с печки. Ох, дуже тяжело... Когда её от мене увели, то надругались над ней: водили по морозу голую по снегу. И потом её повесили. Виселица прямо напротив моего дома была – вот, выгляни в окошко. Провисела она полтора месяца. Как ни выйду из дома, так на неё смотрю. Неприятеля, изверги нажрались пьяные, изрезали грудь ей и ноги. Когда отступал немец, наши пришли, я топила печку. Слышу, кричат: «Красные пришли! Красные!» Я испугалась: что такие за красные? Прямо не ждала уже. Тогда вышла ко двору, а там наши солдатики, очень их было много... – И старуха разрыдалась.

– Про что её спрашивали?

Старуха вытерла слёзы и продолжила спокойным голосом:

– Немцы-то? А вот что: откуда она, сколько домов сожгла, где фронт перешла. Отвечала она, только непохоже, что правду.

– Почему?

– Немцам сказала, что она из Саратова, а Прасковье-то Кулик ответила, что московская. Вы сходите к Прасковье, можно напрямки через поле, там тропа, я покажу. Вон тот дом, где дерево.

Прасковья Кулик оказалась тридцатилетней женщиной, с тремя детьми. Говорила она с сильным белорусским акцентом, но рассказ её был куда информативнее, чем у той же Ворониной. Муж её, Василий Кулик, по инвалидности был негоден к военной службе, и в хозяйстве от него было мало проку. Занимался он тем, что чинил обувь.

– Вы не смотрите, он труженик! – убеждала военкоров хозяйка. – Для вас расстарается, что хошь сделает, а вот немцы хотели сапоги чинить – так сказался больным, чуть и в самом деле не помер. Мы ведь не по своей воле под немцем остались, разве ж мы хотели под грабителем жить?

Женщина боялась, как бы не обвинили их с мужем в пособничестве немцам, и Лидов ободряюще улыбнулся:

– Вы нам про девушку расскажите. Откуда её к вам привели?

– Откуда вели, не знаю. В эту ночь у меня на квартире было двадцать пять немцев. Часов в десять я вышла на улицу. Её вели патрули – со связанными руками, в нижней рубашке, босиком, и сверху нижней рубашки надета ещё муж-

ская нижняя рубашка. Мне они сказали: «Матка, поймали партизана». Её привели и посадили на скамейку, и она охнула. Губы у неё были чёрные-чёрные, спекшиеся и вздутое лицо на лбу. Она попросила пить у моего мужа. Мы спросили: можно? А они говорят – нет, и один из них вместо воды поднёс ей к подбородку керосиновую лампу. Без стекла она горела, обожгла лицо... А она молчала, сильная такая была. Но затем разрешили её попить, и она выпила два ковша. Через полчаса они её потащили на улицу. Минут двадцать водили по снегу босиком, потом опять привели. Так, босиком, выводили с десяти до двух часов ночи – по улице, по снегу, босиком. У немцев будильник на столе стоял, так я по нему следила с печки.

– Говорят, девушка эта бывала здесь до войны. Может, вам что-то известно?

Прасковья покачала головой:

– Не видела. Я всё ждала, что партизаны придут и освободят её. А мы что? Разве мы могли что-то сделать?..

* * *

Можайск был взят 20 января.

«В восемь часов утра на плечах отходящего противника наши части вошли в город. Важнейший узел немецкого сопротивления был уничтожен, захвачены трофеи: оружие и автомашины. Над зданием городского совета был поднят красный флаг».

«Было очевидно, что необходимо гнать врага дальше, что нельзя дать ему опомниться и организовать новую оборону. Это преследование напомунало бегство французских войск из Москвы в 1812 году. Одетые в крестьянские полушубки, валенки, в женские меховые пальто, в шапках-ушанках или шалях поверх пилотов, отступавшие немецкие войска походили на отряды Наполеона, бежавшие из России. Их путь так же пролегал через историческое Бородинское поле. Немцы не могли надолго задержаться на этом поле и не успели разрушить имеющиеся на нём памятники славы русского оружия, но, отступая, они сожгли Бородинский исторический музей».

«Накануне взятия Можайска нашими войсками была захвачена Верея, где во время оккупации немецкое командование создало мощный узел обороны».

Лидов находился в Москве, события на фронте он отслеживал по сводкам Информбюро. Выпросив у редактора машину, 21 января он выехал в освобождённый город. Сергей Любимов отправился вместе с ним. Оба они по заданию своих газет работали над очерками про пар-

тизанку. Каждый втайне надеялся, что женщина в Петрищеве была права и неизвестная героиня вскоре будет опознана.

– Девушку, которую гитлеровцы повесили в Петрищеве, мы видели, – сказал секретарь райкома партии Вереи. – Она ночевала в землянке нашего отряда. Нам известно, что она из комсомольцев Московского истребительного полка. Но фамилии её никто из нас не знает. Сами понимаете: время такое, фамилий знать не положено. Что же касается Маруси Гавшиной, то она заведовала нашим парткабинетом, состояла в партизанском отряде, жива-здоровая и сегодня вернулась сюда...

В Москву ехали молча. Каждый размышлял над тем, что делать дальше.

«Героиня могла быть выдуманной, бесплотной, для газеты это не так важно, – думал Лидов, – но реальный человек не должен остаться безымянным...»

Уже на подъезде к заставе Лидов спросил:

– Серёжа, а ты продлил удостоверение?

Любимов сдвинул брови. Потом вспомнил и ответил:

– Ещё месяц действительно. А что?

Лидов потёр рукой лоб:

– Да так, ничего.

Как всё началось

(продолжение)

Когда Соня вернулась из магазина с готовыми роллами, Сергей смотрел в экран ноутбука и тяжело вздыхал. Не было сил наблюдать за этим.

Соня сходила на лестницу покурить, поболтала на кухне с соседями, отнесла им одолженную вчера сковородку, а Сергей никак не мог оторваться от экрана.

– Ну? – не вытерпела Соня.

Сергей прокашлялся.

– Ну, знаешь... Это, конечно... – И он замолчал.

– Я тебя придушу. Говори уже!

Сергей ещё раз вздохнул и как в воду нырнул:

– Это всё написано до тебя. Тут есть крутые моменты, но это пять процентов текста, а остальное – какой-то лютый трёхтонный совок. Дед Щукарь этот ещё... И гладенько так, как будто завтра в цензуру нести. Кто это станет читать? Кроме меня, и то по большой дружбе.

Соня села за стол так, чтобы видеть Сергея.

– Что, совсем паршиво?

– Тебе по пунктам?

Она кивнула.

– Ну, смотри, берём с самого начала. Вот здесь точно советский стиль. И путаница. Может, так: «Здесь останавливались на ночлег уходившие осенью на восток погорельцы из сожжённых фашистами деревень. Сейчас они двигались обратно, на запад, за советскими войсками, которые перешли в наступление»?

Он отмотал текст и нахмурился.

– Чот пафосно малость... и довольно банально, прости: «леденящая душу», «средоточие»... Я бы написал, например: «Эта прокопчённая пятистенка казалась на старой смоленской дороге единственной живой точкой среди мертвецкой стужи, среди чёртова холода, колом застрявшего в кишках».

– В кишках? При чём тут кишки?

– Ну, а что ты хочешь? О войне или кишками наружу, или никак.

– Где я тебе аутентичные кишки возьму?

– Свои вытаскивай.

– Мои кишки слишком пахнут современностью. Я хочу, чтобы люди понимали, что писать о войне из дня сегодняшнего – это значит лжесвидетельствовать. Я не хочу приписывать тогдашним людям современных чувств. Всё изменилось настолько, что следов не найдёшь.

Сергей поморщился:

– Вот, ты даже говоришь штампами... Ни о чём. Я бы лучше сосредоточился на конкретных деталях. Например, так, – и Сергей заговорил голосом Левитана: – «Мимо этой избы 23 октября 1941 года энская дивизия отступала...» Ну, пусть в сторону Кукуева. Да, того самого, куда уплыл топор.

– Прекрати!

Соня покраснела. Было смешно и стыдно.

– Двое артиллеристов пытались тащить на себе пушку. Один, который постарше, предложил бросить её к чёртовой матери... И вот они бросили, а тут появляется незнакомый кривоногий лейтенант, орёт, что фашисты придут сюда меньше чем через час, но за брошенное оружие – трибунал. И сам убегает! Пожилой чувак говорит: «Не допрём, отсюда будем фашиста бить, а то, пока тащим эту дуру, нам снаряд прилетит». То есть, понимаешь, он не бросает пушку, а жертвует собой.

– И молодым?

– Молодого может прогнать, если тебе так легче... Или так, я тут набросал: «С чердака строчил из пулемёта сержант, обезумевший от вшей, которых не брал даже мороз. Осенняя

грязь вросла в куцый ватник сержанта намертво. Последняя лента закончилась. Серые фашистские гниды подползали всё ближе. Сержант увидел, как у одного фрица упала пилотка, но немец не стал её поднимать. Сержант перезарядил пистолет. Почесал зудящую шею. Приставил под подбородок пистолет и выстрелил. В его кармане оказалась только фотокарточка с лохматой собакой и мятая немецкая листовка: «Справа молот, слева серп. Государственный наш герб. Хочешь – жни, а хочешь – куй, всё равно получишь...».

Соня скривилась:

– Иван Васильевич, когда вы говорите, такое ощущение, что вы бредите. Ты в курсе, что гниды – это яйца вшей и они не умеют ползать? И кто у него нашёл эту листовку с собакой? Немцы? Как-то слишком трепетно: лохматая собака, мятая листовка.

– Что тебе не нравится? Детали прибавляют достоверности событиям.

– А военная книжка? А комсомольский билет? Куда он их дел?

– Вот на фига сюда вплетать комсомольский билет? Блин, тебе разреши, так он перед смертью ещё крикнет: «За Сталина!»

– Не утрируй. Сталин – это Сталин, а документы – это документы. Нельзя подменять комсомольский билет немецкой листовкой, это просто... ну, непорядочно.

– Сжёг он комсомольский билет, в лесу закопал. На случай плена.

– Он трус – избавляется от билета? – возмутилась Соня. – Тогда почему у него хватило смелости застрелиться?

– Да мало ли чего на войне не бывает? За чем тебе здесь партийность? Она четверть века как отмерла.

– Стоп. У нас с тобой, похоже, капитальное расхождение во взглядах. Ты думаешь, что воевали просто люди, а я знаю, что воевали определённого воспитания люди. Которые не прятались от призыва, не сдавались в плен. Они сильные были, вот как мои деды – для них, как и для многих, комсомол – это... ну, святое. Они лучше комсомола ничего и не знали. Ты думаешь, что детали войны – это грязь, мат и вши, а я думаю, что детали – это босиком по снегу и запеть «Интернационал» под петлёй. А грязь и вшей пусть забирают себе немцы и либералы твои! Я в наших людях вижу подвиг и хочу, чтобы все видели подвиг, а не фотокарточку с лохматой собакой. Блохастой наверняка...
Сергей заржал.

– Тебя бы на броневик сейчас – такую речь толкнула! Ладно, давай дальше.

Он подёргал себя за красиво подстриженную бородку, которая делала его похожим на советского инженера, и ещё раз отмотал текст.

– Вот у тебя здесь трубы от сгоревших домов. Ну было же сто миллионов раз! И про «отомстите» тоже. Нужно посвежее, мне кажется, или конкретнее... Типа того: «От подмосковных деревень оставалась только груда бесполезного обгоревшего хлама, воронки со вмёрзшими трупами (шут его разберёт чьими, одинаково ненужными ни нашим, ни фашистам), гнилые зубы печных труб, на которых виднелись незамысловатые надписи: Волковы ушли всё в то же Кукуево, немецкие матерные ругательства». Или ещё конкретнее... Опиши какой-нибудь бывший дом, возле него, например, валяется что-то из случайно сплавившихся в одно целое гильзы и жестиной миски.

– Может, ты сам сядешь и напишешь? – Соня начинала злиться. – Неплохо получается, только не о Подмоскowie и вообще не о тех людях. Какие, блин, надписи? Откуда немецкий мат? Русские крестьяне немецкого мата не знали, а немцы уходили, пока дома ещё горели, они физически не могли написать на трубах ничего. А вот то, что семья ушла куда-то там, – вариант, можно добавить.

– Не, а что? Одни немцы подождли, другие шли за ними, когда изба уже сгорела. Вполне реально, если место туда-сюда переходило от наших к фрицам и назад.

– А что у нас в Подмоскowie переходило туда-сюда? Это тебе не Ростов!

– А может, эту деревню трижды отвоёвывали и теряли. Локальная операция.

– Ну, ты совсем неуч? Не было же такого при зимнем наступлении! Не бы-ло!

– А ты придумай. Иногда же бывало, что один участок дня по три добивали. Хотя в 1941 году фашисты довольно шустро топали... Могла сгореть изба при артобстреле или бомбёжке осенью, когда фронт только приближался, потом прошли наши, потом фрицы. И пока стояли, фашисты развлекались. Партизан вешали. Трубы матюками расписывали.

– Ты издеваешься?

Сергей поднял на Соню честные глаза:

– Нет. Это я просто всячески пытаюсь донести мысль, что сейчас невозможно написать как тогда. Надо шарахаться от привычных ходов, общих мест и писать своим голосом. А у тебя пока стилизация и вторичный текст.

– А что это ещё может быть? У нас вообще вся жизнь – стилизация и вторичный текст! Повторюсь: на войне я не была, я не знаю, как там.

– Да неважно, была или не была! Я про то, что лучше писать своими словами и то, что думаешь ты лично. Сейчас твой текст на девяносто процентов сплав того, что мы уже давно читали. И десять процентов тебя, а ведь именно ты делаешь текст живым. Я отметил бомбические фразы, но их маловато...

Соне хотелось плакать. Её самые светлые чувства, всё прекрасное, что было в душе и что она вложила в рассказ, только что было оплёвано и растоптано. И кем? Любимым человеком, который должен поддерживать все её начинания и принимать её такой, какая она есть. А он! Соня не выдержала и всхлипнула, но Сергей, увлечённый собственным монологом, этого даже не заметил.

– Вообще, думаю, здесь есть одна, но стратегически важная ошибка: ты пишешь не от своего имени. Это стилизация. Гораздо круче было бы написать так, как именно ты это чувствуешь. Не дед Щукарь и не совковый корреспондент. Я бы знаешь что сделал на твоём месте? Я бы на твоём месте отложил текст, включил диктофон и устно всё это пересказал неведомому собеседнику. Тогда это будет искренне и правдиво и свежо.

Соня кивнула:

– Хорошо, ты меня уговорил. Я еду на войну. Сергей оторопел:

– Какую ещё войну?

Соня скривила рожицу:

– Шось, так довго трэба шукаты?

Музейный день

Марина читала лекции в институте, а потому сдала Соню на попечение своему товарищу по работе Виктору Петровичу, и русский блогер с донецким искусствоведом отправились в путешествие по музеям. Сначала заглянули в многострадальный краеведческий, чьё здание на треть разбомбили представители антитеррористической операции. По иронии судьбы бомбы ложились точно на зал истории Украины. С тех пор крыло восстановили и перестроили, вставили окна во всю стену, надстроили третий этаж. Новую кирпичную кладку видно: она идёт по диагонали от земли до крыши, опираясь на ощеренный треугольник старой. Внешней отделкой пока не занимались, но были предложения оста-

вить эту стену в таком виде навсегда – на память о войне.

В музее заставляют сдать не только верхнюю одежду, но и сумки, и по залам посетители ходят налегке. От бомбёжек экспонаты пострадали сильно, и на обозрение выставлены – святая святых! – музейные фонды.

– Тут же раскопки проводили почти археологические! – объясняет Виктор Петрович. – Волонтёры слой за слоем снимали – так всё перемешалось!

Первый зал посвящён знаменитым землякам, коих много, начиная от композитора Сергея Прокофьева и заканчивая космонавтом Береговым.

Экспозиция не то чтобы бедна, а сделана как-то невпопад: экспонаты расставлены без выработанной годами логики. Видно, что работники музея очень не хотели прекращать работу хоть на время, а потому для общего начала поставили возле одной стены соху и вилы, манекенов в дамских нарядах начала XX века, пролётку и костюм космонавта с борщом в тубике и гречневой кашей в пакете.

В другом зале собраны экспонаты выставки «Школьные годы чудесные»: от кружевных манжет царских гимназий до кукол в пионерской форме.

– Я за такой партией сидел! Вот точно за такой! Только у нас крышка откидная была. Да ты, поди, такого и не помнишь!

Соня тяжело вздыхает, поскольку хоть и не сидела за такой партией, но возраст имела солидный. Впрочем, всё равно в него никто никогда не верил.

– И вот такая люстра у нас была! – показывает Виктор Петрович на керосиновую люстру с зелёным абажуром, висящую над сценой семейного быта 50-х годов.

– Люстра пострадала, – говорит хранительница зала. – Треснула, кусок откололся, приклеили временно на скотч. Видите, где тень от крепления? Снаряд упал прямо перед порогом музея, нас ель защитила: высокая была, густая. А без неё неизвестно, что бы тут было.

Это крыло стоит симметрично тому, разбомблённому, в тридцати метрах от него. Сейчас от ели остался пенёк, у двух скифских каменных баб, стоящих рядом, откололись головы. Внутренняя стена из тонкой, двухсантиметровой доски щедро чернеет сквозными дырками. Это рядом с входом, напротив бывшей ели. Соня выковыривает из стены кусочек металла, похожий на обломок толстой проволоки. Он глубокой занозой вонзился под деревянную кожу. По при-

вычке прячет в кошелек, чтобы не потерять. Наверное, это осколок. «Будешь сувениром!» – сообщает ему Соня.

На улице разыгралось солнце, весенний дымок горчит в горле. Дальше путь ведёт к высокому берегу реки Кальмиус, мемориалу ВОВ: к высоким фигурам воина и шахтёра, к гранитным табличкам с именами погибших и выживших, к Вечному огню. Да, огонь горит. Он спрятан от порывистого берегового ветра в глубине мемориала. К нему подходит юная парочка и стоит молча и серьёзно.

«Странные какие...» – думает Соня.

Сегодня санитарный день, устанавливают приезжую выставку «Нюрнбергский процесс», но Виктор Петрович знаком с директором, и гостей пускают без проблем. Музей винтом уходит вниз, он немного похож на минский, но не такой величественный.

Соня говорит об этом директору, и та вздыхает:

– Вот бы там побывать!

Соня и так любит военные музеи, а этот почему-то вызывает абсолютную симпатию. На территории Донецка существовало гетто и лагерь военнопленных, в шахту № 4/4-бис сбрасывали тела расстрелянных горожан. Инсталляция с макетом шахты, скрежет железа, жизнерадостные портреты мертвецов в воздухе. Из тысяч выжил только один старик: притворился мёртвым, а при падении уцепился за канат, по которому затем и выбрался наверх.

– А здесь у нас новейшая история. Портреты и личные вещи погибших защитников Донецка: удостоверение, складной нож, телефон с разбитым экраном – и макет сражения при Саур-Могиле...

Соня замирает: современная война внезапно обретает наглядность. Фигурки воинов лежат и стоят в разных местах, кажется, что их очень мало.

– Сейчас памятник разрушен, только сапог солдата стоит. И один из барельефов тоже уничтожен. А вот там, у ступенек, могилы наших ребят. И вот там, где ели, тоже. Мы собираемся создать на Саур-Могиле музейный комплекс, но сейчас это трудно: если история Великой Отечественной имеет какой-то угол освещения, то историческая справка по современности – материал неустоявшийся. Как делать музей – неясно.

Директор идёт дальше, открывает запёртую дверь. Вдоль стены ровным рядом стоят круглые ржавые корпуса чего-то агрессивного, и Соню пробирает дрожь.

– Это то, что падало на город. Вот авиабомба, а это снаряд от «смерча». Там гильзы артиллерийских и противотанковых боеприпасов. Фрагмент мины. А вот знаменитые «грады». Тот дальний был извлечён волонтерами из крыши нашего краеведческого музея. Не совсем разорвался. Принесли нам.

Авиабомба распустила корпус корявой розой, «смерч» едва ли ниже ростом, чем Соня, и внушает ужас даже в разоружённом состоянии. «Ураганы», управляемые ракеты, фугаски, осветительный снаряд с оранжевым парашютом. Плотный столбик торчащей ежом толстой короткой проволоки. Такой же, какую Соня вытащила из стены краеведческого. Это шрапнель. Не разлетевшаяся до конца. Она целила в жилые кварталы, хоть и запрещено какой-то конвенцией применять такое оружие по мирным гражданам. Впрочем, какие уж тут конвенции, война никогда не ведётся по правилам.

«Вот тебе и сувенир, – думает Соня. – Попадёт такое в глаз – и всё».

– А здесь письма с фронта.

– Этого?

– Нет, того.

Выцветшие треугольники, фотографии красноармейцев. Соня не может оторваться от выставленных снарядов современной войны. За экраном ноутбука и гаджета эти железки не вызывают эмоций, но стоит подойти к ним вплотную, увидеть их вес и объём – и ты понимаешь, сколько смертей несли они в себе. И вот она, причина симпатии к музею: его сотрудники не переписывают историю – они дописывают её современностью.

– Это только те снаряды, что не разорвались. И слава богу!

– А сейчас – нет?.. – с тревогой спрашивает Соня и отходит в сторону.

Директор смеётся:

– Их же обезвредили!

Вечером Марина везёт Соню на борщ к друзьям. У друзей полугодовалая дочка Лиза, которая сначала смотрит на гостей с подозрением, а после начинает прыгать и радостно покрикивать. Ребёнок мгновенно отвлекает на себя внимание, все агукают и корчат рожи. Проходит час.

– Ой, что это мы всё о Лизе да о Лизе! – восклицает её молодая мама. – Давайте, что ли, о фашистах?

Терминология здесь вполне определённая. В ходу и «фашисты», и «нацики», и «укропы». От каждого второго слышится: «Не забудем и не простим!»

Кусок шрапнели в Сонином кошельке мог попасть и в человека.

Ночью начинается обстрел Макеевки.

Саур-Могилы

– А вот и она.

– Где?

– Перед нами, далеко.

Соня всё равно не может различить её среди других размытых у горизонта гор – терриконов.

– Раньше издали видно было по обелиску.

Машина такая стояла!..

Высота под названием Саур-Могилы – место жесточайших боёв в любую войну: отсюда весь район как на ладони. После Великой Отечественной, когда при штурме погибли тысячи наших солдат, на вершине установили обелиск и фигуру солдата с автоматом, а вдоль лестницы – четыре барельефа. Пехоте, артиллеристам, танкистам и ещё кому-то.

– Жаль, уже не узнать кому... – вздыхает Маша.

Последний, ближайший к вершине барельеф полностью обвален в ходе недавних боёв.

– Исходя из логики – либо лётчикам, либо морякам. Моря у вас тут нет, значит...

Соня три дня ныла Марине – выпрашивала поездку сюда. В эти места не доедешь запросто: сначала полтора часа на маршрутке до города Шахтёрска, потом полчаса своим транспортом по ответвлению от трассы. Мимо полей, танкового полигона, покалеченной обстрелами деревни Петровское.

Знакомая Марины из Шахтёрска – двадцатилетняя Маша – встретила гостей на машине. За рулём её муж Артём. Оба красивые и молодые. Оба воевали. Не здесь.

У подножья вышки небольшое кладбище: два ряда бойцов ДНР, ряд недавних могил со ржавыми советскими касками. Раскапывали новых – нашли старых, уже почти полностью безымянных, только три имени обозначены над десятком холмиками.

К дереву прибиты доски с именами погибшего экипажа БМП-2 «Славянский гарнизон». Это современники. Их фотографии выцвели, один из них младше Сони.

– Украинцы тоже тут похоронены или их забрали?

– Наверху есть общая могила, мне папа говорил, что там украинцы, – сообщает Маша. – А так, наверное, забрали многих.

Её папа был командиром.

– Их в бой бросали как мясо, – говорит Артём, – чуть ли не ротами, чтобы внимание отвлечь от самолётов, чтобы хоть кто-то пролетел. Наши сбивали самолёты, которые летели бомбить города. Ничего нет страшнее самолётной бомбёжки. Один гул чего стоит! Паника сразу!

Они поднимаются вверх по щербатым ступеням. Небо покрыто серыми туманными облаками, кое-где в разрывах ярко сверкает голубое. Воздух свежий и сладкий. Почти нет ветра.

Жизнь – гениальный редактор – дорисовала то, что не посмел изобразить скульптор, ваявший барельефы. Стандартные лица и фигуры бойцов, идущих в бой, раненых и умирающих, стряхнули оцепенение, теперь они иссечены осколками, пробиты насквозь, и стекающая ржавчина похожа на кровь. Новая война оживила мёртвые изображения, и всё стало настоящим. Забетонированная боль живым потоком пролилась на землю, и крик пехоты летит над ней, и лязг железа не смолкает. Чем выше, тем страшнее, последний, рухнувший монумент придавил тела, вогнал их в землю, и лишь один воин силится выбраться из-под завала, и звериной силой дышит его окровавленное лицо.

– А не опасно ходить по траве? – на всякий случай спрашивает Соня.

– Тут постоянно проводятся массовые мероприятия, перед ними проверяют. Снаряды давно убрали, но ради провокации могут и растяжку поставить.

Вверху ещё одно захоронение. Должно быть, недавнее, поскольку портреты не выцвели.

Золотая звезда Вечного огня, который не горит. Металлический треугольный каркас, похожий на кусок лодки, венчает поваленный обелиск.

– Слушайте! – тянет Марина. – А ведь это смотровая площадка! Она была на обелиске, сверху... Ну да, вот люк для выхода, а это ограждение!

«Какой бы дурак туда полез?» – мысленно ужасается Соня. Она панически боится рукотворной высоты.

Слева облицовочный гранит лежит почти ровно, будто не падал с громады своего роста, а правая сторона искрошена, сквозь бетонные блоки прорвалась арматура, и высится над ней пустой сапог солдата, погребённого под завалами. В железные дыры голенища вдеты цветы.

– Сюда свадьбы так и ездят, как до войны, – объясняет Маша.

На площадке причудливо изогнутые металлические останки орудий.

– Зенитка, – говорит Артём.

– Само собой, – важно кивает Соня.

Зенитка старая, советская, её легко узнать.

Компания обходит памятник вокруг, взбирается на холм из обломков. Говорят, в ясные дни отсюда разглядишь клочок Азовского моря. Сейчас туманно, но видно далеко-далеко.

– Вот его рука, – кричит снизу Артём. – Идите сюда!

Под нагромождением бетона застыл кулак, сжимающий винтовку. От винтовки осталась ржавая планка, но и её не отпустила железная хватка. Соня приседает на колено и гладит ледяную руку мужественного человека, что навсегда исчез с лица земли. И Марина тоже её гладит.

– Его фигура летом была под завалом, было видно. Сейчас убрали.

– А кто его сбил? Украина?

– Украина, – кивает Артём. – Наши, конечно, тоже обстреливали, пока тут были украинцы, но быстро их вышибли. Сами заняли высоту и держали. И удержали! Обелиск в два захода падал: сначала одна половина, а через день – другая.

– Вот там, наверное, украинская могила! – показывает Маша.

В стороне от обелиска стоят разрушенные здания кафешек, а рядом с ними ограда, на которой висит шахтёрская каска, трикотажный подшлемник, кожаные мужские митенки.

«У Сергея такие же...» – думает Соня про митенки. Она впервые за эти дни вспоминает о своём парне.

– Неужоженная, – вздыхает Артём, когда они подходят вплотную к могиле, – травой заросла.

Ему жаль и тех и этих.

Пока они с Мариной исследуют руины, Соня спрашивает Машу:

– А правда, что ты воевала?

Маша отвечает односложно:

– Да.

– Кем?

– Помощником папы.

– А что делала?

– Что скажет, то и делала.

– И стрелять приходилось?

– Приходилось.

– Попадала?

– Попадала.

– Не снятся?

– Нет.

Соня почти отчаивается её разговорить, как вдруг Маша начинает рассказывать:

– Это не страшно. Я думала, будет страшно, за психику беспокоилась, но как вспомнишь, *кто* там и *что* они с нами сделали, – и не страшно. Вот когда впервые взрыв увидела – мороз по ко-

же. Папа заставил нас уехать на море, в Крым, а я назад рвалась: так хотелось домой...

Красивая черноволосая девушка, по-народному закутанная в тёплый цветастый платок, она, кажется, не умеет улыбаться.

– Держи! – Марина протягивает Соне ржавую железку – осколок снаряда. Потом подбирает кусок металла, отбитый взрывом от барельефа, и сообщает: – Вот такое на людей падало.

Соня берёт его в руки. Килограммов пять, не меньше. Если по затылку, то насмерть.

Они идут вниз. Сверху видно, что насыпи над барельефами проломлены, в полое нутро одного вонзился железный рельс. У подножия каменные плиты с именами погибших в Великую Отечественную.

– Тут народу столько полегло! – говорит Артём. – И тогда. И теперь.

Имен много, некоторые из них выбиты взрывами. Их, дважды убитых, наверное, уже не вспомнить. Отдельным списком – пропавшие без вести.

– А ведь, возможно, кто-то из них и найден сейчас и похоронен в новых могилах. Повезло.

Они первыми приехали сюда, а теперь подтягивается народ. Вверх поднимаются двое мужчин и подросток; возле стоянки старой боевой техники и новых автомобилей – группа военных с автоматами и пластиковыми стаканчиками, между ног мечется ноющий таксёнок.

– Помянуть приехали, – предполагает Марина.

Через минуту военные запрыгивают в машину и уезжают.

Соню трясёт, и она курит одну сигарету за другой.

Ей жутко.

Рассказ беженки

– Все говорят, что со Стрелкова началось. Не верь. Украина стянула технику и поставила перед «Коксохимом» – ещё Стрелковым не пахло. А они уже готовились. Это тебе любой житель Авдеевки скажет. Оттуда обстрел можно во все стороны вести: хоть на аэропорт, хоть на Ясиноватую. А нашим как стрелять? Попадут по заводу – вот тебе природная катастрофа. И тянется эта волынка, и люди гибнут...

«Коксохим» стоит рядом с Авдеевкой, в противоположном конце которой изгибом проходит шоссе. Долгое время ополченцы держались по одну сторону дороги, а украинские войска по другую.

– Счита́й, почти в окру́жении. Два месяца ни света, ни воды. Как мы все от дизентерии не вымерли, не знаю. А лето, жара, представь? Обстрелы постоянно такие, что тебя ночью с кровати скидывает взрывной волной.

Ополченцам носили еду на передовую, она же прямо в городе была. А однажды ночью слышим: гул. Обрадовались, думали, что подмога. Смотрю, раз-раз – люди из посёлка стали стекаться к окраинам. Ну, и я вместе с ними. Оказалось, украинцы идут. Все в камуфляже, с оружием. Наши-то первое время в трениках и тапках воевали, уже позже форма появилась. А эти едут, флаги жёлто-голубые по пути вешают: кто за дерево зацепит, кто за столб. Только проехали – народ их сдирает и бросает на землю.

И тем, кто говорит, что они освободители, – не верь. Вошли как фрицы. Если вы освободители, то где радость, где цветы-объятия? Народ стоял испуганный. Нет, справедливости ради скажу: пара каких-то криков была, дескать, молодцы, но как-то вяло звучало.

Они подъехали и первым делом спросили, где у нас больница. А кто-то в ответ: вам зачем? И те в ответ: там раненые сепары от нас скрываются, надо разобраться. Вот это зачем? Как они будут разбираться? Не знаю, добрались они до больницы или нет.

А у меня сын в министерстве ДНР работает и как раз накануне домой приехал ночевать. Так-то не знали, что будет с Авдеевкой, ополчение вдруг отошло, он ночевал в Донецке. А тут взял и прикатил. И что делать? Разобрали диван, три дня его в том диване прятала, ведь посёлок маленький, все друг друга знают, какой-нибудь пьянчуга за бутылку скажет этим, кто есть кто.

Пыталась найти машину, чтобы выехать, – никто не берётся. Ни за какие деньги. Кое-как соседка согласилась. Только, говорит, вещей с собой не берите. Я взяла каких-то маек, кошку с собакой, заднее сиденье сняли, положили туда сына, накрыли чем-то...

У меня соседи по лестничной клетке пожилые: он армянин, она молдаванка. Мы общались, помогали друг другу. Она хозяйствует, то пирожки принесёт, угостит, то поможет с уборкой. А у него руки золотые, всё починит, прикрутит. Я им в ответ лекарствами помогала. Когда эти вошли, дед уже лежачий был. Как я их брошу?

Пришла и говорю: поедем вместе? Ну, найму не легковушку, а грузовичок раздобуду. А она сидит возле его постели, сжалась, как мышка, плачет. Мы, говорит, тебе раньше не рассказывали, но сами сюда бежали из Приднестровья, когда

танки начали бить по жилым домам. Второй раз такое переживаем. И куда им теперь ехать? Отказались. Старикам трудно бросать нажитое. Не дай бог никому. В декабре дед умер, она с какими-то старушками объединилась, живёт. Всё веселее.

И вот поехали мы в четыре часа утра. На улице ни души. Машин нет. А вокруг земля в воронках, «градины» торчат неразорвавшиеся, как воткнулись в землю, так и стоят, какие-то снаряды валяются, всё в железе, как в фильмах про войну. Война и есть. Рассвет начинается. Я еду и молюсь, чтобы Господь уберёт. Соседка моя в руль вцепилась так, что костяшки побелели. А чем ближе к блокпосту, тем страшнее. Соседка говорит: главное, не нервничай и не плачь.

И так вышло, что одновременно к блокпосту подъехали мы и гружёная фура. На нас глянули: две бабы, что с них взять? И выбрали фуру. Нам машут, мол, проезжайте! Едва доехали до своих, как у меня слёзы хлынули. Ребят наших обняла, сына вытащила... Тихая истерика. Соседка поехала обратно, нас ребята посадили на свою попутку. Добрались до Донецка, сын на работу пошёл, а я – жильё искать.

Вот теперь тут живём. Ничего не было поначалу, даже на работу выйти не в чем, потом как-то устроились, люди помогли, посылки из России присылали. Думали, на неделю максимум уезжаем, а вышло, что на годы. Квартиру в Авдеевке недавно обобрали подчистую, и ничего своего у нас не осталось, кроме тех вывезенных маек.

Ну, скажи: разве нам было дело до Приднестровья? И не думали, что у нас что-то такое начнётся. И когда в России говорят, мол, это не наша война, хочется просто кричать: это счастье, что у вас такого нет, но ведь в любой момент может рвануть! Никто не застрахован от беды.

И наша вина в случившемся есть: проглядели 2004 год. Вот когда всё началось: национализм, скáчки эти... Надо было ещё в девяностых к России уходить, просто тогда никто об этом не думал: не до того было, кушать хотелось. Но Украиной мы никогда не были и не будем. Мы русские.

А в Путина я верю. Он справится. Наверное, никто так не верит в Путина, как Донбасс...

Вечером Марина отпускает Соню погулять в одиночестве.

– Куда пойдёшь?

– Не знаю... Наверное, через «Донбасс-арену» к реке.

– Стоп. Не надо туда ходить! Это небезопасно. Значит, так: выходишь из подъезда, по диагонали дворами вырливаешь на Артёма и по Артёма гуляешь сколько влезет!

Соня обещает вернуться через час-полтора.

Улицы пустынные, профили нескольких людей пролетают мимо в окнах троллейбуса. Вдоль дороги выстроились баннеры с портретом Моторолы и словами: «Герои не умирают». Исправно горят фонари. Под ветром мелко трясутся деревья. Редко-редко ездят машины. Восемь вечера.

В правом ухе у Сони звенит музыка, левое ловит взрывы и пулемётные очереди где-то вдалеке. Порой кажется, что слабое эхо взрывной волны пружинит об спину и туго вздрагивает город. Воздух растеплившейся осени похож на раннюю весну, он накатывает удивлением, и хочется дурачиться. Несколько метров Соня бежит по тротуару вприпрыжку, подпевая плееру, она не стесняется, тут некому застучать и застыдить. В тёмное время люди стараются не выходить из дома. Хочется пинать листья, но старшие товарищи запугали тем, что в собранных кучах могут быть спрятаны растяжки, кто-то уже подорвался, и Соня не лезет. Счастлив человек, свободный пинать листья по первой осенней прихоти! Счастлив человек, не знающий о войне!

Соня больше не думает ни о Донбассе, ни о Приднестровье, она летит по большому красивому городу, различая звук собственных шагов и пугаясь памятников, уличных ночных властелинов, что сходят с постаментов и бредут куда-то, вороша ореховые и кленовые кучи, не слушая взрывов.

Семнадцатое октября 1941 года

Вдоль бульвара гнали скот. Не шумели машины, только гул от тысячи копыт наполнял воздух. Коровы – рогатые и комолые, пятнистые и одноцветные, давно не доенные – брели понурившись. Иногда какая-нибудь бурёнка вскидывала голову и громко мычала: больно было нести набухшее молоком вымя.

Зоя прыгнула с подножки трамвая и быстрой походкой пошла по бульвару. Ей было жаль коров. Она помнила, как плакала их деревенская Рогуля, когда бабушка не успела её подоить, и как, жалея животное, маленькая Зоя подставила ведро и изо всех сил стала дёргать за соски, подражая бабушке. Корова попятилась, несколько раз хлестнула свою спасительницу хвостом – на том инициатива и закончилась. Правда, после этого бабушка всё же научила внучку доить – Зоя и сейчас помнила на ощупь

горячее налитое вымя и запах парного молока. Потом Космодемьянские переехали в Москву, и было жаль, что нет здесь бабушкиного хозяйства, такого привычного, и нет деревенского простора – даже окраина возле Тимирязевского парка начала потихоньку застраиваться, – а есть огромные проспекты и бульжные мостовые, есть высокие дома и бульвары. Ей и в голову не могло прийти, что когда-нибудь она увидит в каменном сердце столицы коров! Она представила, как сзади, гогоча, топает стая лапчатых гусей, и фыркнула, несмотря на весь ужас происходящего.

Зоя спешила в Колпачный переулок, в замок с шахматной башней. Так его прозвали среди комсомольцев – «Замок с башней», а в адресно-справочной книге «Вся Москва» он назывался Колпачным переулком, 5. После того как летом разбомбили здание на улице Куйбышева, Московский городской комитет комсомола перенёсся в здание ЦК ВЛКСМ, но и туда упала бомба. В конце концов горком, обком и ЦК переехали в замок с башней на Чистых прудах. Именно они формировали комсомольские отряды для борьбы с врагом. Об этом больше месяца назад Зоя говорил секретарь райкома.

– Ну не могу я отправить тебя на фронт, полномочий у меня таких нет, – говорил он Зое. – Ты же работала на заводе? Почему ушла?

– Занятия в школе начались.

– А сейчас что же, закончились занятия?

Зоя задохнулась от возмущения:

– Какая может быть школа, если немцы под Москвой?! Я, комсомолка, должна сидеть за партой, зубрить формулы и ждать, пока за меня сделают всю работу?

Секретарь побарабанил пальцами по столу. Космодемьянскую он помнил ещё со времени её вступления в комсомол. Всё в ней было хорошо, если не считать прямолинейности, граничащей с наивностью. Девушка не умела притворяться, тяжело переживала неудачи и совершенно не годилась для работы в тылу врага. Военной специальности не имела, и мобилизовать её в Действующую армию секретарь тоже не мог.

– Вернись на завод, там ты куда больше пользы принесёшь. Война ведь и в тылу идёт.

– В тылу должны оставаться пожилые и несовершеннолетние, а я хочу с оружием защищать свою страну! – не сдавалась Зоя.

Секретарь райкома вздохнул, сказал, что ничего не обещает, и отправил упрямую комсомолку в горком, в «Замок с башней». Зоя не поехала туда в тот же день, а потом весь их десятый класс мобилизовали на уборку картошки в под-

московном совхозе. И тогда, месяц назад, ей внушали, что всё обойдётся и необязательно рваться на фронт, где и без неё достаточно силы. Но сегодня окончательно стало ясно, что за столицу придётся драться, и потому Зоя бежала вдоль Чистопрудного бульвара туда, где ей дадут оружие и скажут, что делать.

Вчерашняя сводка принесла жителям столицы слово «ухудшилось» – впервые о состоянии дел на фронте было сказано так откровенно – и началась массовая эвакуация. Подмороженные сухие улицы были запружены грузовиками, легковыми автомобилями, гужевым транспортом и просто пешими людьми с колясками, тачками, мешками и чемоданами. Завод имени Войкова приостановил работу, звук гудящих двигателей больше не разносился над округой, и сквозь эту оглушительную тишину прорывались суетливые крики: во дворе завода на пятитонные грузовики затаскивали станки и заводские машины – их вывозили на восток. Шли слухи, что минируют главный корпус. В воздухе носился запах гари. Высоко над городом летал чёрный снег, падали на землю не сгоревшие до конца обрывки бумаг: это сжигались домовые книги, заводские и партийные документы, которые не успели вывезти в тыл. Метро было закрыто. Молчали репродукторы на крышах домов и на уличных столбах. По городу ползли угрожающие слухи: о том, что правительство во главе со Сталиным уехало в Куйбышев; о том, что через два дня немцы будут в Москве и надо спасаться, пока не поздно; о том, что диверсанты отследили всех партийцев и перебьют их по команде. Последнее утверждение было подслушано Зоей во дворе, когда одна старуха передавала его другой.

– Не надейтесь, бабушки! – с весёлой злостью крикнула она. – Нас много, всех не перебьют!

Зоя не могла допустить мысли, что враг проврёт оборону и войдёт в столицу. Но горожане строили баррикады, устанавливали противотанковые ежи, а в стенах угловых домов пробивали амбразуры. Москва готовилась встречать врага на своих улицах, и ничего страшнее представить было нельзя.

А сегодня, ранним утром семнадцатого октября сорок первого года, Зоя и Саша стояли на обочине шоссе и смотрели на бесконечную вереницу людей, идущих в центр столицы. Этот поток клином рассекала марширующая колонна добровольцев. Одеты они были кто во что, но чётко печатали шаг и несли на плечах разно-

мастное оружие. Вдруг из глубины колонны донёсся звонкий мальчишеский голос:

– Смело мы в бой пойдём за власть Советов!

Он не пел, а кричал, как кричат безголосые люди, и несколько сотен голосов подхватили эти слова и вместо знамени понесли их над толпой, которая всё так же устало брела по шоссе прочь от войны.

– Зоя! – Саша схватил сестру за руку. – Ты видишь, как они идут? Ведь они знают, куда идут. Они смотрят на людей, идущих оттуда. Там бой, там смерть, а они поют. А винтовки?! Ведь это не современные трёхлинейки, Зоя, это то ли французские трофейные, то ли польские... Я нарисую это, обязательно нарисую. Такое нельзя забыть.

А про себя он думал, что это величайшая несправедливость в мире, что его 1925 год рождения не подлежит призыву.

Зоя повернулась и посмотрела брату в глаза:

– Шурка, иди в школу. А я... мне надо в госпиталь.

Госпиталь, в котором Зоя собиралась учиться на медсестру, находился рядом с заводом Войкова, но, стоило брату скрыться за поворотом, девушка повернулась и пошла к остановке трамвая, возобновившего сегодня движение.

Только позавчера их десятый класс вернулся с трудового фронта, и после грязной, выматывающей работы в поле московские привычные дела казались Зое несправедливым пренебрежением её силой. Она была готова к большему.

В первый подошедший состав втиснуться не удалось: люди гроздьями висели на подножках. Пропустив ещё один трамвай, Зоя решительно влезла на подножку третьего, на следующей остановке удалось растолкать пассажиров и девушка оказалась внутри вагона. Ехать предстояло долго, и Зое хватило времени, чтобы обдумать своё решение. Она не допускала ни капли сомнения в том, что её возьмут на передовую: она умела делать перевязки, знала, как надо обращаться с винтовкой и гранатой, не боялась взрывов, а во время бомбёжек дежурила на крыше их двухэтажного деревянного дома по Александровскому проезду. Была комсомольским группоргом, среди ребят обладает авторитетом – ну почему же не взять её на фронт? Ведь немцы под Москвой разве можно сидеть сложа руки? Вот только мама... Как она оставит маму? Шурка – мальчик, он не понимает, как сложно было маме прежде, после смерти отца, как невыносимо будет ей, когда дочь уйдёт воевать. Какое счастье, что брату только шестнадцать лет! Его не скоро призовут, к тому времени кончится вой-

на. А может быть, и ей, Зое, удастся выжить. И когда она вернётся в их комнату на Александровском проезде, то напишет самую прекрасную в мире книгу, прочитав которую никто и никогда больше не захочет воевать. Она станет известным писателем, получит Сталинскую премию, и улицу, на которой она жила, назовут её именем.

«Улица Космодемьянской!» Зоя даже зажмурилась от удовольствия.

Немцев отобьют, непременно отобьют. Не может того быть, чтобы по улицам древней столицы победителем шагал враг. Эта мысль вызвала такое возмущение, что хотелось кричать. Но приходилось молча смотреть из немытого трамвайного окна на безлюдные улицы, обломки мебели на тротуарах, груды недожжённых книг и распахнутые двери домов.

На Чистопрудном бульваре расположилась замаскированная зенитная батарея и аэростат – пост воздушного заграждения. Рядом дежурили девушки в серых шинелях, с такими же серыми лицами. Под деревьями выросли груды земли, там вырыли траншею. И было件нятно, что траншеи так просто не копают, что не только на окраине возле завода Войкова, а даже здесь, в сердце столицы, готовятся к боям, потому что враг может прийти и сюда. Но перед тем он пройдёт Ленинградское шоссе, улицу Горького, Красную площадь, Мавзолей...

Зоя представила, как ползут танки со свастики, как следом безбоязненно шагает пехота, и позавидовала серошинельным девушкам, у которых была чёткая боевая задача: защищать небо столицы, а если придётся, то и её землю. Для них и была приготовлена эта длинная траншея.

Зоя обошла её слева, и потому ей пришлось идти вдоль пруда по нечётной стороне домов. На тротуарах было пусто, и только возле кинотеатра «Колизей» стояли две крытые грузовые машины, в которые лезли небомундированные парни и девушки с вещмешками и чемоданами.

«Тоже эвакуация... Наверное, какой-нибудь институт». Зоя горько вздохнула, глядя на молодых людей, которые могли бы воевать за Москву, но уезжают в Алма-Ату или Челябинск.

И Зоя прибавила шаг.

Если в конце бульвара повернуть налево, то можно прийти до дома Аркадия Петровича. Он описывал ей место, где живёт. Где теперь Гайдар? Наверное, в Действующей армии, воюет, описывает подвиги. Он бы одобрил решение Зои идти на фронт. А вдруг он дома? Ну, может такое быть, что приехал на побывку. Вот бы прийти и

постучать в дверь и попросить помощи с путёвкой на фронт. Или, может, он как раз сейчас захочет прогуляться и они столкнутся лоб в лоб, например у того трёхэтажного особняка с фальшивыми колоннами. Ну а вдруг?

«Глупости это!» – подумала Зоя и в конце бульвара повернула направо.

До войны ей не доводилось бывать в горкоме: все вопросы, начиная от собственного вступления в комсомол и кончая мероприятиями для комсомольцев класса, решались в школе или районном комитете. А вот на Чистые пруды Зоя приезжала регулярно: неподалёку, в переулке Стопани, работал Дом пионеров. Зоя ездила туда в методический кабинет, когда стала вожатой у пятиклассников. Конечно, мечтала она вовсе не об этом кабинете, а о литературном кружке. В школе её сочинения считались лучшими, учительница литературы Вера Сергеевна зачитывала их перед классом. Стихи Зоя никому не показывала, но писала их постоянно: по дороге в школу и из школы, когда прибиралась дома и готовила уроки, даже на пионерских и комсомольских собраниях в голову нет-нет да и залетала рифма.

В тот день было заседание литкружка и, зная об этом, Зоя поехала в Дом пионеров сразу после школы. В портфеле лежала тетрадь с набело переписанными стихами. Она представляла, как встаёт перед ребятами и читает:

*Плыл по озеру белый парус,
Рассекая мачтою небо.
Всё, что было, в прошлом осталось.
Ну, а прошлого будто не было.*

*Трепетала по ветру материя,
Наливалась упругостью воздуха.
Билась, словно на шее артерия,
Продырявленная горсткой пороха.*

*Чьей-то детской рукою сколочена,
Деревянная лодочка прыгала
По мятущимся водам озера
Из простейшей лужицы выдуманной.*

*Посреди городского бега,
Толкотни, сумасшествия, шума
Проплывала чья-то заветная,
Чья-то светлая и безумная...*

Тут ей становилось не по себе и казалось, что надо прочитать что-нибудь другое, а лучше совсем ничего не читать и вернуться домой с полдороги. Но отступать она не любила.

Ещё у Зои была уважительная причина для появления в Доме пионеров: со своими ребятами она готовилась к сбору, посвящённому советскому патриотизму. Само название – скучное и сухое – заставляло морщиться, как от зубной боли. Никто ведь сразу не разгадает, что речь пойдёт не о ежемесячных комсомольских взносах. Речь пойдёт о папанинцах и Чкалове, о Мичурине, и челюскинцах, и первых лётчицах – Героях Советского Союза. Увлекательная беседа о великих современниках была прикрыта совершенно равнодушным названием. Зато у девушки была убедительная отговорка, если вдруг она не решится подойти к руководителям литкружка.

«Нет, надо решиться, – убеждала себя Зоя. – Ты ведь не трусиха и стихи пишешь не самые плохие...» Конечно, она верила, что её стихи очень даже выдающиеся, но в глубине души знала, что показать их кому-то всё-таки не сможет.

Было морозно, и, проехав от Коптева до Кировских ворот трамваем, она сильно продрогла, но ещё полчаса ходила около крыльца, не решаясь зайти, потому что там внутри пришлось бы поворачивать не направо, в административный коридор, а налево, к лестнице, а потом на второй этаж, где занимались кружки. Придётся объяснять, просить, декламировать. А вдруг её стихи не понравятся?

«Быть того не может», – одёргивала себя Зоя.

Она ходила взад и вперёд, не смея ни на что решиться, а потом подошла к двери, энергично рванула на себя ручку и, чуть не плача от холода и обиды, повернула направо – к знакомому и привычному методическому кабинету.

– Зоя, здравствуй! Опять педагогические дела?

Окоченевшая девушка уныло кивнула.

Осенью сорок первого года в Московском комитете комсомола былолюдно и шумно, как на вокзале. Двери в кабинеты не закрывались, люди вбегали внутрь и снова убегали, кричали в телефонные трубки и друг на друга. Что-то требовали, что-то доказывали. Лестницы и коридоры были забиты парнями и девушками, между нарядных светло-жёлтых колонн виднелись рабочие телогрейки, невзрачные пальто, картузы, ушанки и платки. Все явившиеся комсомольцы, как и Зоя, требовали отправить их на фронт. Казалось, вся жизнь с московских улиц переместилась на мраморные лестницы дореволюционного особняка.

Зоя приготовилась к тому, что уйдёт отсюда поздним вечером, но неожиданно для себя

очень быстро оказалась в кабинете перед секретарём Московского комитета – худым усталым человеком с высоким лбом и оттопыренными ушами. Он несколько дней не спал, а военная форма сидела на нём неуклюже. Он что-то быстро писал, задевая локтем за стоящий на столе ручной пулемёт, дулом направленный в сторону от посетителей.

Секретарь потёр ладонью лоб, поднял взгляд на Зою, спросил год рождения. Затем протянул ей лист бумаги и кивнул на столик в углу:

– Заполни.

Зоя села за низкий столик, попробовала ручку с погнутым, но годным пером и бисерным почерком стала заполнять анкету как можно аккуратнее и подробнее. Руки подрагивали от волнения и холода, приходилось сжимать ручку с такой силой, что заныла кисть. Из угла было видно, как входят в кабинет знакомые секретарю люди, как он воодушевляется, жмёт им руки, вручает винтовки и какие-то мешки, передаёт бумажные пакеты.

Зоя закончила писать и снова подошла к столу. Секретарь принял бумагу, положил её в стопку таких же анкет и сообщил, не отрываясь от чтения документа с крупной печатью:

– Когда понадобится, вызовем.

Зоя не уходила.

– Скоро? – спросила она. – Я винтовку знаю, перевязки умею делать...

Секретарь поднял на неё грустные глаза и сказал:

– Люди нужны, и мы вас без дела не оставим.

А сейчас пригласите следующего.

Саша тоже не терял времени даром. Уроки в этот день не проводились, поскольку ещё накануне по всему городу отключили отопление. Пришедших в школу учеников старших классов направили на завод Войкова – помогать шефам с эвакуацией.

Часть оборудования была вывезена на восток ещё в начале осени, теперь завод опустел окончательно, но на привычном месте оставалось самое главное – цеха и привычный рабочий дух. В замёрзшем воздухе вперемешку с запахом гари летал сладкий запах солидола. Саша вздыхал, глядя на пустеющие помещения, на большие окна, разбитый цементный пол и ржавые потёки на тех местах, где стояли станки.

– Провода обходи, – посоветовал пожилой мужчина с пышными ухоженными усами на морщинистом лице. – Тока нет, ну а вдруг?

Саше вспомнился завод «Борец», его токарный станок, выкрашенный в зелёный цвет, отчего Саша прозвал его «крокодилом». Шум цеха, который приходилось перекрикивать, отчего работники всегда хрипели. Вспомнилось, как мастер Василий Семёныч, глядя на детали своего ученика, говорил: «Ничего, Репей, стерпится – слюбится». Он так называл Сашу – Репей. Поначалу было обидно, а потом привык. А через полтора месяца начались занятия в школе. Зоя шла мимо, увидела объявление. Она тогда собирала справки для курсов медсестёр. Поначалу сестра тоже пошла на «Борец» учёщицей, но что-то ей там не понравилось, и она уволилась. Вечно со своими высокими устремлениями... Не может с людьми ужиться. Саше тогда не то чтобы дали по заливку, но смотрели неодобрительно. И маме наговорили неприятностей. Она их Зойке, конечно, не передала, а стоило бы! По её просьбе их и взяли на работу: раньше мама преподавала в вечерней школе при заводе. А Зойка, выходит, подвела.

В общем, занятия возобновились, и Саша ушёл с завода. А вместо уроков начался трудовой фронт. Теперь вовсе непонятно, будет школа или не будет. Военкомат даст ему от ворот поворот – это очевидно, годом не вышел. Но если завод не эвакуировался, то могут принять обратно. Не таким уж плохим токарем он был.

В тот же день Саша вернулся на «Борец».

Луганск

Удивительно, как за неделю можно сродниться с совершенно незнакомым человеком. Утром Соня простилась с Мариной на Южном автовокзале.

Вслед за ней в автобус влезал дюжий военный в куртке хаки с нашивкой «Спартак».

«Болеельщик?» – подумала Соня.

– Ого! – воскликнула Марина. – Гляди, с каким героем едешь!

Соня покивала с важным видом. Хорошо бы узнать, что за «Спартак». Но лучше – после обеда, сейчас слишком хочется спать...

– Да какой я герой, – обиженным детским голосом ответил детина. – Вот наш комбат – он герой!

«Как будто все обязаны знать твоего комбата...» – подумала Соня.

Они обнялись с Мариной, помахали друг другу в окошко. Автобус тронулся.

Раньше дорога от Донецка до Луганска была прямой и короткой. Теперь на разных отрезках она подконтрольна разным сторонам конфликта

и пассажирские автобусы были вынуждены изменить маршрут: три с половиной часа они пробираются партизанскими тропами. Через избитую Ясиноватую, не доезжая десяти километров до той самой Горловки, поворачиваем на много-страдальное Дебальцево. По всему пути следования дома в шрамах от осколков, дорога, изрытая железными дождями.

И блокпосты. Сооружения в середине дороги завалены сверху пухлыми посеревшими мешками и, кажется, врыты в землю. Вход в них узкий и тёмный, как бойница в стене крепости. Автобус медленно плывёт мимо, никто его не останавливает. Соня смотрит во все глаза. Невысокий паренёк в каске и с автоматом видит девушку в окне и показывает язык.

В Луганске Соню встречают, заселяют в гостиницу, объясняют, как проехать в центр, и исчезают. Она остаётся наедине с городом.

Луганск невелик и по-советски прям, но Соне хочется полюбить его так же, как Донецк, и она направляется в Старый город. Он расположен ниже современного центра, когда-то здесь текла судоходная река Лугань, теперь её почти нет. Накрапывает дождь. Соня спускается от памятника к памятнику, от здания в стиле модерн к покинутому людьми заводу, где корпуса скалятся разбитыми стёклами. Соня любит заброшенные здания: они начинают жить собственной жизнью, ни в грош не ставя людей, как близко ни подходи. Соня минует входную арку, осматривается: будка охраны разбита, людей нет, вдали припаркована машина. Идёт вдоль зданий, потом возвращается. Глядит на корпуса, где совсем недавно струилась жизнь.

– Девушка! – кричит кто-то издалека. – Девушка! Вы чего здесь ходите?!

Двое в штатском: парень со странным лицом стоит молча, а полный и кряжистый мужик орёт на Соню во всё горло. Они встают лицом к лицу.

Соня отвечает, мол, открыто всё, ворота нараспашку – вот и хожу, откуда мне знать, что нельзя? Она показывает паспорт, рассказывает про Донецк и гуманитарку, объясняет, где остановилась.

– Ходили у нас так двое, – говорит мужик. – Парень с девушкой. Она белоруска, он украинец. Тоже внятно объясняли, тоже посмотреть зашли, и шо?

– Шо? – спрашивает Соня.

– Оказалось, диверсанты! Город на военном положении. Чтобы мину подложить, много времени не нужно. Или маячок бросишь, а на нас потом «ураганы» полетят, как в прошлый раз. Это вот видишь?

Он машет на круглую серую тумбу возле ворот, и на глазах у Сони безмятежная тумба превращается в один из опаснейших снарядов.

– Ой, – говорит она испуганно. – Не узнала.

– Оно мне надо? Нет! А надо вызвать патруль и сдать тебя в комендатуру.

Соня видит, что ему не хочется этого делать, и улыбается:

– О! Круто! Я там ещё не была!

Её уверенный тон ставит охрану в тупик.

– Я блогер, – объясняет Соня. – Собираю информацию о том, как простые люди живут в режиме войны. Вот смотрите, это мой блог.

Она открывает свою страничку, увеличивает аватарку.

– Видите, сколько подписчиков? Я им рассказываю, что здесь происходит, как вы тут живёте...

Двое смотрят с недоверием, но больше не грозят патрулём. Дождь усилился до ливня, и Соня не может уйти из-под навеса при всём желании.

– А как мы тут живём?.. – вздыхает мужик. – Я дома полтора года не был. Ни детей, ни жену не видел. Они под украми. И ни сбережений, ни гуманитарки – везут или детям, или больным. А я-то здоровый мужик, мне гуманитарка не положена – так даже носков лишних нет. Вообще ничего нет. Тут при заводе и живём. – Он кивает на административное здание.

Ещё минут десять они болтают, но Соня спешит на встречу и высказывает под дождь.

В парке они встречаются с Сониным недавним подписчиком – молодым журналистом, который согласился показать город.

– Представляешь, Андрей, меня чуть в комендатуру не загребли, – смеётся Соня. – На завод полезла.

– На патронный?

– Нет, на станкостроительный.

Андрей выпучил глаза:

– Это и есть патронный... Военное производство. Его специально Украина бомбила. Все местные знают!

Соня пожала плечами:

– Так я ж иногородняя...

Андрей ведёт Соню по Старому городу и рассказывает про невысокие особнячки: здесь базировался штаб Артёма, там в начале девятнадцатого века родился Владимир Иванович Даль.

– Но, скорее всего, это легенда. Его отец заведовал городской больницей, следовательно, и квартиру ему должны были выделить при ней. А это далеко отсюда.

Теперь в доме живёт музей. Во время обстрелов боялись, что в него угодит снаряд: вокруг много пострадавших зданий, они привычны и не вызывают удивления.

Охранникам всё же удалось припугнуть Соню, и фотографировать разрушения она опасается.

– Слушай, а что у военных за «Спартак»? Я сюда ехала с одним парнем, он про комбата-героя говорил.

Андрей смотрит непонимающе:

– Ты, может быть, «Спарту» имеешь в виду? Это же батальон Моторолы, легендарный батальон, они донецкий аэропорт прикрывали.

– Ой, – говорит Соня, мучительно краснея.

– Он, кстати, на том самом патронном заводе одно время базировался.

Какое-то время они идут молча, затем Соня не выдерживает:

– Ты не думай, я на самом деле не дура. Просто как-то так вышло...

«Мы мечтаем о мире!»

– Знаешь, у меня остались детские сочинения. Осенью четырнадцатого во всех школах писали такие письма русскому другу. Моя сестрёнка тоже писала, мне потом учительница отдала, чтобы я их в газете использовал. – Андрей протягивает Соне пакет: – Возьми почитай. Перед отъездом верни только.

Соня кивает и осторожно берёт пакет. В гостинице она раскладывает листки на кровати и некоторое время просто смотрит на них, будучи не в силах притронуться. Разный почерк: крупный, мелкий, быстрый, с наклоном вправо, с наклоном влево. Рисунки: взрывы, танки, люди в форме.

Она протягивает руку и берёт первый листок.

1.

«Дорогой друг, этот год был худшим в моей жизни.

Так как нам с мамой и братьями некуда было ехать. И пусть в нашем городе не было таких сильных повреждений, но когда звучал громкий выстрел, мы шли в подвал. Я видел в небе летящие снаряды. Когда я залезал на высокий дом или возвышенность, я видел горящее поле. Ни у кого не было денег, многие покинули город, но далеко не все. Да и сейчас немногие мои друзья уехали. Самым трагичным была смерть моего дяди, он подорвался на танке.

Дети не хвастаются новым телефоном или планшетом, а говорят: у меня отец – ополченец.

Я видел множество танков, самолётов, разного оружия, которое и представить себе никогда не мог. Когда мы стали самостоятельной республикой, я думал обо всём, но войны я не ожидал.

Таким было моё необычное лето 2014 года. Я очень надеюсь, что то, что пережили мы здесь, никогда не постучится ни в какие ворота. Такому не место в мире».

2.

«Привет, дорогой друг!

Мне 7 лет, я живу в городе Молодогвардейске и учусь в школе во втором классе. Спасибо тебе за помощь!

У нас большой класс, но в сентябре нас было мало. Летом многие друзья уехали, потому что испугались войны. Мы с родителями были дома. Когда бабахало вокруг – было страшно даже нашему коту Мурчику и кролику Максу. В нашем подъезде остались мы и соседка Фёдорвна.

Было утро. Всё грохотало, потом затихло, мы услышали, как гудел самолёт. Начались взрывы, весь дом трясло. Мы с мамой убежали в ванную. Хорошо, что у нас стены толстые! Нам разбило балкон, и осколки попали в кровать. Вышли в подъезд и увидели, что у нас нет крыши.

Мы пошли разбирать с соседями завалы в подъезде, потом прибежала бабушка Надя и мы пошли к прабабушке Вере, она старенькая, у неё тоже попало в квартиру. Крышу сделали, сейчас приехали соседи из трёх квартир, а в школу вернулись все мои одноклассники и наша учительница Марина Алексеевна. Мама сказала, что всё будет хорошо! А я очень хочу, чтобы не было войны и мы поехали на море и увидели дельфинов!»

3.

«Здравствуй, мой товарищ из России!

Тебе точно известно, что у нас на Донбассе шла и продолжает идти война. Летом жителям нашего города было совсем не до отдыха. Люди, которым было куда ехать, выехали из города. Наша семья осталась в Молодогвардейске. За время летних каникул мой родной город несколько раз обстреливали. Было очень страшно! Я почти не выходила гулять. Но в один день мы договорились погулять с подружкой. Мы успели погулять от силы десять минут, потом увидели самолёт и стали на него смотреть. Он сделал один круг по небу, второй и неожиданно... начал сбрасывать бомбы на шахту, которые взрыва-

лись прямо в воздухе. Все мои друзья, знакомые кинулись бежать в страхе в подъезд. Как оказалось позже, это были обманки: бомбы взрывались в воздухе, а потом открывался парашют и они благополучно приземлялись. Такое же произошло и на следующий день, но уже не на шахте, а в посёлке Атамановка, который является частью нашего города. Этим летом я почти не спала, а если засыпала, то скоро просыпалась от громких взрывов или автоматных очередей. Больше всего мне запомнились два обстрела Молодогвардейска – обстрелы самолётом и «градами». Сейчас я расскажу об обстреле каскетами. Я проснулась от очень громких взрывов и поняла, что взрывы совсем рядом. Когда они начались, вся семья пошла в ванную комнату, потому что там нет окон. Было пять утра. Вскоре мы узнали, что обстрел вели самолётными каскетными бомбами. Чтобы ты понял – в каскетных бомбах маленькие железки, летящие во все стороны. Нам очень повезло, потому что мы не пострадали.

Худо было летом и с едой: цены на всё очень подскочили, а зарплаты и пенсии не платили. Воды летом не было. Чтобы взять воды, я вставала в пять утра и шла на скважину занимать очередь. Мама с папой шли занимать очередь за хлебом. Вдвоём, потому что давали по четвертинке или по половинке в руки. Мой старший брат жил неподалёку в деревне со старой бабушкой.

Я считаю, война – это самое ужасное, что есть на свете, она никому не приносит прибыли, зато несёт с собой разрушения и большое количество жертв. Хочу пожелать тебе, чтобы у вас никогда не было войны, чтобы войну вы могли видеть только в фильмах».

4.

«Здравствуй, дорогой друг из России!

Я думаю, что ты мало знаешь о войне. Сообщения в газетах и по телевизору о военных событиях не дают полной картины того ужаса, который ты испытываешь, когда находишься в центре событий. Вот только тогда понимаешь, что такое война. Мы в нашем небольшом городке пережили лишь малую часть того, что пережили люди в городах, стёртых с лица земли войной.

Я хочу рассказать тебе о самом страшном дне в моей жизни летом 2014 года.

Шестое августа – обычный день, тёплый и облачный. Я была в гостях у своей тёти. У неё двое маленьких детей, мои двоюродные брат и сестра. Братика всего лишь один месяц.

Утром было тихо и спокойно. Мы занимались обычными делами. Ближе к вечеру мы услышали за окном громкий взрыв, дом задрожал, и мы все бросились в ванную комнату. И даже наша собака лабрадор Бакс побежала вместе с нами. Было очень страшно.

Маленький братик громко плакал. Мы, очень испуганные, тоже плакали и молили Бога, чтобы снаряд не попал в дом. А за стенами сыпались стёкла, раздавались крики людей, летели осколки от снарядов.

Потом всё стихло и ополченцы начали выводить всех из дома, так как один из снарядов попал в газовую трубу и все боялись ещё и газового взрыва. Мы в чём были выбрались на улицу. Только мы отошли метров на десять, как начался второй артобстрел. Ополченцы кричали, чтобы все ложилась на землю. Маленького братика прикрыл собой отец, а сестричку – её мама, моя тётя. Мы лежали, а над нами свистели снаряды. Гаражи позади нас насквозь прошло осколками. Всё это длилось минут десять, но нам они показались вечностью.

Во время небольшого перерыва мы побежали в подвал. Там меня нашла мама и старший брат. Мама еле уговорила меня пойти домой, так как я боялась выйти на улицу.

По дороге я видела страшную картину войны: разрушенные дома, воронки вокруг и самое страшное – тела убитых людей. В этот день я поняла, что ненавижу правительство страны, пославшее войска убивать мирных людей.

Сейчас у нас тихо, обстрелы прекратились, но по-прежнему страшно... А вдруг всё повторится?!

Я так хочу мира, тишины и спокойствия и чтобы больше никто и никогда на Земле не узнал, что такое война».

5.

«Здравствуй, далёкий сверстник!

Я живу в Луганской области. Летом город и весь край бомбили, это страшно. Летали военные самолёты и сбрасывали на мирно спящий утром город боевые бомбы. Много людей из моего города уехало, и летом, особенно в августе, людей было мало. Каждый день ездила военная техника, летали «укроповские» самолёты. Самолёты бомбили города – и я это видела своими глазами. Я видела, как стреляют «грады», танки, гаубицы. Благодаря войне, я начала разбираться в военной технике, полюбила танки.

Мы с родителями оставались в городе. Я общалась с подружкой по телефону, рассказывала, что у нас происходит, какая у меня была истери-

ка от взрывов и страха, она меня успокаивала и поддерживала.

А третьего августа отключили интернет, телефонную связь, воду. Каждый день я ездила с родителями на шахту за водой, мама стояла очередь, чтобы купить хлеб. Люди боялись остаться без куска хлеба, они занимали очередь с ночи.

Что такое бомбёжка, я узнала сама. Люди спали в подвалах. Первый раз я услышала летящий снаряд в мою сторону, сидя за компьютером. Мама взяла документы, я – попугая, и мы побежали в ванную, до подвала мы бы не добежали. Я не знала, что снаряды свистят, когда пролетают над головой мимо. Когда снаряды падали, я слышала, как осколки окон валяются на землю, люди бегут в бомбоубежище. А шахтёры продолжали работать. Я больше всего боялась, что снаряды попадут в шахту и мой папа не сможет подняться на поверхность. В следующие дни мне было уже не так страшно, я привыкла. Подумать только, я привыкла к взрывам мин, свисту «градов». Я начала бояться тишины.

Сейчас перемирие, предприятия работают, но зарплаты нет, шахтёры сидят дома, цены поднимаются каждый день. Здесь люди выживают. Перемирие – это полный бред, ничего из этого не выйдет. Мне страшно, если придёт украинская армия. Не хочу жить в Украине.

Я надеюсь, что ты никогда этого не испытаешь и не услышишь взрывов бомб.

Кто я для них – «сепаратист», «террорист»? Кто я для страны, в которой родилась и живу?»

6.

«Здравствуй, мой сверстник из России. Я Алина из Украины, я учусь в шестом классе. Мы сейчас учимся в школе и мечтаем о мире!

Летом началась война, у нас сильно бомбили, летали самолёты, ездили танки. Чтобы как-то спастись, мы сидели в погребе и всё слышали, как падали снаряды. Когда мы выходили на улицу, мог внезапно начаться обстрел, и мы падали на землю. Когда был обстрел, всё было в дыму, горели соседние дома, было очень страшно. Не было света и воды. Чтобы купить хлеба, мама стояла в очереди, а хлеба не всегда хватало. У нас не было еды, мы выживали за счёт гуманитарной помощи из вашей страны, за что вам большое спасибо! Я хочу чтоб мы не сидели в погребе и чтоб быстрее всё закончилось и наступил Мир! Я желаю вам, чтоб в вашей стране никогда не было войны и во всём мире был Мир».

29

7.

«Здравствуй, мой сверстник из России!

Я учусь в восьмом классе. Это лето было худшее в моей жизни. Летом бомбили наш двор, погибло много людей. Про эту войну я написала стих:

*Этим летом мы повстречались с войной,
Не такой, о которой мы в книжках читали...
И пришла она майской весной...
Мы узнали, что значит налёты
И обстрелы из «градов» и «смерчей».
Научились, как правильно прятаться
За стеной в квартире, в подвалах,
Как ложиться на землю под взрывами,
Укрываясь от мелких осколков.
Научились молиться о мире,
О здоровье и счастье близких
И о том, чтоб людьми оставались
Те, кто к нам посылает снаряды.
Может, кто-то из них вдруг услышит
Голос разума: «Люди, очнитесь,
Ничего война не приносит,
Она только всё разрушает!»*

8.

«Этим летом наша семья нигде не отдохнула. Мы хотели поехать в Феодосию, но нашим планам не дано было осуществиться. В нашу жизнь смертельным ураганом ворвалась война.

В июне, когда я сдавал выпускные экзамены за девятый класс, где-то далеко были слышны взрывы орудий. В июле и августе мы со страхом ждали ночи. Вечерами мама собирала тёплые вещи, документы, брала воду и мы спускались ночевать в подвал. Там очень сыро и холодно. Теперь этот подвальный запах сырости часто снится мне по ночам, я ощущаю его каждой клеточкой. Мне кажется, что я даже чувствую его вкус – тошнотворный, приторный.

Моя младшая сестрёнка боялась спускаться в подвал, и мне приходилось нести её на руках. Летом больше всего мне хотелось выспаться не в сыром вонючем подвале, а в своей чистой уютной кровати, на свежей простыне.

А шестого августа во время бомбёжки на моих глазах убило соседа из первого подъезда. Ему было 22 года. После этого родители старались не пускать нас с сестрой на улицу.

Я очень надеюсь, что самое страшное для меня и жителей Донбасса уже позади, что на нас уже не будут лететь самолёты, которые будут уничтожать всё живое в моём краю, что «грады», «тюльпаны» и «гиацинты» не будут сравнивать с землёй дома и шахты, заводы и фабрики. Я не

хочу больше видеть лужи крови на улицах моего города.

Хочется верить, что до следующего лета эта безумная война закончится и мы познакомимся.

На этом заканчиваю писать своё письмо. Пиши, как ты живёшь. Чем ты увлекаешься? Нравится ли тебе спорт? Где проводишь свободное время?

До свидания.

Твой друг Павел».

Краснодон

Комендантский час и постоянная усталость приучают организм к отключению задолго до полуночи. Примерно в тот момент, когда вокруг тела образуется тёплое помещение с кроватью, Соня сыта и уже никуда не бежит. Тогда глаза слипаются, а голова клонится набок и куда-то вниз, утягивая за собой тело целиком.

По приезде в Краснодон Соня потребовала вечернюю экскурсию к музею, памятнику «Клятва» и знаковым могилам. Не хотелось ждать утра: о встрече с этим городом Соня мечтала много лет – с тех пор как впервые прочитала роман Фадеева и повесть Кошевой. Было темно и прохладно, высоко над парком качались звёзды. Возле могилы молодогвардейцев, почти над Вечным огнём, нависала обнявшаяся парочка. Ещё два подростка стояли неподалёку. Могила широкая, она расположена не только под плитами с именами, и когда Соня идёт к памятнику «Скорбящая мать», то идёт по телам.

За памятником строится храм, он в лесах и в железном ребристом заборе, а потому год окончания строительства пока что неизвестен.

В глубине парка могила закопанных живём шахтёров: ступеньки, постамент, чаша с барельефом, на котором столько серебристой краски от весенних подновлений, что фигур и сцен не разглядеть. На табличке 31 имя, но людей там погибло больше: верхний слой стоял с вытянутыми шеями – это те, кто задохнулся, а были ещё убитые раньше и те, кто был связан колючей проволокой, упал на дно и больше не смог подняться. Знаменитая деталь из романа «Молодая гвардия» – казнённая женщина с младенцем – оказывается выдумкой автора. Нет, женщину казнили, а вот младенцу в ту пору было года два, и после ареста и казни матери он жил у её родителей. Геннадий Саранча. Всю эту информацию Соня узнаёт утром в музее. А пока что её пробирает дрожь восторга и усталости. Из парка путь лежит мимо школы имени А. М. Горького, где училась часть молодогвардейцев. Двух-

этажное здание стоит углом напротив музея, по другую сторону площади. А через дорогу от него трест «Краснодонуголь», он чуть выше. В него Серёжка Тюленин с чердака школы кидал гранаты. Соня измеряет глазом расстояние: далеко. Но военная подготовка у школьников той поры была превосходная, возможно, про гранаты – это и правда. А где-то неподалёку домик Кошевых. Городок мал, наверное, мирной весной он уютен и красив, но сейчас осень, темень и война. Дома Соня едва не засыпает в тарелке с жареной картошкой. Нет сил даже на то, чтобы поесть.

Утром за ней заходит друг хозяйки Середа, недавно пострадавший от бампера иномарки, и ведёт на экскурсию по городу.

– Вот тут что-то было, только не помню, что именно. И там что-то произошло, только не помню, что именно, – рассказывает он.

– Да, – отвечает Соня. – Вы прирождённый экскурсовод!

Он не обижается, у него лёгкий характер. Кажется, он даже на иномарку не держит зла.

Они заходят во двор школы, вокруг которого даже нет забора, рассматривают старую кладку, которая с фасада замазана белой краской. Навстречу идёт женщина в фартуке, спрашивает, зачем они тут ходят.

– Мы журналисты! – авторитетно отвечает Середа.

Потом из дверей выходит ещё одна женщина и задаёт тот же вопрос. Внимательно следит за каждым действием пришельцев. В окне кругло висит лицо третьей. Война учит бдительности. Враг не пройдёт.

На площади митинг. Соня со спутником встречают казаков, что квартируют в клубе имени Горького, том самом, где была штаб-квартира организации, и договариваются приехать днём. Тяжеловесы-казаки легкомысленнее сотрудник школы. Наверное, потому, что вооружены, а Соня трогательно и беззлобно замотана в шарф.

Экскурсовод, который ведёт Соню по залам, пишет стихи. И ныне покойный директор Никитенко писал стихи. Они останавливаются возле большой картины, запечатлевшей казнь молодого гвардейцев, специально, чтобы прочитать вслух поэму Никитенко «Главное – выстоять». Соня смотрит на снег, на босые ноги, на рваную одежду и раны ребят, а в уши летит: «Мальчики! Мальчики!», и глаза щиплет, и носового платка, как обычно, нет.

– Невероятный был человек! Понимающий и простой. Тот случай, когда звания и регалии никак не отразились на характере.

Никитенко умер всего два года назад. Не оправился после инсульта. Теперь на стене музея его мемориальная табличка.

– Раньше у нас было много документов, а теперь сделала более наглядной экспозицию.

Воспроизведена обстановка квартиры Третьякевичей и Арутюнянцев, над головой тянется копия арки Колхозного рынка, изображён поджог биржи. Майки, платья, обувь ребят и девчат, их личные вещи. Фотографии, дневники. Знаменитый огурец, выращенный в бутылке.

– Листовки. Это мы сейчас понимаем, что такое информация, когда три месяца без электричества посидели: ни телефонов, ни интернета. Что происходит, никто не знает. И тогда так же было. Многие верили немецкой информации, что Москва взята, соглашались сотрудничать. И вдруг – листовки! Это же окно в большой мир. Весточка о том, что Москва борется. Недавно воссоздавали с ребятами ту обстановку, записывали сводку. В темноте, в духоте. Диктор говорит быстро. Не сразу сообразили записывать по фразе.

– А чьи дома ещё сохранились?

– Мошкова... Попова... Дом Почепцова тоже стоит, но в ужасном состоянии. Почти разрушен. Там никто не живёт. Вы, если поедете в клуб Горького, попросите, чтобы дальнюю комнату открыли: там окно, из которого некоторые ребята убежали, когда арестовали Мошкова и Третьякевича. Эти уже не успели. Сейчас там, конечно, решётка.

Соня смутно припоминает, что, кажется, Серёжке Тюленину удалось удрать из клуба в тот чёрный день первого января.

Здание тюрьмы не сохранилось, на её месте была построена почта, ныне лишённая даже мемориальной доски. Железная арка над Колхозным рынком, на которой был повешен предатель Фомин, тоже исчезла неведомо куда и когда.

Домик Кошевого украшен двумя мемориальными досками, но внутри уже давно работает контора то ли по правам детей, то ли по их защите. Калитка открыта, внутри по периметру растут кусты, слива догнивает под деревом, на колодце для грязной воды лежит деревянная крышка. Напротив частного сектора строй девятиэтажек.

– Что вам здесь надо? – скучно спрашивает работница конторы.

– Мы журналисты, – дуэтом отвечают посетители.

Клуб имени Горького – он на Первомайке, той самой знаменитой Первомайке, где жила Уля Громова. Туда надо ехать неторопливым

31

троллейбусом. Снаружи здание грязно-зелёное, а фасад неожиданно выкрашен в розовый. Рядом закрытая шахта имени Сергея Тюленина, вход украшен бюстами его и Олега Кошевого. Нелогично.

– Этого, как любимчика, всюду ставили, – машет рукой Середа.

Казаки долго изнутри открывают дверь – не могут найти ключ. В помещении темно и холодно. Примерно так же, как тогда.

– Тут ничего не изменилось, – говорит атаман. – Как было, так и осталось: сцена, балкон, плиты, деревянный пол. Кресла, конечно, заменили. Фильм Герасимова тут снимали.

Соня поднимается на сцену, и деревянные ступеньки почти не скрипят. Они неожиданно узки для клубного размаха с его высоченными потолками и широкими окнами. Сбоку две гримёрки, над залом нависает балкон, во время концерта там сидели немецкие офицеры. В зале пусто и гулко от вытоптанной истории. Только стены остались теми же, и глаза цепляются за них в попытке различить былые тени. Внутри пахнет заброшенной улицей.

На втором этаже когда-то была библиотека, оттуда не вылезал Ваня Земнухов. Сейчас там так же пусто, как в годы войны. Из окна видно терриконы шахты № 5, а мемориала «Непокорённые» не видно.

После экскурсии по клубу казаки позвали гостей на чай в столовую, где большое блюдо покрывали неаккуратно нарубленные бутерброды с паштетом и колбасой, а в половине трёхлитровой банки застыли жёлтые помидоринки. «Чай» тёмной массой укрывал дно пластиковой бутылки, звался «дымкой» и приятно пах самогоном. Всем хватило по три рюмки. Вторую с молитвой – за погибших.

– И что, вы прямо книжку пишете? – буйно восхищался казак. – А я за жизнь только три стихотворения написал.

Соня опасалась, что он захочет их прочесть московской гостье, и теснила к двери своего спутника.

– Погоди, сейчас пойдём! – отбивался Середа.

– Проводи, – велел казаку атаман.

В Краснодаре есть памятник не только погибшим подпольщикам, но и первым коммунистам. Он недалеко от клуба, на пустыре, рядом с электровышкой в шесть тысяч вольт. Именно туда для начала повёл гостей представитель местного казачества.

– А там за вышкой – памятник казакам. То есть, понимаешь, на одном пятачке памятник палачам и жертвам!

– То-то между ними такое сильное напряжение... – Соня кивнула на вышку.

Казак застыл столбом: замечание пробрало его до мозга костей, и если раньше он мог сомневаться, то сейчас признал в девушке настоящего писателя, что было невероятно приятно.

– Это дар! – воскликнул он и предложил отвезти гостей к шурфу.

Начался дождь, и гости не стали отказываться.

Непокорённые

Они ехали мимо школы имени Ворошилова, которая нынче перестроена, но, как и другие краснодонские школы, имеет личный молодоговардейский музей. Вообще школ в городе оказалось много, раньше Соня, исходя из романа Фадеева, думала, что только две.

Дождь моросил с неохотой, но лобовое стекло всё же заливало, и единственный работавший перед пассажиром дворник положения не спасал. Чтобы видеть дорогу, водитель-казак почти лёг на плечо Середы. Соня тихо радовалась, что сидит сзади, а не на почётном переднем сиденье, подпирая могучий казачий бок. Положение усугублялось тем, что стёкла запотевали, и Середа заботливо протирал лобовое платочком.

Почему-то Соня всегда думала, что место казни ребят находится на горе, а дорога петляла под уклон, и вдали уже показались три неровных зубца обелиска, что окружает шурф.

Казак не остановился в начале аллеи, а подвёз вплотную к памятнику, и, преодолевая чужое благородство, чтобы сделать всё как надо, Соне пришлось идти назад к камню с надписью «1943» и оттуда шагать к шурфу. Высились над ним зубья обелиска, и скатывался к нему рыжий бок террикона. Вдали тархтели люди, а Соня шла в одиночестве и молчании, как того хотела.

Её траурное шествие прервал всё тот же казак. Он возмущался тем, что вандалы побили плафоны на фонарях.

– Вот, вот, видишь? – кивал он на ближние фонари. – А зачем? Для чего?

– Для чего?! – поддержал его Середа.

Соня не выдержала:

– Товарищи, а давайте молча!

Брусчатка перед памятником была разрисована радостными ромашками и солнышками.

Гранитные фигуры застыли в мучительном падении.

Это место было знакомо Соне с раннего детства. Эти имена она знала наизусть и каждую жизнь могла рассказать вкратце, а длинно там не было. Соня твёрдо знала, что только в полной тишине необходимо подойти туда, где они перестали быть. Уля, Тоня, Саша, Ваня, Витя, Серёжка...

Отверстие в земле накрыто решёткой, а сверху плитой с памятной надписью: «15, 16 и 31 января 1943 года были казнены фашистами и сброшены в шурф шахты № 5 участники подпольной молодёжной организации «Молодая гвардия».

– Там музей сначала хотели сделать, – говорит Середа. – Подземный. Потом решили, что с нервными экскурсантами много возни будет.

– И засыпали, – кивает Соня.

– Нет, просто решёткой заложили. Как ты его засыплешь? Это же обратно весь террикон скидывать.

Под решёткой темнота, но девушка кожей чувствует, как там глубоко. Она смотрит на терриконы: ближний высок, а второй чуть ниже. Если поставить один на другой, можно понять глубину шурфа. Соня лезет на верхушку ближайшего террикона. Теперь она вровень с городом, что стоит на горе, и выше мемориала – видна срезанная гладь его треугольных кончиков. Сонины спутники стали крохотными фигурками, они беседуют о своём и на девушку не глядят.

Вниз она спускается осторожно: падать долго.

– А на новый мемориал ты её возил? – спрашивает казак.

– Та когда? – отвечает Середа.

– Поехали!

– Может, не надо? – робко сомневается Соня, но её никто не слушает.

По пути к машине девушка замечает небольшой камень в ответвлении аллеи. От камня до шурфа едва ли сто шагов. Соня узнаёт это место раньше, чем успевает прочесть надпись на камне. Здесь стояло маленькое деревянное здание шахтной бани. Здесь провели ребята последние часы, здесь они в последний раз были живыми.

Было ли там темно или светила шахтёрская лампа? На чём они сидели? Как их выводили: вызывали по спискам или тащили тех, кто ближе? Сколько человек вели к месту казни? Заставляли снимать обувь и верхнюю одежду? Плакал ли кто-то или все молчали? Прощались друг с другом? Искали путь побега? Оставляли надписи или записки? Каково было полицейам

убивать молодых и полных сил людей? «Умирать надо хорошо» – так говорили ребята в романе Фадеева.

Она слышит за стеной выстрелы и затем рядом шёпот и всхлипы, в темноте не разобрать чьи. Она слышит скрип двери, внутрь врывается ветер, и будничным голосом выкликает имена. Она слышит, как со стоном поднимаются с пола люди, и что-то вздрагивает внутри: не меня! Но скоро, скоро. И она ждёт. Их мало осталось. Уже не холодно и не больно, мир прекратил существование, и время сжалось до слова, когда оно оглушит звуком и пулей ворвётся в грудь, и падения тело уже не поймёт.

– Соня, поехали, замёрзнем! – окликает казак.

Возвращение

Оказалось, что война заселяет человека, как пустую комнату, влезает в повадки и навыки, война становится привычкой.

Соня с Мариной шли по вечернему Донецку, и грохот грянул над головой. Соня дёрнулась от страха, а Марина засмеялась и сказала:

– Это далеко! Когда близко – сразу слышно.

И они пошли дальше. Больше взрывов не было.

– А как это – когда близко?

– О-о-о! – снова засмеялась Марина. – Очень громко. Когда снаряд летит, тебя одним звуком на землю опрокидывает.

Соня смотрит под ноги: сейчас земля сухая. Всю неделю обещали дожди, но, вопреки прогнозам, Донецк был солнечен и гостеприимен. Ямы, оставленные в дорогах снарядами, залиты свежим асфальтом: яркие тёмные квадраты не бросаются в глаза, если не знать истории их появления. Обычный дорожный ремонт. Близкие здания, крыши магазинчиков, урны, бордюры – всё в осколочных ранениях. Навстречу идёт девушка в мини. Соня провожает её задумчивым взглядом.

– В войну, наверное, юбок не носили?

– Почему? – удивляется Марина.

– Ну, колготки... обстрелы... порвутся, если падать...

– Да нет, носили.

Марина молчит, а потом сообщает:

– В войну другого боишься. У меня дочка гостила, пошла в магазин, а ей подруга с окраины звонит на сотовый. «Ты где? – спрашивает. – Ложись, от нас стреляют в вашу сторону!» Там же как получается: если укры стреляют по центру, то над окраиной снаряды пролетают, их видно. Объявлений никаких нет. Это если бы самолёты

ПО ТУ СТОРОНУ ПОКРЫШЕК

2016 год. Славянск

Ехать по другую сторону фронта Соню уговорили читатели её блога. Те, кто требовал возвращения Крыма Украине и кто был уверен, что Донецк и Луганск обороняют российские войска, а местных там изначально не было. Те, кто был обижен Сониной поездкой на территорию отделившихся республик и хотел реабилитироваться в глазах Сониных читателей.

«Приезжайте! – написала украинская активистка Лена. – Я покажу вам госпиталь ветеранов АТО, увидите, как живут парни без ног, девчата без рук – совсем молодые. Они ненавидят войну и тех, кто её затеял. Мои родители расказуют вам о первом полугодии оккупации Ровенёк и о том, как сейчас живут их знакомые, с которыми ещё есть связь. Вы не поверите, какой опасности подвергаются те, кто остался на оккупированной территории. Моя старшая дочь тоже была там первые месяцы, сможет рассказать про школу и как там над ней издевались, потому что она украинка. Мне очень хочется, чтобы вы дали нам возможность ответить на обвинения в фашизме. Могу познакомиться с семьями переселенцев в Киеве, поискать волонтерские программы, которые ездят по городам. Могу помочь пообщаться с очевидцами в Мариуполе, там рядом в городе до сих пор идут бои. Вы точно так же сможете написать об этом у себя в блоге. В Киеве можете остановиться у меня».

Соня всегда была справедливой девочкой и считала, что другая сторона конфликта также имеет право на высказывание. Но рисковать ради этого своей шкурой, снова ехать под обстрелы? С другой стороны, Славянск и Краматорск интересны, как отправная точка всей заварухи на донбасской земле.

«Марина, может, правда съездить?» – написала она подруге в Донецк.

«А что страшного-то, поезжай, конечно, посмотри, – ответила Марина. – Тем более раз в Киев зовут...»

Больше посоветоваться было не с кем. Сергей был далеко, да и непонятно: встречаются ли они ещё или уже расстались? Зачем ей эти странные отношения, которые ни к чему не ведут?

После поездки на Донбасс он решил, что Соня изменилась, и стал отдаляться. А Соня не изменилась, и любила его по-прежнему, и не знала,

засекли издали, тогда успевали бы объявить тревогу, а обстрелы всегда неожиданно начинаются. И люди наловчились помогать друг другу звонками. Вот подруга говорит, когда снаряд вылетит, а малая падает. Только на окраине затихло, подруга говорит, что можно встать, малая подсказывает – и домой. Добежала, звонит мне: что делать?! Она ещё необстрелянная была. И понимаешь, что самое страшное? Не то, что к тебе снаряд прилетит, самое страшное то, что ничем не можешь помочь родному человеку.

Вопреки прогнозам, город живёт и растит детей. Они гуляют с родителями по широким проспектам и бульварам: взрослые пешком, малыши в колясках. Они играют в центре на детских площадках и кормят уток, которые живут в водоёмах. Семьи выгуливают детей, рождённых перед войной и зачатых под бомбёжками. Жизнь приравнивается к любым условиям.

Соня возвращается в Москву ночной машиной. После таможни на российской земле она наконец-то чувствует себя в безопасности: тут можно не бояться, мина не прилетит и осколок не ударит в тело. Война поселяется в человеке, едва коснувшись её. Тёплый салон машины качает, и девушка засыпает.

...Соня стоит в середине безлюдной улицы и видит, как темноту режут яркие всполохи света. Небо простуженно свистит утробой, от него некуда деться. Снаряды перелетают пятиэтажку и лопаются за её хребтом. Это слишком близко.

Ноги подгибаются, но надо бежать прочь. Уши захлёбываются грохотом. Соня мчится по улице, как от погони, и чувствует всем нутром, как неотвратимо стремится к земле острый нос снаряда, как он врезается в тротуар. Что-то мягко, но сильно толкает в плечо, опрокидывая девушку навзничь. Темнота сгустилась, и грохот уполз в сторону. Соня пытается встать, опирается руками и заваливается набок, лицом в липкую тёплую лужу. Правая рука не держит. Соня подносит ладонь к лицу, шевелит пальцами, но видит пустоту. Смотрит на плечо – из чёрной культи судорожно бьёт кровь и нигде вокруг нет руки. Соня ползёт, переворачивая куски камня, отгребая месиво осколков, но руку не находит и, одурев от усталости, затихает в наступившей темноте...

– В туалет пойдёте? – окликает пассажиров водитель.

Шесть утра. Хлопают двери, выстужая сонный уют. В глазах песок, и колотится сердце. Телефонная эсэмэска приветствует Соню на заснеженной московской земле.

Война навсегда поселяется в человеке.

как доказать ему свою любовь. И вот сейчас он уехал на Камчатку, где практически отсутствовала связь с внешним миром и не ловился интернет.

«Зачем ему Камчатка, поехали бы в Киев!» – мечтательно вздохнула девушка.

Именно в Киеве они с Сергеем и познакомились. По пути в Киев.

* * *

В Москве у Сони жили дальние родственники. Точнее, один дальний родственник, с которым она и познакомилась-то только в Москве. Тройродный брат Женька после службы в армии решил не возвращаться в родную глубинку, – что там было делать в 90-х годах? – а остался в столице, занялся строительством, купил квартиру и землю под дачу и вроде бы даже собирался жениться. Женька представлял собой невероятный сплав удачливого бизнесмена и хорошего деревенского парня. Соне нравился такой старший брат. И потому, когда он пригласил её на свой день рождения, она обрадовалась.

Праздник был назначен на третье декабря.

Соня завила локоны, накрутилась и нарядилась.

– Не слишком вызывающе? – спросила она соседку.

Та потребовала, чтобы Соня надела чёрную водолазку, мини-юбку и сапоги-чулки на каблучках.

– Теперь в самый раз!

– Хм... А я не похожа на уличную шлюшку?

Соседка тяжело вздохнула: по её мнению, Соня совершенно не разбиралась в жизни.

– Ты идёшь на день рождения к брату-бизнесмену. Туда наверняка съедутся другие бизнесмены. Если будешь умницей, то сможешь кого-нибудь закадрить и выйти замуж. Иди сюда, я тебя накращу нормально.

Соседка знала толк в косметике.

Соня взглянула в зеркало и покачала головой. Собственный демонический взгляд её пугал.

– Что-то... морщины у меня, что ли?

Соседка изобразила возмущение:

– Да откуда у тебя морщины? Глупостей не говори! Ты же знаешь, что это зеркало всегда показывает то, чего нет: прыщи, морщины...

– ...соседа дядю Колю-алкаша.

– Вот-вот, – кивнула соседка. – Топаи!

В метро на Соню оборачивались мужчины всех возрастов, это приятно бодрило, и в ресторан она пришла в самом чудесном состоянии духа.

Женька взглянул на Соню и сказал:

– Ну ни фига себе!

Та довольно улыбнулась.

– А чего в чёрном вся? – продолжал Женька. – Траур, что ли?

Соня ткнула кулаком ему в плечо:

– Поздравляю, братик!

Вечер оказался на редкость скучным. Все бизнесмены пришли с жёнами или подругами, все вели с новорожденным разговоры на непонятные темы. Соня ковыряла вилкой в тарелке, чокалась за Женькино здоровье с соседями и поминутно бегала на улицу курить. В один из перекуров на крыльцо вышел Женька с другом.

– Вот сестрёнка моя. – Он приобнял Соню за плечи. – А чего смурная такая?

Та печально вздохнула:

– Да так... Думаю, может, домой поехать?

– Скучно? – понял Женька. – Надо было придумать тебе пару, чтобы друг друга занимали. Не сообразил. Зато всё тихо и мирно.

– Что, и драки не планируется? – возмутилась Соня.

– А зачем нам драка? Пусть соседи дерутся.

Друг, прежде молчавший, оживился:

– Чует моё сердце, кипиш будет тот ещё. Передавали, что Саакашвили прилетел и поляк ещё какой-то. Они всегда на жареное бегут. А Янукович, наоборот, улетел. В стране бардак, а он улетел. Вместо того чтобы разогнать эту кодлу. Как баба просто.

– А у нас, у девочек, всегда так: дома бардак, а мы куда-то улетаем, – задумчиво протянула Соня. – А что стряслось?

Женька с другом изумлённо посмотрели на неё:

– Ты что, вообще не следишь за политикой?

Соня нахмурилась, а потом пожала плечами.

– На Украине же революция.

– Какая ещё революция? – недоверчиво протянула Соня. – Великая декабрьская?

– Опять на Майдане все торчат, как в 2004-м. Студентов побили в Киеве, народ вывалил протестовать против Януковича. Не знаю, чего им не живётся? Вот за наших душа болит, как бы чего не вышло.

Родовое древо Сони и Женьки было таким раскидистым, что в ту пору, как одна ветвь засыхала в казахских степях, другая ветвь распускала новые листья над украинским чернозёмом. Проще говоря, на Украине жили родственники, за них-то и беспокоился Женька.

– Интересно, – сказала Соня.

– Что интересно?

– Посмотреть на революцию.

– Чего там смотреть? Флагами помашут и разойдутся.

– Это и интересно. Как они флагами машут.

Женька докурил сигарету, бросил бычок в пепельницу над урной.

– Сейчас приедет Семенцов, помнишь такого? Он уже с сумкой, прямо отсюда едет в Киев на Майдан. Езжай с ним.

– Шутишь?

– Нет, серьезно. Попрошу, чтобы приглядел за тобой.

– Это тот самый Семенцов? – уточнил друг.

Женька кивнул.

Соня понятия не имела, кто такой Семенцов, но ветер дальних странствий взволновал душу, и она с огорчением вспомнила, что не взяла с собой паспорт.

– Да ладно, куда мне в таком виде – и в горнило революции? – Соня хлопнула себя по мини-юбке. – Ещё примут за гуманитарную помощь от братской России.

Женька захохотал:

– Да уж, переодеться бы надо.

– И паспорта у меня с собой нет...

– Так позвони соседке, попроси привезти на вокзал.

Вскоре приехал Семенцов, похожий на доброго гнома, окинул Соню плотоядным взглядом и подтвердил:

– Без проблем. Поехали.

И Соня решилась.

Она набрала номер соседки:

– Душа моя! Ты ведь любишь киевский торт?

В ответе можно было не сомневаться.

– Я привезу тебе настоящий киевский торт! А ты, пожалуйста, привези мне паспорт на Киевский вокзал.

Кроме документов соседка привезла рюкзаки с ботинками, джинсами, двумя свитерами, нижним бельём и умывальными принадлежностями.

– Обожаю тебя.

– Ты, главное, живой вернись! – напутствовала соседка. – Вот вечно лезешь в какие-то стихийные бедствия! Как будто твой абсолютно логичный мозг пытается обрести там свою алогичную половинку. Что за авантюризм в тебе сидит?

– Это не авантюризм, а попытка увидеть историческое событие собственными глазами! Помнишь, если бы Хемингуэй не поехал на Первую мировую, то не стал бы он тем клёвым чуваком в шерстяном свитере и с трубкой, который висел во всех квартирах, библиотеках и присут-

ственных местах. Я тоже хочу быть клёвым чуваком в шерстяном свитере и с трубкой! Я тоже хочу висеть в квартирах, библиотеках и присутственных местах!

– Хемингуэй ещё и в Париж ездил. Может, лучше в Париж, чем в Киев?

– В Париж, конечно, лучше, – согласилась Соня. – Но на халяву меня везут только в Киев.

– На халяву? – приподняла бровь соседка, и Соня сделала невинное выражение лица. – Береги себя, – попросила соседка. – И не лезь на рожон.

– Ну, ты же меня знаешь...

– В том-то и дело, что я тебя знаю! Ты понятия не имеешь, что такое осторожность.

– Брось! Сонечка была очень осторожной девочкой. Когда она ехала в лес с незнакомыми мужиками, она всегда брала с собой компас!

Семенцов, купивший билет, подошёл к девушкам, рассмотрел соседку и предложил ей тоже отправиться в революционную столицу.

– Нет-нет-нет! – замахала руками соседка. – Я за стабильное развитие общества! Лучше дома посижу.

Оказалось, что Семенцов едет не один, а с музыкальной группой и ещё одним хмурым бородатым товарищем, которого все чествовали и хвалили за организацию. После того как Соня переделалась, компания отправилась в вагон-ресторан.

Снова пили, играли на гитаре, пели. Семенцов держал Сонину ладошку в своих горячих руках. Окружающие звали Семенцова по имени-отчеству, а ещё – мэтром. Соня задумалась: похоже, человек действительно был знаменитостью.

– Откуда я вас знаю? – спросила Соня. – Я ведь точно где-то слышала вашу фамилию.

Семенцов тяжело вздохнул и выпустил её ладошку из рук. Остальные музыканты сделали вид, что не заметили вопроса.

В Киев приехали затемно. За несколько часов сна хмель не успел выйти из головы, и Соня засыпала на ходу.

В ожидании такси компания выпила кофе в круглосуточном сетевом ресторанчике быстрого питания, а затем поехала к кому-то в гости, где Соню уложили досыпать. Остальные принялись похмеляться и завтракать.

– А куда мы едем? – спросила Соня.

– В клуб. Выступать, – ответил хмурый бородатый организатор.

Соню зажали на заднем сиденье такси между ним и гитаристом. Семенцов сидел впереди и стучал пальцем по экрану планшета. Контрабасист и

ударник со своими инструментами ехали в другой машине.

– Мы до сих пор не знакомы. – Соня решила быть вежливой. – Я Соня Воскресенская.

– Сергей, – ответил хмурый организатор и вдруг улыбнулся.

Улыбка преображала его лицо: из странного и пугающего оно стало почти детским, и девушке казалось, что она видела его когда-то давно и неизвестно где.

С переднего сиденья недоуменно оглядывался мэтр Семенцов.

Клуб «Бактерия» расположился в помещении то ли бывших складов, то ли автостоянки. Многоуровневый автоподъём не был предназначен для пешеходов, да и находилось здание на каком-то пустыре. Но внутри, действительно, был клуб. Правда, без людей и отопления. Зато с баром.

Сначала Соня во все глаза пялилась на Сергея. Чем дальше она глядела, тем более красивым ей казалось его лицо, и вся долговязая фигура, и низкий густой голос.

Сергея тревожил пристальный взгляд случайной попутчицы, но в небольшом пространстве клуба было нелегко улизнуть, поэтому он старался стоять к Соне спиной.

Концерт был назначен на семь вечера, но потенциальные зрители проигнорировали выступление мэтра Семенцова.

– Все на Майдане, – пошутил он.

Соня не понимала, зачем надо сидеть в этом ледяном помещении, «среди чёртова холода, колом застрявшего в кишках», а ещё она переживала, что не успеет посмотреть на настоящую революцию, что, пока музыканты тусят на окраине Киева, в центре всё закончится, разбредутся кто куда люди, разберут баррикады и палатки, власть и общество достигнут договорённостей, нормализуется украинская экономика и наступит мир во всём мире. Соня очень боялась пропустить самое интересное, но деваться было некуда, приходилось ждать попутчиков, которые сыграли несколько песен для организаторов и собрались разъезжаться по впискам.

Семенцов заметил несчастное выражение Сониного лица и сказал утешающе:

– Завтра поедем.

Хозяева вписки гостеприимно уложили мэтра на расстеленный на полу спальник, Соне же досталась кровать со всеми удобствами. Мэтр храпел, раздирая лёгкие, с грохотом круша тишину, но уставшей за два дня девушке было всё равно. Она спала без сновидений.

Назавтра в центр выбрались только к вечеру. Музыканты выступали на главной сцене, Соня поджидала их в тёплой гримёрке, изредка высываясь на улицу. Лёгкое осеннее пальто пропиталось дымом от костров, и в целом становилось понятно, что подобные «стояния» на городских площадях надо организовывать в тёплое время года, а не в минус 20.

В разгар второй песни на сцену выбежал взволнованный ведущий и потребовал остановить песню. Казалось, сейчас он объявит о победе народа над правящей верхушкой или, на худой конец, о высадке инопланетян. Но, захлёбываясь от восторга, он объявил, что на площади присутствует немецкий посол со своим мужем. На ломаном немецком ведущий прокричал слова приветствия. Музыканты недоуменно переглядывались, они молча топтались на сцене, размышляя, как себя вести и не проще ли уйти, не заканчивая выступления.

Кто-то из толпы выкрикнул ругательство, и было непонятно, относится это к послу или же к ведущему.

«Вот тебе и европейские ценности!» – со смехом подумала Соня.

После выступления на Майдане герои сцены отправились в другой клуб. Там было всё: отопление, люди, алкоголь. Семенцов читал со сцены похабнейшие вирши, люди ржали и улюлюкали. Соне хотелось плакать или выпить.

– Слушай, а ты откуда вообще взялась? – Сергей подошёл к ней с двумя рюмками. – Выпьем?

Соня кивнула.

– Я случайно. Меня брат отправил смотреть на революцию.

– С Семенцовым?

– С ним.

– Заботливый, смотрю, у тебя брат.

– Какой есть. Но видишь, как всё здорово получилось.

Она хитро улыбалась, и Сергей насупился, пытаясь понять, что же хорошего нашла эта странная девушка в революции и задымлённом воздухе Киева.

– Не вижу! – рявкнул он и опрокинул в себя рюмку.

Соня отпила глоток.

– Запиши мой номер, – сказал Сергей. – Я завтра планирую лететь в Москву, могу тебя эвакуировать, если хочешь.

Соня задумалась. Не хотелось уезжать так быстро. Но делать на Майдане было нечего, тем

более в одиночестве и в продуваемой всеми ветрами экипировке.

– Я подумаю, – важно сказала она.

Номерами, разумеется, обменялись.

Музыканты уехали в тот же вечер, с ними укатил Семенцов. Соня опять ночевала на вписке, где прошлой ночью ей так любезно предоставили кровать и где столь пренебрежительно уложили на пол знаменитого музыканта.

– Они тебя тут бросили, что ли? – негодовал наутро хозяин квартиры. – Раз привезли, то и увезти обязаны!

– Да ладно, – отмахивалась Соня. – Я девочка взрослая, сама билет купить в состоянии.

– Ты ведь тоже певица! – воскликнула девушка Оля. – Как же корпоративная этика?

Оля была влюблена в хозяина квартиры и, пользуясь случаем и отсутствием других спальных мест, ночевала в его кровати. Он же на чувства не отвечал, зато фотографировал свою музу на Майдане с самодельным плакатом: «Я не хочу в ТС, я хочу кружевные трусики и ЕС!» – известнейший снимок, благодаря которому Оля считала себя знаменитостью.

Соня удивилась, а потом засмеялась:

– Я не певица! Я просто так, сама по себе! Вы не поверите, я даже не журналист!

– А мы думали, ты как Семенцов. Известная. Соня не выдержала:

– Слушайте, Семенцов – он кто?

Оля с хозяином вписки переглянулись:

– Ты серьёзно? Ты что, не знаешь эту песню?

И напели ей одну из самых знаменитых мелодий девяностых.

Именно в этот момент позвонил Сергей:

– Ну что, едешь? Я уже в Жулянах, рейс через два часа. Пришли мне эсэмэской данные паспорта, куплю тебе билет.

Московское утро следующего дня было тёмным, как нечищенные полотна Средневековья. Декабрьское небо придавило город тучами, и фонари, едва погаснув, снова загорелись. Машины стояли в пробках, метро качало дверьми в обе стороны и выдыхало на улицу тёплый воздух, люди спешили на работу.

Соня и Сергей проснулись в одной постели.

* * *

Да, всё было именно так, без лишних разговоров и объяснений. Просто и обычно.

И вдруг Соня поняла, что скучает по Киеву. По странному замёрзшему городу, которого тог-

да толком и не разглядела. По людям, с таким радушием принимавшим и москвича, и львовянина. По баррикадам и палаткам на улицах. По смешной интернет-знакомой Оле Сачковой, которая верила в революцию, как верят в Бога. По Лавре и дому Турбиных. По кораблям, примёршим к днепровскому берегу. По Жулянам, где терпеливо ждал её Сергей. В какой-то миг Соне показалось, что она может свершить невозможное: показать обеим воюющим сторонам, что в грохоте пушек не может быть правды. Что правы все и не прав никто. Что братья всегда остаются братьями и они не должны убивать друг друга. И Соня решилась.

«Уговорили, – написала она Лене. – Но для чистоты эксперимента начну со Славянска и Краматорска. Потом уже поеду в Киев».

«Отлично! Пишите мне и вашим доверенным лицам о перемещениях, о транспорте, номерах машин и т. д. Я дам вам номер наблюдателя ряда европейских организаций, это моя бывшая девушка, чудесный борец за справедливость в любых видах. Сможет быстро распространить информацию, если по каким-то причинам вас задержат. Скажете ей, что вы от меня.))) Если каким-то образом попадёте в зону локации любых воинских частей, пожалуйста, отключайте геолокацию в соцсетях или не постите фото оттуда (координаты сами по себе прописываются). Недавно у нас так новенькая девочка-волонтер случайной фоткой навела обстрел на ребят в секретной дислокации».

В тот же день Соня повесила пост:

«Где наша не пропадала! Я еду на Украину».

«В Украину!» – тут же поправил её особо учёный комментатор.

«Вот вы идите «в», а я поеду «на», – ответила Соня.

Ничто не раздражало её так, как борьба с русским языком в защиту иноземной политики.

На автовокзале Соня едва успела купить бутылку воды и запрыгнуть в автобус.

Настрочила пост:

«ПОЕХАЛИ!»

Села в автобус Москва – Краматорск. Утром буду в Славянске.

Для таких же бакланов, как я: на «Новоясеневской» нет банкоматов! Никаких!

– Сбербанк на «Ясенево» есть... – задумчиво протянул работник метро.

Я взглянула в разверстную пасть подземелья и решила попытать счастья снаружи. В этих тщетных поисках в рекордные сроки до-

бежала до ближайшего Сбера. Под ним беспокойно шевелилась станция «Ясенево».

«Не обманул, зараза!» – с уважением подумала я.

Пока бежала, подсчитала активы. 350 рублей, 40 гривен, оставшихся с незапамятных времён, и одно яблочко. Очень весело при учёте того, что ситуацию с банками по ту сторону фронта не удосужилась выяснить. В общем, я в своём репертуаре!»

Потом Соня выключила телефон, чтобы не разряжалась батарея. Заснуть не получалось: на весь салон бухтел сериал про бандитов, которым водитель потчевал народ. Ещё очень хотелось есть, но санитарную стоянку всё тот же вредный водитель-украинец устраивал на безлюдной обочине, мол, вертитесь, дорогие пассажиры, как хотите. Ещё было страшно: неизвестно, как аукнется Соне предыдущая поездка, ведь не пускают на Украину тех, кто побывал в Крыму, а Донецк с Луганском – это, считай, фронт.

Когда через несколько часов Соня включила телефон, под сообщением стояли лайки и пожелания удачи, а в личке светилось сообщение от незнакомца: «Если вы едете в Славянск, вы подвергаетесь опасности!» – и ссылка на пост в «Живом журнале»:

«Гражданка России Софья Воскресенская, украинофобка и сепаратистка, в данный момент находится в автобусе, следующем по маршруту Москва – Краматорск. Конечная цель – Славянск.

Блог её можно почитать – единственное её горе, что нас мало поубивали.

Она уже была тут, незаконно пересекая границу, проезжая через сепарские пункты, месяц назад.

Вот щас мы тупо звоним в СБУ, распедаливаем ситуацию и смотрим, способны ли эти бэтмены с корочками, макарычами и мабилами с убойными номерами телефонов на что-то большее, чем крышевать ларьки и играть в тетрис на казённых компьютерах с девяти до шести.

Если вам не всё равно, позвоните тоже.

Только учтите, что с 18-00 у государства Украина безопасности нет. У них заведение там типа кафе, который в шесть вечера закрывается, это если секретарша-майор за час раньше с работы не отпросится. Тогда госбезопасность у нас будет только до пяти.

Томушо задрали это малопидвальные многозначительные чувачки в итальянских кожанках и с прищуренными взглядами. Мы им зарплату платим, отдавая из кровного. А они нас за наши же кошты пугают, многозначительно прищуривают,

но ни фига мышей не ловят. Они своей корочкой преимущественно в ресторанах пользуются. Пора уже их самих пугать. Пусть или работают, или увольняются к копаной матери без пенсии. В совхозе работать, без кожанок и взглядов».

Соня растерянно смотрела на экран. Хлопала глазами. Тёрла лоб. Хмурилась и встряхивала головой. Она уже три раза перечитала это воззвание, а также комментарии, где в нецензурных выражениях предлагалось проломить ей череп, сдать на забаву «Правому сектору» или погранцам, запшикать монтажной пеной, придушить в подворотне... Предложений было много, но так или иначе они подразумевали физическую расправу. Более того, именно сейчас эти странные люди наперебой дозванивались в СБУ по поводу скромной Сониной персоны. Сперва нахлынула обида. Соня и без того не имела особой охоты ехать по другую сторону фронта, но ведь уговорили, заразы, практически гарантировали безопасность по типу «зуб даю». А стоило двинуться в сторону Украины, как началось вот это!

Соня опубликовала ссылку на пост в своём блоге.

«Считайте меня коммунистом!» – приписала она и снова выключила телефон. Необходимо было всё обдумать. Будь что пожевать, Соня бы не так паниковала, но зараза-водитель никак не желал останавливаться в приличных местах! Как будто услышав её мольбы, автобус сделал поворот и встал на цивилизованной заправке.

Соня ринулась в магазин.

В телефон сыпались сообщения: прочитавшие угрозы украинцев друзья требовали, чтобы Соня вышла из автобуса и вернулась домой. Соня храбрилась и отвечала, что отступать не выскла и «но пасаран!». Не хотелось показывать украинским троллям собственного страха, от которого уже начинало потряхивать. Всё бы ничего, но бесноватым неприятелям был известен маршрут и время отправления автобуса из Москвы, а это сулило много неприятностей, начиная от таможенных и заканчивая братоубийственной встречей на вокзале Славянска.

«Господи, ну кому ты нужна, – уговаривала себя девушка, – им лишь бы языком трепать». Но легче не становилось: среди трепачей всегда мог найтись фанатик, который не пожалеет для Сони кирпича.

В комментарии к сомнительному посту продолжали сыпаться угрозы, и Соне захотелось

плакать: она по-детски недоумевала, что плохо-го она сделала этим незнакомым агрессивным и хамоватым людям? Ведь она ехала затем, чтобы помочь, чтобы рассказать о них, она как последняя дура дала себя уговорить активистам, которые наверняка палец о палец не ударят, чтобы отбить её у разъярённой толпы. Воображение рисовало гопников с дубинками и шапками на пол-лица – как на Майдане, – с которыми очень не хотелось связываться. Но выходить из автобуса на ночную безлюдную трассу тоже не было желания.

К таможене подошли в четыре часа утра и до семи ждали своей очереди. К тому времени Соня окончательно поддалась панике, решила, что плевать хотела на чужое мнение, своя шкура дороже и, если на границе её завернут, она противиться не станет – вернётся домой.

Сон не шёл, в голову лезли мысли одна другой неприятнее, а потом рано поднявшееся солнце залило салон автобуса и пограничник стал собирать паспорт для проверки.

Взяв в руки Сонин российский загран, парень снова протянул руку и сказал:

– Приглашение?

Соня захлопала глазами:

– Какое приглашение?

Пограничник понимающе вздохнул:

– Пройдёте.

– С вещами? – уточнила Соня.

– С вещами, – кивнул пограничник.

Соня натянула шапку, подхватила рюкзак и двинулась к выходу. Они долго шли вдоль каких-то заборов и строений. Сонин паспорт конвоир нёс в руке, и в целом ситуация не радовала.

Встречный пограничник спросил:

– Куда ведёшь?

– К коменданту гарнизона.

Для истощённых Сониных нервов это оказалось слишком, и она громко всхлипнула.

– Та не бойсь, – засмеялся парень и распахнул перед ней дверь.

В небольшом кабинете сидела ко всему безразличная блондинка лет сорока.

Соня удивилась: коменданты в её понимании выглядели куда более внушительными.

– Что случилось?

– Приглашения нет, – сообщил Сонин сопровождающий, положил на стол её паспорт и вышел.

– Присаживайтесь, – устало пригласила блондинка и начала листать паспорт.

Периодически она отрывалась от страниц, что-то набивала на клавиатуре и внимательно смотрела в экран.

«По базам пробивает...» – поняла Соня.

С довоенного момента получения загранпаспорта Соня предпочитала ездить на Украину именно по нему, а не по общегражданскому. Не надо было заполнять вкиток на въезд и хранить его до выезда, достаточно было тиснуть заднюю страницу штампом красного цвета с названием таможни: Казачья Лопань, Харьков, Жуляны, Котоп.

Сейчас это должно было сыграть ей на руку: она была проверенным резидентом. Соня как будто забыла, что собиралась не противиться возвращению на родину, ведь отказать во въезде могли не из-за поездки на Донбасс, а из-за отсутствия глупой бумажки от приглашающей стороны. И тут девушка вспомнила, что накануне целая толпа людей дозванивалась в СБУ насчёт её скромной персоны, и, возможно, им это удалось и, если сейчас блондинка найдёт в базе какой-нибудь отчёт о звонках... Наверное, её отправят в тюрьму, как злостную преступницу, и никогда она не увидит солнце родной земли... Страх слегка отпустил. Соня давно заметила: если пафосно и вычурно сформулировать происходящий вокруг ужас, то становится не так страшно.

И она затараторила с самым невинным видом:

70

– Я думала, что приглашение только парням надо, ну, ввиду положения на Украине, а у меня недавно друзья ездили, ни словом не обмолвились о том, что надо что-то ещё, помимо заграна, хотя одна из них одесситка... Она, наверное, сама выступила как приглашение, да? А всё, меня совсем не пустят, да? Обидно, меня уже родственники ждут в Днепрпетровске, я туда с детства ежу.

Днепрпетровск полгода как потерял половину своего имени, но комендант походил на человека, которому безразличны политические игры, и потому Соня сказала: «Днепрпетровск», а не «Днепр».

– А в Славянск зачем едете? – спросила блондинка.

Соня похлопала глазами, залилась краской и сообщила:

– У меня там знакомый живёт, хотели развиртуализироваться. А оттуда уже в Днепр.

Блондинка понимающе кивнула.

– Учитесь, работаете?

– Полгода как уволилась... С шефом не поладили, – осторожно сообщила Соня.

Блондинка вскинула на Соню глаза, в её лице вдруг заискрился интерес.

– А что ж так?

Соня замялась и выдавила:

– Ну... ухаживать пытался... а я его послала.

Пришлось уволиться.

Блондинка глядела сочувственно, и Соня поняла, что попала в десяточку.

– Сейчас надо будет заполнить анкету, понадобятся имена и адреса принимающей стороны. Сможете назвать?

Имена Соня знала, а вот адрес никогда не могла запомнить. Обычно хватало номера маршрутки и названия остановки. И она продолжила врать с тем безмятежным видом деревенской дурочки, с которым можно счастливо прожить всю жизнь, так его и не осознав.

Выпустили её через час с квитком для таможенника.

– На его усмотрение. – И блондинка протянула Соне паспорт. – Счастливого пути.

Соня вышла, обливаясь потом. Возле двери ждал злой, опаздывающий водитель. Уехать без пассажира он не имел права, что происходит, не понимал и пытался ругать Соню, которая хотела только одного: в туалет.

– Нет времени! – возмущался водитель.

– Подождёте! – ответила Соня, закрывая за собой дверь.

Надо ли говорить о том, что таможенник, взглянув в заспанное, но обрадованное успехом Сонино лицо, махнул рукой и пропустил её по ту сторону границы.

– Я безобидная! – заверила она его на прощание.

В десять часов утра автобус въехал в Славянск.

Двадцать шестое января 1941 года

Она запомнила ощущение близкой смерти. Очень болела голова, но казалось, что всё пройдёт само, надо только отвлечься. Вернувшись из школы, Зоя принялась за уборку. Она принесла воды от колонки, с трудом затащила ведро на второй этаж. Вдруг мир закружился и стал двоиться, потом всё потемнело. Она успела услышать, как ударилось что-то тяжёлое о половицы, но не поняла, что этим тяжёлым было её тело.

Очнулась она в незнакомом месте. Матрас под нею был бугристым, не таким, как дома. И потолок – белёный, не деревянный с привычными пятнами сучков. Всё плыло, но она с усилием скосила глаза. Темнота заливала комнату, лишь снаружи в свете уличного фонаря носился бе-

лый снег. На столе рядом с кроватью поблескивал никелированный ящик. Зоя закрыла глаза и снова провалилась в пустоту.

Это продолжалось долго: она то выныривала в реальность, то впадала в беспамятство. Слово видения, мелькали чужие незнакомые лица в белых шапочках и марлевых повязках. Зою выстукивали, выслушивали, вливали в рот какое-то горькое питьё. Перевозили в операционную, клали её непослушное тело набок, втыкали в спину иглу, и Зою охватывала невыносимая боль, и она кусала губы, чтобы не застонать. Перед глазами из густой темноты выплывали яркие звёзды, Зоя летела между ними, то набирая скорость, то замедляясь.

Но однажды она ощутила такой давно забытый прилив сил, что смогла не просто скосить глаза, а ещё и повернуть голову в сторону окна. Она заметила, что лежит уже в другой палате, не в боксе.

Пожилая женщина в тёплом халате сидела на соседней кровати, но, заметив Зоино движение, подошла и склонилась к её изголовью:

– Что, девочка? Водички?

Зоя вздохнула. Только сейчас она почувствовала, как пересохло в горле. Соседка принесла полный стакан и напоила девушку.

– Видишь, перевели тебя в общую палату. Значит, теперь поправишься. Если что-то нужно будет – шепни. Да тебе, поди, трудно... Ну, или знак подай.

Зоя слабо улыбнулась.

Через несколько дней к ней в палату впервые пустили мать. Любовь Тимофеевна села рядом с кроватью, взяла дочь за руку. По лицу матери текли слёзы. Зоя слабо сжала пальцы. Она всё ещё лежала пластом и не могла поднять голову от подушки, но, собрав силы, прошептала:

– Не надо плакать. Мне лучше.

Любовь Тимофеевна всхлипнула в последний раз и начала быстро рассказывать. Дома холодно, но удалось достать дрова, сосед опять ругается с женой, Шурик почти перестал вечерами играть в футбол с мальчишками и в хозяйстве полностью заменил Зою. Обед готовит, делает уборку. Мыть полы он, конечно, не умеет, но зато как старается! Набрал чертёжной работы, сидит с ней до поздней ночи, а иногда и по утрам чертит, до ухода в школу.

– А в школе у вас тоже всё хорошо, Шурик придёт, подробнее расскажет. – Любовь Тимо-

феевна погладила дочь по руке. – Ты сильно отстала, нелегко будет нагонять. Но об этом потом. Пока что твоё дело выздоравливать.

Зоя согласно моргнула и сказала с трудом:

– Принеси что-нибудь почитать.

И Любовь Тимофеевна снова заплакала.

Но через несколько дней, когда Зоя смогла сидеть и уже не так быстро уставала, врач решил ей читать книги. Мать принесла две повести Гайдара.

«А жизнь, товарищи... была совсем хорошая!» Зоя осторожно закрыла книгу и долго вглядывалась в рисунок на голубой обложке. По дороге вдоль невысоких деревьев шли к горизонту двое: отец и дочь. Там, за синими горами, за дремучими лесами, наливались соком яблоки, цвела гречиха и собирали с неё мёд звенящие пчёлы. Там, рядом с мельницей, на реке строилась гидроэлектростанция, а из чёрных глубоких ям тасили люди белый, как сахар, камень.

– Там, над озером, раскинулся большущий сосновый лес. Есть в нём и грибы, и цветы, и малина, – прошептала Зоя.

В груди разливалось что-то очень хорошее. Зоя закрыла глаза. То ли это тропа в лесу, то ли дорога в поле. Ей, маленькой, ничего не видно, трава качается над головой. Только рядом в дорожной пыли белеют босые ступни отца. Рядом с его следами на дороге остаётся цепочка маленьких детских ножек. А если задрать голову, то видно, какой отец высокий и красивый. Он ведёт дочку за руку, а та хмурится: ей страшно, она устала. Она вырывает руку и изо всех сил обнимает отцову ногу. И тогда отец подхватывает её на руки и сажает себе на плечи. И весь огромный мир встаёт перед ней: скачет по ветке серая птица, жёлтые хлеба волнуются под ветром и растекаются над горизонтом синие дымы завода. От счастья хочется кричать, но она молча колотит ногами по отцовской груди. Клубы пыли заслоняют солнце – это мчится навстречу всадник, и горит на его будёновке красная звезда. Нет, не было у него будёновки, да и не мчалась лошадишка, а плелась себе вдоль дороги, и дремал на ней соседский мальчишка Колька, прикрученный верёвкой, чтобы не свалился без седла.

– Пап, а куда он едет?

– А мы сейчас спросим. Храбрый всадник Колька, куда путь держишь?

А держит Колька путь домой из Соловьянки, от деда Никифора, которому мать передала целый мешок яблок да велела узнать про сенокос. Только вот кобыла не взнуздана, а пяток слушаться не желает и останавливается пощипать каждую травинку.

– Пап, а далеко Соловьянка?

– А вот пройдем Спокойные Хутора, там и Соловьянка.

– А за Соловьянкой что?

– Павловка, Александровка, Прудки.

– А дальше?

– Кирсанов, там наша мама училась. Вот ты подрастешь и тоже учиться будешь.

– Буду. А за Кирсановом что?

– Тамбов.

– А за Тамбовом Москва? Мы туда идём, да?

Отец смеётся, и Колька смеётся, и даже худая кобыла ржёт, вздрагивая телом. Отец ломает упругую ветку, очищает от листьев и протягивает Кольке.

– Но-о, пошла! – кричит тот, стегая лошадиной по крупу, и они исчезают в Зоиной памяти.

А отец и дочь идут мимо хуторов и сёл, через поля и леса, идут пешком в огромный город Москву, где сейчас на больничной койке в обнимку с книжкой спит семнадцатилетняя Зоя.

Отец умер в этой же больнице семь лет назад. То воскресенье запомнилось детской обидой на некстати захворавшего отца. Были куплены билеты в цирк, Зоя и Шура мечтали о том, как увидят дрессированную собачку, умеющую считать до десяти, как учёный тюлень станет перебираться с бочки на бочку и ловить носом мяч. Но пришлось бежать за доктором, и провожать родителей в больницу, и сидеть дома, с нетерпением ожидая маму, которая бы вернулась и сказала, что операция прошла успешно и скоро семья снова будет вместе. Пропали билеты, но в Москве и без цирка столько интересного, и никто не умеет рассказать как отец про Замоскворечье и бульвары, про «валы» и «ворота». Детская обида сменилась нетерпеливым ожиданием, а после – изумлением. Внезапно в жизнь вошло слово «умер», и понять это не было никакой возможности.

В непогожий мартовский день Космодемьянские хоронили отца. Мать с дядей Серёжей оставили детей возле входа в Боткинскую больницу, а сами отправились в морг за телом.

«За те-лом...» – повторяла Зоя про себя. Потом произнесла вслух. Слово было сухим и безжизненным, как осенний листок. Она переставила ударение и попыталась придумать рифму. Получилось: «слом» и «поделом». Порывами налетал ветер, колючий воздух обжигал лицо, и Зое казалось, что темнота, сгустившаяся в небе, никогда не рассеется.

– Шура, прекрати! – закричала она брату.

Найденной где-то палкой тот бил по лужам, проламывая хрупкий весенний лёд, поднимая высокие брызги, хохоча и всё громче распевая песню собственного сочинения, в которой нельзя было разобрать слов. И такой восторг перед жизнью гремел в его голосе, что Зое захотелось разрыдаться и дать брату оплеуху.

Потом на грузовике они ехали на восток города к далёкому кладбищу, где дяде Серёже удалось получить место под могилу зятя.

Шура не отлипал от окна и чуть что толкал Зою локтем и шептал:

– Смотри, какой дом с загогулинами! А вон старуха с собакой, собака как прыгнет! А там дым из трубы, это идёт паровоз!

Зоя лишь глубоко вздыхала.

– Кого везёте? – спросил молодой водитель в замасленной кожанке.

Зоя повернулась к нему и строго ответила:

– Отца.

– Да... – протянул водитель. – Невесёлый у меня нынче груз.

«Груз, – подумала Зоя. – Был папа, а стал – груз. И ещё – покойник... Труп... Мертвец... Умерший...»

Она посмотрела туда, куда показывал Шура, и продолжила: «Скончавшийся...» – но больше слов не придумывалось, и Зоя рассердилась на себя за привычную и любимую игру, потому что сейчас полагалось горевать.

Тимирязевская академия, где отец работал бухгалтером, выделила для похорон сотрудника крытый грузовик. Детей посадили рядом с шофёром в кабину, а мама с дядей Серёжей полезли в кузов. «Караулить гроб», как сказал дядя Серёжа. Его пугало молчание сестры, но утешать её он не решался и потому в меру дозволенного шутил с детьми. Ему самому довелось побыть вдовцом, когда более десяти лет назад умерла первая жена Ольга, оставив мужа с трёхлетним сыном на руках. И ничего, помогла родня. Правда, было это в Осино-Гаях, при матери с отцом. Ну а в Москве он Любаше взамен отца.

Грузовик подскочил на ухабе, и Сергей с силой навалился на гроб, чтобы тот не раскрылся. Крышка была не сильно прихвачена гвоздями: в больнице понимающе отнеслись к тому, что большинство родственников придёт проститься на кладбище, и не стали забивать намертво.

Гроб внесли в церковь, раскрыли, и высокий старик в серебристом одеянии поверх чёрной рясы стал распевать малопонятные молитвы. В пустом здании тягучие слова отлетали от круглых сводов потолка, метались по церкви и падали под ноги, к промокшим башмакам. Зое было неуютно и странно.

Бабушка Марфа когда-то давно рассказывала ей о том, что в её роду по отцу было много священников, а дед почитается за святого и что отец должен был стать священником, но грянула революция, и людям теперь не нужен Бог, а нужен красный уголок и потому церкви закрыты. Набожной и покорной Марфе прежде некому было жаловаться, кроме Бога, и потому она рассказывала маленькой внучке свою жизнь вместо сказок.

– А почитается – это как? – спрашивала Зоя.

– Это значит – уважение ему большое от народа, слава добрая.

– Как Ленину?

– Как Ленину, – вздыхала бабушка. – Только здесь близкий заступник: попросишь его о чуде, а он Бога попросит. Вот и будет тебе чудо на земле.

– А если я у него попрошу, чтобы мама скорее приехала?

– Может, услышит. Твой дед добрый был.

– Он и сейчас добрый!

– Другой дед. Я про другого говорю.

– Разве мой дед не Тимофей?

– И Тимофей, – соглашалась бабушка. – И Пётр.

– А где этот Пётр?

– Умер. Возле церкви лежит, помнишь, мы проходили?

– Почему умер?

– Враги утопили, а по весне нашли тело целёхоньким и будто живым. Разве что не дышал.

– А враги – это кто?

– А никто, внучка...

– Как это – никто?

Бабушка опускала на колени штопку, которую из-за близорукости держала возле глаз, и говорила:

– Подрастёшь – узнаешь.

Зоя так и не поняла, кто были враги, утопившие деда, но запомнила, что дед у неё – как Ленин, и через несколько дней высказала это другому дедушке – Тимофею. За что отхватила ремнём по мягкому месту, вечер проревела белугой, но навсегда запомнила, что есть на свете истины, в которые необязательно посвящать посторонних.

– Ты что ж, глупая, – утешала бабушка, – про себя думай, а другим-то зачем говорить? Позавидуют да побьют. Вон как Тимоха позавидовал! А я тебя научу, как тихонько молиться...

И Зоя никому не говорила про «дедушку как Ленина», но знала, что он может сделать чудо.

И во время болезни отца девочка молилась своему святому деду, и сейчас в церкви она просила о чуде. Но чуда не происходило.

– Делайте как я, – велел дядя Серёжа, вручая каждому зажжённую свечку, и дети повторяли: крестились и опускали головы, когда крестился и опускал голову дядя Серёжа.

Неожиданно присмирел Шура. Поначалу он оглядывался на гроб, но из-за роста не видел утонувшего в нём отца. Сладкий запах и звук от качающейся площадки в руках священника заворожили мальчика, и теперь он не сводил глаз со старика, врождённым чутьём угадывая правильность происходящего. А Зоя не отводила взгляда от мамы. Как взрослая, десятилетняя, она понимала, что в их семье всё внезапно и бесповоротно изменилось, что придётся перестроить быт и вообще всю жизнь, что не будет больше того незамутнённого счастья, царившего в небогатой семье. Зоя пыталась поймать мамин взгляд, чтобы молча сказать, что всё будет хорошо, что дети повзрослели и теперь от них будет куда больше помощи, но мама в чёрном платке всё смотрела куда-то вперёд, сквозь открытые золочёные воротца на то место, где, по рассказам бабушки, живёт Бог. Зоя пригляделась, но не увидела там ничего, кроме колеблющегося света свечи.

Когда священник разрешил проститься с покойным, дядя Серёжа по очереди приподнял детей над гробом. Зоя очень близко увидела бледное лицо с белой бумажкой на лбу. Было невозможно понять, что вот этот осунувшийся человек в гробу – отец. Жизнерадостный и красивый отец. Что не помог ни дед, ни Бог и навсегда исчезли голос, и движение, и улыбка. И хотелось смотреть на него, смотреть на него, смотреть... Священник приподнял с груди покойного про-

стыню и накрыл его с головой. И внезапно что-то оборвалось, как будто лишь сейчас закончилась земная жизнь близкого человека. Пронзительно вскрикнула мама, шумно задышал дядя Серёжа, и громко, навзрыд заплакала Зоя. А восьмилетний Шура смотрел, как намертво заколачивают гроб, и откуда-то знал, что смерти нет. Он понимал, что будет трудно жить на белом свете, особенно сейчас, когда горе стоит вплотную к семье, но за колеблющимся светом свечи в алтаре он разглядел большее, чем жизнь.

Потом они снова мокли под дождём, а земля стучала о гроб, и невозможно было унять слёзы, и нельзя было никому рассказать про священника и его звенящую плошку со сладким дымом, и не осталось никакой надежды на сильное мужское плечо.

* * *

Зоя шла на поправку медленно, и профессор Маргулис посоветовал Любви Тимофеевне хлопотать о путёвке в санаторий.

– Пусть побудет там хоть месяц, окрепнет, наберётся витаминов. – Профессор пригладил щёткой пышные седые волосы. – Ведь, знаете, иммунитет у неё плоховат. Да, плоховат. Отсюда и менингит, а потом и хуже может быть. Пока что вам повезло. Попала бы к другому врачу... – Он с сомнением покачал головой, но тут же поправился: – Я вас не пугаю, не пугаю. А вообще, хорошая у вас Зоя, отдали бы её мне в дочки!

Любовь Тимофеевна машинально кивнула, затем подняла глаза и увидела улыбку профессора.

– Я постараюсь, – ответила она про путёвку, проигнорировав шутку.

Путёвку достали через школу. Нервно-психиатрический санаторий-лечебница находился в Сокольниках, и, выписавшись в понедельник из Боткинской, в пятницу 24 января в сопровождении Саши Зоя отправилась за город – сначала трамваем, потом долго шли пешком.

– Какое всё белое! – смеялась она. – И воздух какой, Шурка!

Саша нёс чемоданчик сестры и делился познаниями:

– А ты знаешь? В этой роще во время Отечественной войны жители Москвы прятались от Наполеона. А как французов погнали, то люди стали восстанавливать сожжённые дома, и опять роща пригодилась – на брёвна пошла.

– Сама пошла? Пешком? – дурачилась Зоя.

– Нет, разумеется. Вырубил.

– Шурка, ну какой ты скучный! Вырубили! – передразнила она брата. – Нет, это деревья встали, обнялись на прощание, как верные братья, и зашагали в город. На подмогу обездоленным. Не щадя себя. Ради жизни на земле!

Зоя произнесла это так пафосно и серьёзно, что первая же и захохотала, и затормошила брата за плечи.

– Но как же хорошо! Как же здесь невероятно хорошо! А улица нам нужна Большая Оленья. Представляешь, если там ходят олени? Я с ума сойду от радости.

– Лыжники там ходят, а с ума я с тобой сойду: то деревья у тебя ходят, то олени...

Саша донёс чемоданчик до нужного крыльца и остался ждать на улице. Он ворчал не по злобе, а для порядка, слишком страшно ему было готовиться к смерти сестры, и нынешнее осознание того, что она совсем, полностью здорова, не умещалось ни в его голове, ни в его широкой груди.

А в Сокольниках, действительно, было хорошо: вязы и дубы утопали в залежалом снегу, в котором запутались и застыли цепочки беличьих и заячьих следов. Издалека доносились чьи-то голоса, дворник шаркал метлой, и скакали по веткам две синицы. Солнце выглядывало сквозь рваные тучи. И всё пережитое за эту страшную зиму исчезало, растворялось в окружающей красоте.

Зоя выскочила из дверей и бросилась к брату:

– Шурка, ты знаешь, кто здесь отдыхает?

Саша покачал головой.

– Ну, подумай! Мы любим его книги!

Глаза Зои сияли от восторга.

Саша подумал и ответил:

– Неужто Маркс?

Зоя быстро огляделась, а потом сказала сердито:

– Глупая и неуместная шутка!

Она подняла чемодан и собиралась уйти.

– Ладно, не обижайся. – Саша вырвал чемодан из рук сестры. – Пойдём, помогу донести.

Зоя молчала и всем видом давала брату понять, что она сердита.

Саша заговорил, когда они поднимались по лестнице на второй этаж, где находились палаты отдыхающих.

– Ну и что же за писатель тут отдыхает? Мэа Шолохов? Аэн Толстой? Ну чего ты пыхтишь, как дедушкин самовар?

Зоя заговорила только войдя в комнату и закрыв за собой дверь. На второй тумбочке лежа-

ли чьи-то вещи, но соседка, вероятно, ещё не вернулась с завтрака.

– Знаешь, Александр, – Зоя прокашлялась, как перед докладом, – это ведь не просто дурацкая шутка, невинная шутка. Это пренебрежение теми людьми, которые ведут нашу страну по пути марксизма-ленинизма. Как будто не понимаешь, сколько врагов вокруг нас и среди нас и как они пытаются нас растлить, подорвать авторитеты. Ты взрослый человек, Александр, ты комсомолец! А комсомольцы отвечают уже не только за себя, но и за страну. А наша страна, между прочим, стоит на пороге войны! Как же ты смеешь так шутить? Зачем ты даёшь врагам повод втянуть тебя в нехорошую историю?

Зоя говорила горячо и убедительно. Саша покраснел. Он не любил проработок и терпеть не мог, когда сестра называла его Александром. Но, привыкнув с детства подчиняться ей, огромный парень не находил слов в своё оправдание и лишь жалобно спросил:

– Зой, ну какие враги? Кто?

Зоя тяжело вздохнула и покачала головой:

– Да никто. Подрастёшь – узнаешь!

Саша поморгал, тяжело вздохнул, потом спросил:

– Ну... я пойду?

Зоя кивнула и пожала ему на прощание руку. Несколько дней спустя она гуляла по лесу и вышла к большой поляне.

На поляне стоял гарнизон снежной крепости. Это только невнимательный и нечуткий человек принял бы их за снеговиков, а Зоя сразу поняла, что снежные войска вооружены и опасны. Два снеговика держали ружья «на плечо», два – «на караул», два стояли навытяжку – «руки по швам», без оружия. А самая маленькая, седьмая баба сидела в просторной, слепленной из снега палатке за прилавком и торговала всякой мелочью: сосновыми шишками и вороньими перьями.

Большой человек в шинели и кубанке занимался ремонтом: он приглаживал снег на палатке, выравнивал оружие, прилеплял снеговикам отбитые руки. Отходил, чтобы полюбоваться, а потом снова брался за дело. Светило солнце. Неслышно падали хлопья снега с деревьев. Человек был похож на свои фотоснимки, и Зоя заулыбалась от восторга.

Гайдар обернулся:

– Вы ко мне?

– Нет, – сказала Зоя. – Я не к вам, я сама по себе.

– Так не бывает, – ответил Гайдар. – Это только старый кот ходил сам по себе в джунглях, и ничего из этого хорошего не вышло. Хотите мороженого?

Зоя окинула взглядом пустой парк и недоверчиво спросила:

– Откуда у вас мороженое?

– Мы вчера заняли эту белую крепость, – серьёзно ответил Гайдар. – Пушки и ружья больше не стреляют. Старая маркитантка по-прежнему торгует своими запасами. Мы не обижаем мирных жителей.

Он снял рукавицу, залез рукой в снежную палатку и, пошарив там немного, вытащил из потайного уголка два фунтика мороженого эскимо.

– Вам сливочного или шоколадного? – спросил Гайдар.

Девушка удивилась:

– Это что, эс-ки-мо?

– Вы никогда не ели эскимо?

– Конечно нет. Мы с братом только мороженое в вафлях покупали трижды. Шуре один раз попалась вафля с его именем, а мне ни разу! Мне всё Тани попадались. А про эскимо я в «Пионерке» читала. Писали, что скоро начнётся массовое производство и тогда по всему Союзу будут распространять эскимо.

Гайдар смотрел в сияющее Зоино лицо и всё больше хмурился.

– Стыдно признаваться, но я вас обманул. Виноват. Сильно вы рассердитесь, если я скажу, что никакое это не эскимо, а просто снег на веточке в весёлом фантике?

Зоя отвела взгляд, но потом взглянула на Гайдара с прежней улыбкой.

– Я вас знаю, – сказала она. – Вы писатель Аркадий Гайдар. Я знаю все ваши книги.

– Я тоже вас знаю, – сказал Гайдар. – Вы учитесь в девятом, нет, в десятом классе. И я тоже знаю все ваши книги: алгебру Киселёва, физику Соколова и тригонометрию Рыбкина. Вы мечтаете о подвиге. Гром далёких сражений не даёт вам спать по ночам, и это понятно, потому что сражения эти не далёкие, а совсем близкие. Слышите? – Он поднял руку и замер, к чему-то прислушиваясь.

– Слышу. Колокол к обеду звонит. Надо идти.

Гайдар рассмеялся, подтолкнул Зою, и они пошли к корпусу.

– А зовут вас, наверное, Марусей? Или Наткой?

– Зовут меня Зоей, я учусь в девятом классе, а в санатории отдыхаю после болезни. И может быть, мне даже нельзя мороженого, – с облегчением вспомнила Зоя.

Гайдар удивился:

– Что же это за несправедливая болезнь, после которой человеку нельзя мороженого?

– Менингит. Я пролежала несколько месяцев в Боткинской. В этой больнице умер отец, и мама боялась, что я тоже умру. А я выжила. Мне почти всё уже разрешили: и спортом заниматься, и учиться. Только про мороженое я не знаю.

Гайдар кивнул:

– Разберёмся. А, вот опять! Ну, теперь-то вам ясно, что это пушки?

Снова забил колокол, звук его раздавался ближе, Зоя и Гайдар подходили к корпусу.

– Это пулемёты работают далеко-далеко, в Греции. А это, кажется, бьют марш-поход наши барабаны: каждому отряду своя дорога, свой позор и своя слава.

– Это вы очень хорошо написали, – кивнула Зоя.

– Правильно, дорогой товарищ, – ответил Гайдар. – Это я очень хорошо написал. А вы, абсолютно точно, сочиняете стихи. Наверное, подруги хвалят?

Зоя вздрогнула и с испугом посмотрела на Гайдара.

– Ну-у? – воскликнул он. – Признавайтесь!

И улыбнулся так по-детски, что Зоя не выдержала и засмеялась.

– Я их никому не показываю.

– И даже маме?

– И даже маме.

– И даже брату?

– И даже брату.

Гайдар задумался.

– Плохо дело. Вы совершенно лишены честолюбия.

Он скатал снежок, швырнул его в дерево, но промахнулся.

– Почему плохо? – удивилась Зоя. – Честолюбие – это изъян сильного характера. Зачем комсомольцу быть честолюбивым?

– А вы вслушайтесь в слово. Често-любие! Это не только любовь к почестям, но ещё и любовь к собственной чести. Желание добиться большего.

2016 год. Славянск. Первый день

– Большого для себя, – возразила Зоя.

– Но ведь жизнь настоящего патриота неотделима от жизни его страны.

– А если я ненастоящий?

Гайдар взглянул на девушку с изумлением:

– А вы ненастоящий?!

Зоя смутилась:

– Нет, я не то сказала. Но ведь должно оставаться здоровое сомнение в своих силах?

– А представьте: война! И надо защищать родину. Неужели вы будете сидеть и сомневаться в своих силах? Сложите ручки и подождёте, пока кто-то другой вас защитит?

– Да ведь стихи не война!

– Ещё какая война! Каждое стихотворение, каждый рассказ – это бой местного значения. И если не включиться в борьбу, не встать в полный рост под шквальным огнём, не забросать врага гранатами, не заставить его отступить... – Гайдар говорил медленно, обдумывая слова, как новый рассказ. – Тогда отступить придётся нам. А нам отступить никак нельзя.

И он снова швырнул снежок в дерево. Послышался шлепок, берёза дрогнула веткой. На землю посыпалась снежная пыль, и взлетела, крича от удивления, серая дура-ворона.

Гайдар отряхнул руки и хвастливо сообщил:

– Вот так!

Зоя улыбнулась. Они молча подходили к саторному корпусу. Сбоку от входа висело объявление: «Прокат коньков и лыж».

– А на коньках вы катаетесь? – спросил Гайдар.

– Катаюсь. У нас рядом с домом пруд, он зимой замерзает, и мы с братом расчищаем каток.

– А на лыжах?

– На лыжах умею, но своих нет, – вздохнула Зоя.

– Решено! Завтра после обеда идём на лыжах за белые поля, за синие леса. В дальние страны. Приглашаю!

Зоя онемела от восторга.

– Ну, согласны? – Гайдар снял перчатку и протянул девушке руку.

Она тоже сняла варежку, пожала большую тёплую руку и робко спросила:

– Правда?

Гайдар засмеялся:

– Идёмте. На обед опоздаем.

Тем временем сетевая ситуация накалялась. Бесноватые стали искать сторонников непосредственно в Славянске. Бездействие СБУ и Сонины наглость в прохождении таможни заставляли диванных вояк клацать зубами и давать путешественнице самые обидные характеристики. Правда, находились и те, кто понимал, и что никакого закона Соня не нарушала, и даже пытались донести это до воюющей толпы линчевателей, но в итоге сами получали по зубам.

Эпитеты не радовали разнообразием: «тварь», «мразь», «падаль», «быдло-баба». Последнему комментатору горячо возражал автор поста:

«Это не просто баба.

Это крытая жабой гадюка. Ты блог ее почитай.

Если я вздумаю поехать в Россию, например, меня самое дальнее в Белгороде закрутят. А тут всем чихать.

То есть они с нами воюют, хотя у них войны с нами нет. А мы с ними не воюем, хотя война у нас с ними есть.

Ты просто осознай!»

Соня честно пыталась осознать, как эти люди с ней не воюют, но удавалось плохо. Ссылки на «миролюбивые» посты она исправно публиковала в своём блоге, получая такую же тонну недоумения и негодования от читателей.

Утром она приехала на адрес вписки, познакомилась с проукраинской хозяйкой Машей и её соседями-сепаратистами, подивилась их гармоничным отношениям.

– Так а шо ссориться, это вон политики могут ссориться, а нам ещё под одной крышей жить. А у Марьи эта дурь рано или поздно пройдёт, – пояснили соседи. – Ну, как там в Донецке?

– Стреляют, – развела руками Соня.

Школьная учительница Маша, больше похожая на старшеклассницу в очках, тоже неплохо относилась к соседям.

– Та всё же хорошо! – сообщила она. – Они только притворяются сепарами, а на самом-то деле тоже за Украину.

Соня морщила лоб и кивала, как будто это было очевидно.

Ближе к вечеру они с Машей отправились в «Теплицу» – заведение для молодёжи, напомним бесплатное антикафе.

– Я плохо в политике разбираюсь, а там придёт парень, он у нас рулит среди молодёжи. Попросим его тебе всё показать, ну, типа, экскурсию сделать.

Они ехали петляющей маршруткой из Машиного микрорайона в центр, потом шли дворами, пока наконец не добрались до пункта назначения.

Соня моментально оценила расположение помещения, хороший ремонт, перспективную площадку, на которой мог бы разместиться симпатичный ресторан.

– Нам американцы помогают, поэтому здесь всё круто. Играем в настольные игры, концерты даём...

– В помощь фронту?

– Нет, для себя.

– А если посещение бесплатное, то кто выделяет деньги на чай и кофе?

Маша задумалась, а потом пожала плечами:

– Администрация города вроде помогает.

Обещанный молодой человек действительно оказался знатоком политической ситуации. Поправляя очки, он долго втолковывал Соне, почему россиянам должно быть стыдно.

– Сейчас линия АТО отодвинулась от нас, но пока тут были российские войска, нам, мужчинам, приходилось прятаться, чтобы не забрали. Говорят, милиционеров, которые не перешли на сторону Стрелкова, постреляли.

– Кто пострелял? – уточнила Соня.

Вторые бессонные сутки давали себя знать, и девушке было безразлично, что ей говорят и куда ведут, лишь бы скорее закончилась эта мучительная экскурсия с привкусом покаяния.

– Россия, кто же ещё! – Он выплюнул ненавистное слово изо рта и с пристрастием посмотрел на Соню. – А нам приходилось прятаться! Кто, по-вашему, виноват?

Соня огляделась и вдруг поняла, что чужой, неуютный город покрылся темнотой. Жёлтым маслом растекался свет от фонарей. Глаза резало, как от песка.

– Путин виноват. Пойдёмте, я покажу это отделение, которое Стрелков штурмовал.

– Может, не надо? – взмолилась девушка.

– Тут недалеко!

И парень решительно направился к другому концу площади. Соня поплелась за ним. На площади кто-то играл на баяне.

– Всегда тут играет, круглый год, – сообщил парень. – А вот там Ленин стоял, теперь только постамент остался.

Соня разглядела в темноте нечто кубообразное, непонятно зачем оставленное без хозяина. Они прошли мимо пиццерии «Челентано», и Соня удивилась: точно в такой же она обедала в Донецке.

– Это сеть, они по обе стороны АТО работают.

– Врагов кормят?

Парень промолчал.

«Война войной, а обед по расписанию!» – подумала Соня.

– Вон то окно! Броник подогнали, решётку сдёрнули – вот и весь штурм. А вон там детская библиотека, если будет время, сходи. Американцы помогали восстанавливать, там сейчас очень круто.

– Так же круто, как в «Теплице»? – уточнила Соня.

Парень посмотрел на неё прокурорским взором.

– Там американцы помогали, тут американцы помогали... – осторожно пояснила Соня.

– Вам Маша так сказала?

Тон его не предвещал ничего хорошего.

– А что, это не так?

– В «Теплице» они помогали инициативно, чтобы молодёжь города объединилась в реальную силу, а не отсиживалась по домам. А в библиотеке помогали делать ремонт. Понятно?

Соня уже не могла выносить агрессию. Её переизбыток давил грудь, и тяжело было дышать.

– Понятно.

Когда они вернулись, в «Теплице» вовсю шла какая-то непонятная игра. Парни и девушки сидели кружком и разговаривали, периодически выкрикивая: «Ола!» Соня забилась в уголок и старалась слиться со стеной.

Её проводник подошёл к Маше и увёл в сторону.

«Наверное, втык даёт...» – печально подумала Соня.

Ей до дрожи и тошноты хотелось спать, ещё хотелось помыться и сбежать с этой территории ненависти. В интернете продолжали бесноваться диванные вояки. Они успели дозвониться до СБУ и теперь негодовали по поводу того, что официальные органы «не знают, что им делать с этой информацией». И от сознания собственного бесилия перед миром Соня тихонько плакала.

Подошла Маша.

– Ты чего-о-о? – умилилась она и обняла Сонину голову. – Не переживай! Сейчас поедим: выпьем, расслабимся. Нас в гости позвали.

Двадцать шестое января 1942 года

Ещё осенью редакции столичных газет были вывезены на восток, горстки оставшихся сотрудников перешли на казарменное положение, проще говоря, дневали и ночевали в здании «Правды» на Бутырском Валу. Найти корреспондента, сдёрнуть его, спящего, с дивана или стола и отправить с заданием в пекло – это было запросто.

Литсекретарь с женой – сотрудницей «Известий» – соорудили из опустевшего кабинета на третьем редакционном этаже жилую комнату. На натянутой поперёк кабинета верёвке сушилось бельё, принесённая из дома печка-буржуйка протыкала трубой забитое фанерой окно. Не только в середине рабочего стола, но и на другой мебели не лежало толстого слоя пыли, и даже был вымыт пол. Женщина, сама работая на износ, как-то умудрялась обиходить мужа и создать уют там, где его не могло быть. Такая семейственность не поощрялась, но и запрещать её было бессмысленно: жёны остальных работников находились с детьми не ближе Казани. Правда, пытался один женатый товарищ свить себе гнездо с незамужней наборщицей из типографии, даже комнату начали обживать, но хватило одного разговора с главным редактором, для того чтобы прекратить безобразие. Девуцу, конечно, пришлось отправить в эвакуацию, распределив её нагрузку между оставшимися наборщиками мужского пола, но это редактор обещал припомнить парочке после войны. Остальные сотрудники редакций были обречены на походный холостяцкий быт, на пустые холодные помещения. Потому в «семейном» кабинете отбоя не было от гостей: у любого военнослужащего находился важный предлог, чтобы хоть на часок прикоснуться к миру, где чисто и тепло, где прекращается война, потому что женщина варит кашу из мужниного пайка и пришивает подворотничок к его гимнастёрке.

Сергей Струнников не успел остепениться до войны, от холостяцкого быта не страдал и в семейном кабинете не появлялся. Чаще его можно было встретить в фотолаборатории, а иногда, пользуясь попустительством главного редактора и корреспондентским пропуском на комендантский час, он и вовсе уходил ночевать домой – в дом напротив телеграфа.

Главный редактор Поспелов знал, как важно сохранять газетчикам способность чувствовать

и передавать эти чувства другим, как важно не ошибиться в слове и снимке, а потому позволял подчинённым многое, за что самому ему грозили неприятности.

Для опознания неизвестной партизанки военкору Лидову требовался фотограф, с этой просьбой он и пришёл к главному редактору.

– Найди Струнникова, пока он здесь, езжай с ним, – подумав, сказал Поспелов. – Он и труп снимет как милую кралю, глаз намётанный.

Поспелов знал, о чём говорил: отец Сергея – Николай Струнников – был знаменитым художником, учеником Серова и Репина, другом Гиляровского. Сын унаследовал художественный вкус и цепкий глаз отца, но профессией выбрал фото- и киносъёмку. В тридцатых годах окончил операторский факультет техникума кинематографии. Работал оператором на картинах режиссёра Пудовкина, и тот с восторгом отзывался о молодом работнике. После много ездил по стране. Прокладывал путь во льдах на ледоколе «Красин». С партией геологов исследовал тайгу. Снимал осаждённую немцами Москву. Ходил с партизанами в тыл неприятеля. И отовсюду привозил тонны фотоснимков для московских газет.

И сейчас, когда Лидов отчаялся установить имя героини, погибшей в Петрищеве, и цеплялся за последнюю возможность опознания девушки её друзьями – по фото, которое должно сопровождать очерк в газете, имя Струнникова первым пришло на ум главреду Поспелову.

Лидов помнил Струнникова по осени сорок первого. Вежливый красавчик не внушал ему особой симпатии, но работу свою знал и любил. Исподтишка снимал баррикады, здания, людей на улицах, после чего – при помощи бдительных граждан – в обязательном порядке посещал центральные отделения милиции. Там к нему привыкли и отпускали «диверсанта» без обязательного в таких случаях звонка в редакцию. Струнников не заставлял своих персонажей позировать или изображать эмоции, он выжидал момент и фиксировал событие только тогда, когда вся драматургия оказывалась налицо, и потому люди на его снимках были живыми. Именно в этой его способности оживлять мёртвых и нуждался Лидов.

– Посмотри в лаборатории, у фотографов, – посоветовал Поспелов. – Скажешь, я распорядился.

– Как его – Сергей Иванович?

– Николаич.

Струнников как раз закончил проявлять плёнку, кивая, выслушал задание главреда, спросил, во сколько выезд, и ответил коротко:

– Годится.

Струнников в буквальном смысле вышел из леса только через месяц после начала войны: он сопровождал партию геологов в сибирской тайге. Сорок дней искали алмазное месторождение, выкуривали мошку, отгоняли от стоянки любопытного медведя, продирались сквозь заросли, под конец экспедиции едва не утонули в трясине, но к людям вышли всё-таки ни с чем.

– Не бери в голову, Серёга, – утешали Струнникова геологи. – Случаются неудачи. Значит, не там искали. Вот подготовимся, ещё раз пойдём. Вся теория говорит, что должны здесь быть алмазы.

Струнников не расстраивался: неделю назад кончилась последняя плёнка, и в глубине души фотограф ликовал, потому что цивилизация была близко.

Ещё ночью бывалый проводник учуял запах деревенских дымов, потом вдали пропел петух, а к полудню расступились деревья, показались крыши обжитых таёжных домов. Карта утверждала, что деревня зовётся Зайки.

Председатель сельсовета в длинном бараке конторы долго и придирчиво изучал документы каждого геолога, оценивал бороды и рюкзаки, с недоверчивым прищуром осмотрел фотоаппаратуру Струнникова, возвращая документы, шумно тянул носом, отыскивая запах костра и пота, наконец, поверив, сказал:

– Сами понимаете, война.

Геологи растерянно переглянулись. Струнников почувствовал, как по шее поползли мурашки.

– Уже? – уточнил начальник партии.

– Уже, – подтвердил председатель.

Спрашивать – с кем, было излишне. Войну с Гитлером ожидали в самое ближайшее время, к ней готовились, но ни один мужчина не предполагал, что она начнётся в его отсутствие. Смешно сказать: войну проспали в лесу!

– Тут наш отряд должен стоять.

– Был отряд. Только в район все подались.

– Надо догонять. Давно подались?

– Так сразу же, в июне. – Председатель развёл руками и повторил: – Сами понимаете, война.

Теперь приближался август, и не приходилось рассчитывать на то, что изыскателей дождутся в районе.

– Догонишь их теперь, – невесело усмехнулся Струнников.

Председатель, с длинным носом и бородой, похожий на старообрядца, ещё раз взглянул на геологов и твёрдо заявил:

– Завтра будете догонять. Первым делом в баню, потом накормлю вас. Ну, а спать, уж не обессудьте, на соломе будете: с перинами в деревне небогато. Разве что баба какая приголубит. Да ведь и эти сороки с войной строги стали, ой строги!

В голосе его послышалась обида.

После сорока дней в тайге баня казалась чудом. Пока председатель растапливал печь, мужики натаскали воды от реки, наломали берёзы на веники. В тёмной низенькой парнушке гудело раскалённое, как солнце, колено трубы, пахло горячим деревом и вскипевшей по стенам смолой. Струнников не привык к банному жару и не полез на верхний полоч, а геологи блаженствовали и всё поддавали пара. Пот крупными каплями выступал на влажном лбу, груди, бёдрах, скатывался градом по телу, и казалось странным, что мокрое может стать ещё более мокрым. Перед глазами качался туман, векам было тяжело от набрякших ресниц, приходилось часто моргать, но вместе с потом тело сбрасывало грязь, и Струнников до красных полос чесал кожу, которой так захотелось наконец стать совершенно чистой!

– Жалко, мочалки нет, – посетовал он.

– Балованный ты, Серёга! Вон же у двери сено. Возьми клочок да трись.

Про сено Струнников не сообразил, хотя в лесу его учили оттирать грязь с тела пучком травы – они тогда стояли возле небольшого таёжного озера. Развели костёр у самого берега: и воду греть, и мошку отгонять. От травы мокрая кожа зеленела и пахла чем-то родным, памятным, тревожным для москвича, который не привык к лесу. И тишина в лесу была волнующей, не московской. Кругом на сотни вёрст не было ни одного человека, кроме них четверых, только сосны с лиственницами шумели над головами, изредка кричали птицы да где-то неподалёку бродил незлой медведь. Так его проводник Сашка прозвал – «незлой».

– Почему незлой? – как-то раз полюбопытствовал Струнников.

– Злой бы нас давно задрал!

Обросший за время экспедиции, мускулистый, Сашка сам походил на незлого медведя.

Геологи всё же загнали Струнникова на верхний полок и от души отхлестали веником. Потом окатили водой из деревянной бочки и выпихнули в загородку предбанника. Струнников шлёпнулся голыми ягодицами на деревянную скамейку. Колотилось сердце, от тела валил пар. Всё вокруг медленно покрывалось первозданной чистой усталостью. Молочный туман опускался на таёжный посёлок. С выпаса возвращались коровы, и, встречая их, перекликались женщины. Где-то загоготали гуси.

«С гуся-лебедя вода, а с Серёженьки вся ху-доба!» – подумал Струнников.

Эту мамину присказку он помнил с раннего детства, мама купала его перед сном в большом тазу, поливая сверху из деревянной кружки и приговаривая:

– С гуся-лебедя вода, а с Серёженьки вся ху-доба...

Потом насухо вытирала махровым полотенцем и уносила на кровать, на перину, мягче которой не вспомнить, да и немного было в жизни перин. Как и женских рук, мягких и заботливых, с тонкими длинными пальцами и красивыми глубокими лунками ногтей.

Были романы, о которых Струнников не то чтобы жалел, просто огорчался их необязательности. Любовь в его понимании была чем-то большим, чем стук каблучков и вкус помады, противиться которым он не умел, но и терпеть их дольше недели не мог – сбегал. Любовь была похожа на какую-нибудь древнегреческую статую в Пушкинском музее, застывшую в шумном движении. И любовь была той силой, благодаря которой эта статуя замерла в единый миг да так и живёт тысячелетиями.

А в Киеве росла дочка родительских друзей. Давным-давно взрослые поклялись породниться детьми, но когда у друзей родилась долгожданная девочка, Сергею было уже пятнадцать лет. Струнников-старший по вызову Наркомпро-са перебрался в Москву, следом за ним отправилась семья. Друзья писали письма и в каждом передавали привет от «невесты»: обводили маленькую ладошку, вкладывали детский рисунок, несколько раз прислали фотоснимок серьёзной девочки в косах. На обороте была надпись о том, что девочка пообещала вырасти, уехать в Москву и выйти за Серёжу замуж. Всё это было

мило, смешно и, уж конечно, не предполагало женитьбы.

Последнее письмо пришло перед самой экспедицией, мама с ехидной улыбкой вручила Сергею зазубренную картонку из фотомастерской. В глубине матовой бумаги сияла такая готовая к хохоту улыбка, что Струнников невольно заулыбался.

– Хороша выросла невеста? – спросила мама.

И Струнников покорно согласился:

– Хороша.

Карточку он взял с собой в тайгу, изредка вместе со всеми документами доставал её из кармана и любовался жизнерадостной девушкой. Всё в ней было симпатичным, но необязательным: глаза могли быть не такими круглыми, нос – не таким вздёрнутым, подбородок – помягче. И лишь невероятно искренняя улыбка спаяла эти черты в единственное в мире лицо, с которым не могла сравниться никакая статуя, потому что это лицо и в самом деле было живым. Где-то оно дышало, стонало от хохота, произносило слова. Чем чаще доставалась из кармана карточка, тем чаще приходила в голову мысль, что пора навестить город детства Киев, где живёт оригинал снимка. К концу экспедиции застарелый холостяк Струнников понял, что обречён.

Теперь, конечно, не до невест. Надо выяснить точное положение дел. Председатель говорит, чёрт знает что творится на фронте, будто немцы подбираются чуть ли не к Киеву и даже пытались бомбить Москву.

Москва... Да, надо ехать в Москву.

Скрипнула дверь, в предбанник, тяжело дыша, вывалился медведь Сашка, и остывший Струнников, уступая ему место, ринулся обратно в горячую и тёмную парную утробу.

Почти месяц группа добиралась до столицы. Только оформление пропусков заняло неделю. Пассажирские поезда ходили нечасто и двигались медленно. Уступая дорогу воинским эшелонам, они подолгу отстаивались в тупиках. Сводки ошеломляли быстрым продвижением неприятеля, и с этим ровным счётом ничего нельзя было поделать. Кончались припасы, угнетало бездействие. Но стоило ступить на любимую московскую землю, вдохнуть забытый за лето каменный воздух, как пришло спокойное осознание того, что кончилось шаткое положение, наконец-то начнётся работа и будет применение сил.

Киев дрался, а Латвия и Литва уже были заняты врагом. Почти вся Белоруссия осталась за линией фронта, и лишь Смоленск, несмотря ни на что, удерживал силы вермахта на пути к Москве. Славный, могучий Смоленск! Вероятно, именно туда брошены все силы, и, после того как он, Сергей Струнников, явится в военкомат, ему наконец доведётся побывать в этом древнем городе.

В квартире соседка подала Струнникову пухлую пачку писем: от родителей, уехавших в Челябинск, от брата, предупреждавшего о возможной эвакуации в Сибирь предприятия, на котором он трудился бухгалтером. Сергей посмотрел на штамп, письмо пришло ещё в июле. Здесь же повестка из военкомата и серый конверт со штампом: «Редакция газеты «Правда». Газета приглашала на работу. В письме сообщалось, что с военкоматом всё согласовано.

* * *

Из Москвы выехали затемно. К двадцать шестому января фронт настолько отдалился от города, что даже на выезде не было слышно канонады, а самая близкая баррикада уже была разобрана.

– Понимаешь, Серёжа... – Разумеется, Лидов запаматовал отчество Струнникова и, чтобы не мучить ни его, ни себя, перешёл на панибратское «ты». – Понимаешь, Серёжа, это не просто казнённая девушка, она символ целого поколения. Это та предвоенная молодёжь, которую сформировал комсомол, люди, которые готовились к труду на благо своей страны, но сумели защитить её ценой собственной жизни. Мы родились до революции и помним то время, мы можем сравнивать, искать хорошее и плохое. А они, двадцатилетние, родились уже при Советах, и это их единственная Родина.

– А если у неё язык вывален? – спросил Струнников. – Такое при всём желании красиво не снимешь.

Лидов осёкся.

– Не бойся, не вывален, – сухо ответил он. Помолчал и буркнул: – Я спрашивал.

Могилу раскапывали местные мужики за две пачки махорки.

– Только вы аккуратнее, – попросил Лидов, увидев в руках одного из них кайло. – Не повредите ненароком...

Сами военкоры участия во вскрытии могилы не принимали, топтались рядом. Струнников несколько раз щёлкнул копателей на свой ФЭД, к тому времени совсем рассвело. Лопаты с хрустом врезались в землю, потом застучали о что-то твёрдое.

– Показалась! – послышался хриплый голос.

Лидов почувствовал, как сильно забилося сердце. У Струнникова тоскливо заныло под лопаткой. Они подошли ближе.

Неглубокая могила была забросана не столько землёй, сколько снегом. Тело наполовину выступало из земли, и мужики, окопав его вокруг, сильно вонзили в землю лопаты и, разом навалившись с одной, а потом с другой стороны, расшатывали и выкорчевывали это мраморное тело, оттащили в сторону, на снег, плашмя обстучали лопатами, чтобы обтрусить землю, и сообщили:

– Принимай работу.

Струнников подошёл к девушке и рукавицей обтёр снег с её лица. Он зря боялся мёртвого уродства: девушка была красива и совсем не походила на труп. Короткие, слежавшиеся в снегу волосы не слушались, но он всё же попытался их расправить. Потом недовольно вздохнул, снял рукавицы и, согревая пальцами волосы, разложил тёмные пряди вокруг головы.

Лидов недоуменно глядел на него. Местные мужики невдалеке дымили махоркой и негромко переговаривались.

Струнников поднялся с корточек и придиричливо осмотрел тело: сползший чулок, голые ноги, рваная рубашка. Оторопело взглянул на Лидова.

Тот помотал головой:

– Немцы перепили под Новый год и давай развлекаться. Хоровод вокруг водили, ножи в неё, как в мишень, бросали, брюки стащили... Грудь вот... А когда поняли, что драпать пора, верёвку перерезали, сюда отволокли и закопали. Виселицу спилили.

Струнников лишних вопросов задавать не стал. Чтобы прикрыть другую, целую грудь, попытался расправить рубашку, но та намертво прилипла к телу, и Струнников не решился потревожить его лишний раз. Наконец он достал ФЭД и начал снимать.

Девушка спокойно лежала на снегу.

«Так безмятежно спали богини на полотнах старых мастеров», – думал Струнников, вглядываясь в видеоискатель.

Это было невероятное зрелище. Нежное лицо, тонкая шея, беззащитные плечи – и тут же верёвка, лохмотья одежды. Девичья налитая

грудь – и рядом задубелые лоскуты кожи. Как в произведении искусства, в этом теле сплелись воедино великолепие юности и чужая звериная жестокость. Но сквозь неизбежное безобразие смерти проступила жизнь, и тогда тело перестало быть плотью и превратилось в мрамор. И такими знакомыми казались её черты, будто тысячу раз он разглядывал их в музее. Чем внимательнее он смотрел в её лицо, тем более понимал, что необходимо что-то вспомнить, что-то очень важное, ускользающее от сознания, но вспомнить не мог.

– Эй, газета! Долго ещё?

Мужикам не терпелось закопать девушку обратно и разойтись по домам.

Струнников в последний раз щёлкнул затвором.

– Всё, – сообщил он Лидову.

Лидов махнул мужикам:

– Закапывайте!

Из-за того что возвращались днём, обратный путь показался не таким долгим. Струнников закрывал глаза и пытался поймать мелькнувшее ощущение чего-то забытого и важного. Он снова видел девичье тело на снегу, тёмные волосы, длинные пушистые ресницы и маленький упрямый рот. Вздёрнутый нос и твёрдый подбородок.

По загравку пробежал холодок.

«Нет, – подумал он, – быть не может».

Он вызывал в памяти оба лица и сравнивал одно с другим. Несомненно, сходство было, но достоверно знать это мог бы только человек, видевший живьём хотя бы одну из девушек.

Лидов сказал, будто ни к кому не обращаясь:

– А ведь она немногим старше моих дочек.

Где-то мать ждёт, отец. А мы даже имени её не знаем.

И тогда Струнников решил:

– Знаете, Пётр Александрович, она очень, просто необычайно похожа на мою киевскую знакомую. Взгляните.

Лидов долго смотрел на снимок, но сходства с казнённой девушкой не увидел.

– Думаешь, похожа?

Струнников кивнул:

– Думаю, да.

– С родными есть связь?

– Откуда? Киев полгода под немцем, может, они и уйти не успели.

Лидов поцокал языком:

– А ведь хозяйке она сказала, что москвичка...

Струнников пожал плечами.

Лидов ещё немного подумал и решился:

– Согласен. Надо Любимову сказать. Как, говоришь, зовут?

– Соней.

Любимов идеи не поддержал.

– Соня из Киева – это, конечно, не то что Соня из Минска... Но всё равно нехорошо... Подмосковье всё-таки. Нет-нет, я ничего против не имею, но ведь главные не пропустят. Что ты, что я – оба пишем про освобождение русских земель. Зачем нам лишние споры о национальностях?

– Н-да. – Лидов задумался. – Что, Нюрой её назвать?

Любимов кивнул:

– Можно. Или Марусей. А ещё помнишь, мы когда в Верее были, тамошний партизан говорил, что ночевал с отрядом москвичей в землянке возле какой-то деревни и девушка среди них была... То ли Аня, то ли Таня.

– Так он же про другое направление говорил. От той деревни до Петрищева ого сколько топать!

– Но имя-то красивое.

– Анна?

– Татьяна!

– Анна всё-таки как-то... более русское...

– Зато Татьяна – это Пушкин, это поэзия, а кто может быть ближе нашим читателям? Помнишь, в Пушкино ездили?

Лидов достал из кармана коробок спичек:

– Вытащишь длинную – назовём Татьяной.

На следующий день вся страна узнала о подвиге московской девушки Тани.

2016 год. Окраина Славянска.

В гостях

Соня закрывает глаза, потом открывает, старается сесть ровно и вдруг осознаёт, что сидит так уже целую вечность и рискует уснуть, а если она уснёт, то её не разбудит даже ядерная бомбардировка. В чужом доме, в чужой стране и как будто в чужом теле. Из рук в шею, а потом вниз по спине течёт что-то горячее и колючее, из-за чего она раздувается, как воздушный шарик. Ощущение пропадает, стоит пошевелиться. Голову ведёт, и если бы движение это происходило

быстрее, Соню, наверное, затошнило бы. Она резко встаёт, проверяя мир на прочность, и тот слегка качается, уравнивая правую и левую стороны комнаты. Страшно моргать, потому что веки падают вниз тяжёлыми светонепроницаемыми шторами и внутри головы становится темно, как в запечатанной консервной банке.

Соня выходит в небольшой коридорчик, где под музыку прыгают, выгибаются и несвязно что-то орут три тела. Она старается не вдыхать острый знакомый дым, висящий в воздухе, но это практически невозможно.

– Маша, вызывай такси, – из последних сил просит Соня. – Если я сейчас упаду, вы меня больше не поднимете.

Скачущая Маша замирает, оценивает Сонино состояние и с сожалением тянется за телефоном.

Пошатываясь, Соня выходит на крыльцо. Она дышит ровно и глубоко, стараясь как можно быстрее прочистить лёгкие, а значит, и голову. Ещё она хватается за перила, силясь не упасть, хотя стоит ровно. Над садом висят звёзды, ночь прохладная. Необходимо дождаться такси, нельзя рухнуть прямо здесь.

Из дома доносится музыка, заходить внутрь Соня не рискует, чтобы снова не надышаться дыма.

– Машина пришла, – звучит голос.

Соня не заметила, как Маша оказалась рядом.

– А-а, – отвечает она.

Они извиняются перед хозяйками, плюхаются в машину и засыпают, едва назвав домашний адрес.

Соня терпеть не могла, когда лезли в её личную жизнь, и по возможности не заглядывала в чужую. Она недоумевала, почему же не закончилась свобода других людей там, где началась её, Сонина, свобода? Почему требуют от неё терпимости, которую она не желает испытывать? Не желает, и всё! Это её право, и отстаньте со своей толерантностью!

Машины подруги походили на карикатуру по госзаказу. Если бы надо было продемонстрировать обречённость подобного образа жизни, на пьедестал почёта возвели бы именно эту пару. Женя была длинной, нескладной и мосластой, коротко стриженной шатенкой, которая не то чтобы косила под парня, а, скорее, просто не пыталась ни разу примерить на себя роль девушки. Всё её тело двигалось как будто на шарнирах, и при

ходьбе она шаркала. Невысокая Вика изображала клубничную конфету в изгнании, а ещё порочно кривила рот. Их возраст определению не поддавался. У Сони они вызывали жалость.

Но у этих счастливых обладательниц частного дома на окраине прифронтового Славянска было главное: в их санузле текла горячая вода.

– Девочки... (Было невыносимо стыдно врываться в чужую ванную, но жажда чистоты была сильнее.) Девочки, мне очень неловко, но у Маши вообще всю воду отключили, а я сутки в дороге. Пустите помыться?

Вода из крана бежала тонкой струйкой, но это была тёплая вода. Распылителя не было, пришлось набирать воду в ковшик и поливать себя сверху.

«С гуся-лебедя вода, с рабы Божьей Сонюшки вся худоба!» – так говорила мама, когда мыла дочку в большом пластиковом корыте. Вместе с водой на лицо падали мокрые пряди волос, от мыла щипало глаза... Потом мама заворачивала Соню в жёлтую махровую простыню и несла в кровать.

Жалко, нельзя сейчас помыть голову, неизвестно, что будет завтра. И жалко, что чистая одежда осталась у Маши дома, с каким удовольствием она бы сейчас надела свежую майку!

Когда Соня вышла из ванной, девицы допили виски. Она уселась на прежнее своё место и с благодарной нежностью улыбнулась хозяйкам.

– Ну что, может... – Женя подмигнула Маше.

– Давайте! – обрадовалась Маша.

Соня не поняла, что предлагала Женя, но на всякий случай вышла в прихожую вместе со всеми.

– Двери закрывайте плотнее, а то мама учует – будет скандал.

Соня подпрыгивает на сиденье и открывает глаза.

Автомобильные фары выхватывают из тьмы асфальтированную дорогу, над которой куполом смыкаются ветви деревьев. Городом вокруг и не пахнет. Машина везёт девушек в лес.

Соню охватывает паника. Она не знает, что предпринять: бить шофёра по голове, попытаться выпрыгнуть на ходу, разбить стекло и привлечь внимание?

«Чьё внимание, идиотка? – вопит внутренний голос. – Тебя в лес везут, всё, закончились похождения!»

Перед глазами скачут портреты таких же незадачливых девиц, найденных позже по частям,

вспоминаются рассказы о насильниках и маньяках.

Соня чувствует тяжесть на левом плече. Маша сладко сопит во сне. Соня незаметно, но энергично встряхивает рукой и шепчет:

– Маша! Маша!

Та тяжело вздыхает и открывает глаза:

– Приехали?

Соня мотает головой и спрашивает тоскливым плачущим голосом:

– Маша, куда мы едем?!

Местная жительница поднимает голову, секунду смотрит на дорогу и беззаботно отвечает:

– А! Дорогу срезаем. Так короче.

И снова засыпает на Сонином плече.

2016 год. Славянск. Школа

Утром девушки встали и побежали в центральную кафешку – пить кофе и свершать утренний туалет. Кафешка располагалась неподалёку от здания городской милиции, которое в своё время штурмовал Стрелков, а теперь там расположен отдел СБУ и оттуда в окрестные питейные заведения приходят группами вооружённые автоматами люди в форме.

В уютном кафе продавались рукодельные подарки, игрушки и открытки. Но Соню интересовал только водопровод. Пока варился кофе, она как можно более незаметно чистила зубы в открытой рукомойной зоне.

Когда девушка вернулась, бариста смотрел с упреком, а Маша смеялась.

– Ты всех посетителей распугала своим горловым пением!

По предложению Маши – учителя русского языка в одной из школ Славянска – Соня собиралась на субботнем утреннем факультативе рассказывать шестиклассникам о профессии блогера. Ещё в Москве обдумывала подход, выбирала факты, готовилась отвечать на вопросы.

Маша сбегала предупредить директора, и девушки без всяких пропусков и рамок прошли в школьный актовый зал. Дети свалили одежду на зрительских рядах, а на сцене составили стулья в кружок – десять или одиннадцать. Девочки смотрели с хитрецей, мальчишки не переставали болтать. Один не захотел тесниться в круг и сел на рядах.

– Здравствуй, – сказала Соня. – Я блогер.

– Ого! – послушно восхитились девочки.

В этот момент мальчишки затеяли потасовку, и стало ясно, что разговора не выйдет.

– А ещё у меня есть знакомые поэты, – вдруг вспомнила Соня про Марину. – Я могу почитать их стихи.

Девочка с косами в пол взглянула с интересом.

– Прочитайте про любовь! – смело попросила девочка, похожая на иностранную куклу в белокурых локонах, и победоносно посмотрела на мальчишек.

Те затихли, а после загомонили в её сторону:

– Про любовь! Тю-ю!

– Она у нас сама стихи пишет!

– Про любовь! Ха-ха!

Соня прокашлялась.

– Ну, про любовь так про любовь.

Стихотворение было страстное и живое, слова струились, как вода в роднике, но слово «любовь» не произносилось и с «кровью» не рифмовалось. В этом-то и был прокол.

После душевного Сониного чтения повисла неловкая пауза.

Дети смотрели с сомнением. Московская гостья здорово их разочаровала.

– Это же не про то...

– А как, по-твоему, должно быть сказано про любовь? – оставалась последняя надежда на дискуссию.

– А давайте играть в горячий стул? – донеслось с рядов, и мальчишки выпрыгнули из круга и понеслись на голос.

Возле рядов началась чехарда. Белокурая кукла изящным движением достала гаджет и уставилась в него. Девочка с косами привстала и тяжёлой тетрадью шлёпнула по голове пробежавшего мимо круга пацана.

Маша махнула рукой, мол, не обращай внимания.

Самая маленькая девочка в пышном белом свитере, сидевшая как мышка, наклонилась к Соне через круг и тихо спросила:

– А как там, в России? Мы туда переезжаем.

– Нормально, – ответила Соня. – Живём...

– Горячий стул! Горячий стул! – неслось со стороны.

– А скоро переезжаете?

Девочка пожалала плечами:

– Не знаю. Родители говорили, что хотят.

Умудрённая опытом Соня знала, что это «хотят» означает «никогда», но расстраивать девочку не стала:

– Значит, скоро!
От занятия оставалось полтора часа.
Дети и взрослые стали играть в горячий стул.

К вечеру на сайте «Миротворец», собравшем под одним доменом информацию на врагов Украины, появилась Сониная персональная страница. Бесноватые продолжали борьбу за чистоту рядов. С этой целью они выложили все засвеченные в интернете данные Сони, её фотографии и скрины «антиукраинских» публикаций.

Соня не знала, плакать ей, смеяться или молиться. Она находилась в том угнетённом состоянии, когда всё валится из рук, когда надо зарыться в одеяло и больше не высовывать нос наружу. Если враги хотели лишить её работоспособности, то своего они добились. Соня не могла ничего написать, опасаясь того, что вскрыется место её нахождения и она перестанет быть в той относительной безопасности, благодаря которой всё ещё удаётся сохранять спокойствие.

2013–2014 годы. Киев

Один вопрос мучил девушку. Что за человек устроил травлю в Сети и откуда вообще ему известна она, Софья Воскресенская, тридцати лет от роду, москвичка не по паспорту, а по призванию? Лично ей владелица фашистского профиля в «Живом журнале» был абсолютно незнаком.

Она ещё раз внимательно изучила пост и наткнулась на фразу: «...мы с Сачком...» Значит, Сачок...

С Олей Сачковой они познакомились на концерте той самой музыкальной группы, с которой Соня, повинуясь внезапному порыву, приехала в Киев. Точнее, после концерта, когда музыканты и сопровождающие толпой поехали ночевать к Олиному другу. Да, та самая Оля со смешным и глупым плакатом, требующая кружевное бельё.

Календарь показывал 4 декабря 2013 года, разгар Майдана и зимы. На улице в лёгком пальтишке Соню трясло, но было весело и домой не хотелось. Люди боролись за свободу. И украинка Оля Сачкова тоже боролась: ночевала на Майдане, разносила бутерброды, для фотоотчётов вздымала над головой самодельные плакаты с плохо зарифмованными, неумными, но популярными надписями. Обаяние революции охватило тогда и Соню – как знать, если бы не Сергей, удалось бы увезти её с Крещатика, заполненного палатками, полиэтиленовыми заборами, странными конструкциями, внутри которых гре-

лись люди? Всюду горели костры, пальто провоняло дымом, но как Соне нравились эти люди, ринувшиеся защищать свою страну от правительства! Как ей хотелось, чтобы Россия так же встала с колен и сбросила путы!

В Москву она вернулась воодушевлённой и никак не желала мириться с тем, что дома Майдан считается чужой политической игрой.

Зимой 2014-го, незадолго до так называемой «Небесной сотни», Соня снова рванула в Киев. Себя показать, на Майдан посмотреть, ибо в первый приезд толком ничего не разглядела, зато промёрзла и пропахла дымом, как бомжик. Но, как уже было сказано, грела причастность к историческому событию, постоянная беготня и алкоголь.

Наученная опытом, в феврале она утеплена как следует. Купила пуховик цвета снега, шапка-ушанка материализовалась из воздуха, валенки на шерстяной носок гарантировали, что ночевать при случае Соня сможет и на улице. Алкоголь опять же никто не исключал, хотя сухой закон и был заявлен на майданной территории, а на каждом углу висели листовки, советующие, как не замёрзнуть, и они-то отвергали спиртосодержащие напитки на корню. Но кто в ту пору слушался законов и читал листовки?

Вот так – вся в белом, как Пьер Безухов, и со взором горящим – Соня оказалась в заснеженном Киеве. Маскировка соответствовала погоде, но не революции с её чадом и гарью, и час, проведённый на Грушевского, окрасил пуховик в пепельный цвет. Будь девушка угловатей, она сошла бы за фрагмент второй ледяной баррикады, на который залезла, чтобы разглядеть цепь «Беркута» вдали.

Толпа внизу зашумела. Люди что-то выкрикивали и тыкали пальцами в здание напротив стадиона. Соня вскинула голову и увидела на крыше последние движения исчезающей фигуры с чем-то длинным в руках. Смеркалось. Все люди вокруг Сони были в тёмной одежде. Соня представила, как красиво будет смотреться красное на пепельном, представила, как безвольным телом заскользит вниз по баррикаде, и застыла, не шевелясь, в надежде, что её примут за скульптуру.

Подлетела Оля и чуть ли не за руку стащила Соню с баррикады.

– Снайпер! – подтвердила она. – Уходим!

Именно у Оли Сачковой вписалась Соня во второй приезд.

– Только имей в виду, у меня холодно и спать не на чем. Но на матрасе должны уместиться, – предупредила революционерка.

Привыкшая к трудностям, Соня лишь улыбнулась.

Реальность превзошла все ожидания. Квартира находилась в аварийном состоянии. Из оконных щелей внутрь заметал снег, сантехника лила во все стороны, только не туда, куда надо, отопление не работало. Матрас был узкий, и спали девушки почти в обнимку, накрывшись всем тёплым, что было в доме. Среди ночи гостья встала, чтобы натянуть шапку. Утром оказалось, что балконная дверь толком не закрыта. Хозяйке не было до этого дела, быт её не волновал, ибо в груди билось сердце революционера.

– Ты с ума сошла! – заорала Соня, увидев, что Оля надевает осенние ботинки. – На улице минус двадцать!

– А у меня больше ничего нет, – спокойно ответила та. – Я всё на Майдан отнесла. Людям нужнее. Да я на два носка надену – не замёрзну.

Ужас смешался с восхищением. Это был поступок истинного борца за свободу, на такое способен не каждый. Оля была способна.

Днём столкновений не ожидалось, но всё-таки молодая женщина с коляской выбивалась из революционной картины. Не в парке с тишиной и зимней свежестью, не во дворе родного дома, а здесь, в центре Киева, в дыму и шуме, под прицелом чужих глаз и видеокамер мать укачивала младенца, который ведать не ведал, что происходит на свете, – а просто Майдан...

– У меня ещё старший есть, – охотно заговорила она с Соней. – Только сейчас он у мамы моей. Пять лет ему. Он-то нас сюда и потащил. Боялся дома оставаться с дедом. Студентов, помните, в самом начале побили, и так он милиции испугался, что она и его побьёт! Как видит милиционера – плачет. А дед у нас милицейский полковник. На пенсии. Так сын и говорит: «Мама, а бабушка меня не побьёт?» А я что скажу, когда сама не знаю? Так и ходим сюда.

Не самое логичное обоснование прогулки по баррикадам с малолетними детьми тогда ничуть не удивило. Вокруг в железных бочках горели костры, потоки людей лились во все стороны, бурлила жизнь у полевых кухонь, продрогшие люди грелись в палатках с вайфаем и подземной галереей, девочки разносили бутерброды и чай, мальчишки готовились положить жизнь за светлое бу-

дущее. Мать укачивала дитя. Боевые каски на земле походили на горки гигантских ягод чёрной смородины.

На первую баррикаду Соня прорвалась после того, как сменила куртку: одолжили друзья Сачковой. Сменить пол так запросто не удалось, и в беседе с парнем, охранявшим вход на передовую, пришлось вложить всё обаяние: девочек старались держать на периферии. Соня напялила бесполезный шлем, пообещала не высовываться из-за автобуса, набитого тлеющими покрывками, и вперила взор в морозную даль. Там безучастной шеренгой стояли люди в обмундировании, они не реагировали на выкрики и провокации толпы, а молча вмерзали в центр древнего города. Муки их ледяных ног рисовались так отчётливо, что собственные завывали от боли.

На следующее утро активный народ радовался: один из беркутовцев перешёл на сторону протеста.

«Совсем околел, бедняга...» – подумала Соня.

Днём на Майдане людей было мало, основные силы стягивались в центр вечером. К ночным бдениям и вовсе готовились всерьёз и чёрными маркерами писали на телах свои имена и телефонные номера тех, кто сумеет опознать.

– Нам не надо так делать? – спросила Соня.

– Нет, это на случай уличных боёв. Нас туда не пустят, – заверила Оля.

К тому моменту обаяние борьбы в Сониных мозгах сменилось вопросами. На чьём электричестве так долго работает главная сцена? За какие деньги вывозят биотуалеты? Почему «Беркут» бездействует и даже на провокации не реагирует? Как «правительственные» снайперы пробираются на дом, подконтрольный Майдану?

Ответы удручали. Революция была ненастоящей.

Потом девушки носили передачу задержанным студентам, однокурсникам Оли по институту искусств: закупили еду и потрошили сигареты, часа три стояли в очереди среди женщин с унылыми лицами. Передачу не приняли. Кто-то сказал Оле, что баррикады мешают транспорту, нас, мол, вчера не пустили проехать, и, движимая тягой к справедливости, Оля отправилась к защитникам той баррикады – допрашивать, действительно ли было такое?

Два года спустя патриотичная, мужественная девочка настойчиво дозванивается в СБУ

на счёт персоны классового врага, катает кляузу на сайт «Миротворца» со странными обвинениями, которые настолько не соответствуют действительности, что это даже не смешно.

«Так кончаются революционеры!» – подумала Соня и грустно вздохнула.

2016 год. Славянск. Пиццерия

Вот так, именно так Соня описала в личном блоге историю дружбы со своим нынешним врагом. Это было желание не мести, но справедливости. А вышло ещё хуже.

В Славянске у Сони отсутствовал доступ в мобильный интернет, дома на вписке не было вайфая, приходилось обедать и ужинать в пиццерии «Челентано». Оккупировав угловой столик рядом с розеткой, подключив зарядное устройство и поймав беспроводную сеть, Соня погружалась в сладкий мир мракобесия и диванных войн. Ей не нравилась поднятая шумиха, но эта шумиха давала робкую надежду, что в случае Сониного исчезновения с радаров её будут искать и, может быть, даже найдут живой.

Сачкова не поленилась и на Сонин рассказ ответила целой статьёй с фотографиями.

«А вот теперь – слайды!» – вспомнила Соня старый анекдот.

«Знаете, я обожаю вытаскивать на свет никому не известных придурков. Что поделать, интернет – моя стихия. Перетряхивая соцсети, я наткнулась на ещё одно недалёкое чудо, к несчастью знакомое.

У меня во френдах есть российская провинциальная дурочка с копной амбиций и кучей бытовых проблем. Посещение Соней Майдана было ограничено третьей баррикадой на Грушевского, что уже говорит о «храбрости». Девочка жила у меня, боялась титушек и старалась держаться ближе к подносам с бутербродами.

После университета Соня не смогла адаптироваться к взрослой жизни, вместе с тотальным безденежьем пришёл ПП – пролетарский патриотизм. Я уже говорила, что русский мир основан на идее тотальной бедности, когда работаешь не затем, чтобы развиваться как личность, а чтобы не умереть с голоду.

Не найдя себе места на родине (тут шло перечисление мест, из которого становилось ясно, что все эти годы Оля внимательно следила за Сониной жизнью), девушка под хештегом #русская_весна ринулась «спасать детей Но-

вороссии» на оккупированной части Украины. Жила в Донецке у пророссийской активистки, тусовалась с сепаратистами и хорошо осведомлена о расположении террористических организаций. Была с официальным визитом в Краснодаре и посещала мемориал памяти ликвидированным террористам».

«Террористам? – изумилась Соня. – Молодогвардейцы – террористы?!» Выпады в собственный адрес она стерпела, но герои Великой Отечественной войны не могли защитить себя сами, и ни одна бездарная псевдопатриотка не имела права даже произносить их имена вслух.

«Конечно, донецким друзьям Соня не рассказывала о прогулках с бандеровцами по Майдану, иначе вряд ли бы она так беспрепятственно вернулась в Россию.

Теперь она решила выяснить места дислокации украинской армии. Вчера эта девочка прибыла в Славянск, а на днях планирует ехать в Мариуполь фотографировать наши позиции.

Короче говоря, на территории Украины находится гражданка России, помогающая террористам на Донбассе. Также она сознательно нарушила постановление о порядке въезда на временно оккупированную территорию. Доказательством тому её фотографии и рассказы в соцсетях.

Копию этой публикации я направляю в СБУ, у вас же, друзья, прошу перепоста».

Друзей у Сачковой оказалось много. Двести сорок перепостов в такой небольшой стране, как Украина, – это не ерунда...

«Господи, ну откуда столько идиотов? Для чего Ты их создал?» Соня застыла с куском пиццы в руках.

В тексте было так мало правды, что оставалось удивляться: как Сачковой хватило наглости опубликовать заведомую ложь. Но для Сони эта ложь могла обернуться катастрофой: по словам Оли выходило так, что русская террористка поехала устраивать диверсии. И двести сорок перепостов не оставляли надежды на то, что в эту чушь никто не поверил.

Соседний столик заняли люди в форме и с автоматами – четверо мужчин и одна женщина со светлыми волосами, собранными в конский хвост. Им было тесно за своим столом, и они поглядывали на Сонин, рассчитанный на шестерых. Всё объяснялось просто и логично. Но каждый взгляд, брошенный на неё вооружёнными людьми, заставлял сердце колотиться быстрее.

Девушка повернулась спиной к соседям – есть пиццу стало неудобно, зато дыхание не сбивалось и нервные клетки попусту не умирали.

В личку упало письмо от активистки Лены, уговорившей Соню ехать на Украину. Она интересовалась текущим положением дел.

«Всё хорошо, – ответила Соня, – только вот это немного напрягает».

И она отправила ссылку на пост Сачковой и страницу на «Миротворце».

Лена не промедлила с ответом:

«Соня, честно говоря, я не знаю, зачем вы реагируете и делаете репосты всего этого. Кроме того, что в комментариях множится язык ненависти и частными случаями вы подогреваете убеждённость своих друзей, обосновываете их коллективную ненависть и презренье. Я искренне этого не понимаю. Я бы не писала вам ничего, это не моё дело – оценивать или вмешиваться, но вы шлёте мне ссылки, поэтому, наверное, надо как-то отреагировать. Не знаю, чем вас утешить. Могу рассказать о своём опыте с недоброжелателями.

Весь Майдан я была волонтером в местных медпунктах, на оборонных позициях, в Михайловском соборе. Первые месяцы мы с друзьями ночевали в госпиталях, чтобы не дать милиции и так называемым «титушкам» похищать оттуда раненых (распространённая была практика). За это время я, мои отчёты и фотографии подверглись в Сети настоящей всеобщей травле от моих тогда почти друзей из России. Кроме меня эти люди радостно оскорбляли моего ребёнка, желали ей смерти. Один выступил с предложением окунуть меня головой в реку, чтобы вымыть из неё фашизм. Другой хотел меня сжечь, потому что у него какие-то предки и всё болит (я тогда так и не поняла, о чём он). Третий грязно и крайне физиологично обсуждал мою внешность и сексуальные возможности. Те мои друзья, которые вне войны и пацифисты и вообще не об этом, искренне старались закрывать глаза на происходящее в комментариях. Я узнала о себе много нового. Но всерьёз смаковать, делать репосты или разбираться, почему эти люди там любили меня, а теперь здесь не любят, у меня не было времени. И эмоциональный фон происходящего, конечно, не шёл ни в какое сравнение с этими склоками, сколько бы грязи в них ни вливали.

Когда началась оккупация Крыма, я поехала туда, потому что понимала, как будет плохо, что ужасное случается сейчас и, чтобы потом жить с этим, нужно его видеть, помнить, понимать. Я не вижу в своих поездках какой-то миссии, благородной или просветительской. Это был собственный адреналиновый голод, своя ответственность и внутренняя потребность. В Крыму я проехала все военные части, говорила с таксистами, спала в случайных машинах сепаратистов. У меня огромная кипа материалов по референдуму, если встретимся, покажу, они занятные. После того как у ФБР России возникли ко мне вопросы, я навсегда уехала из Крыма и больше никогда его не видела. Я не могу въехать в Россию и не афиширую своё общение с россиянами сейчас, потому что даже моих случайных друзей допрашивали. Но при этом, видите, никто меня не убил, не захватил, не держал головой в ледяной воде.

Люди, которые объявляют о своих намерениях, зачастую не осуществляют их. И всё вот это сейчас в фейсбуке у вас – беззубый трёп».

«Ничего себе, – подумала Соня. – Если хоть один из этих беззубых трепачей оторвёт задницу от дивана...»

Она вздохнула и продолжила читать:

«Касательно обвинений на сайте «Миротворец».

Вы, действительно, нарушили Закон Украины пересечением границы. По статье № 331 это наказывается штрафом до пятидесяти необлагаемых минимумов доходов граждан, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет. Другой вопрос в том, что в нашей стране действует презумпция невиновности и ваши посты в соцсетях вообще не доказательства пересечения. И свидетельства злопыхателей не доказательства. И телефонные звонки. Я сразу представляю бедных ребят в СБУ, которым каждый день звонят безумцы с требованием восстановить справедливость везде, всех наказать и воздать по заслугам. Стукачество и слепая вера в органы – это очень смешной советский пережиток. Надеюсь, обе наши страны его одолеют. Против вас доказательств нет. Вы сейчас на территории Украины законно. Писать в соцсеть вы можете что угодно. Доказать, что это писали вы или что это не художественный вымысел, нельзя. Никакой суд, полиция, СБУ не будут даже рассматривать

подобное. Я понимаю реакцию вашей публики. В России сажают за меньшее. У вас, действительно, есть статьи за репосты и одиночные пикеты. И вашим комментаторам кажется, что вам, действительно, что-то угрожает. Но в украинском правовом поле сейчас невозможно вам ничего предъявить. Мне кажется, вы немного героизируете ситуацию в свою сторону. На самом деле ничего особенного не происходит. У вас интересное путешествие для личного опыта и впечатлений. Ваши бывшие друзья так себе друзья, откровенно говоря. Они бесятся на фоне собственной глупости и ненависти. А нынешние друзья на фоне собственной глупости и ненависти радуются, что всё тут у нас, у фашистов, как они и думали. Я надеюсь, что в вашей поездке будут ещё какие-то яркие моменты, разговоры или люди кроме этих».

«Да пошла ты, – с тоской думала Соня. – Героиизирую, интересное путешествие! Какая, к чертям, презумпция? Кто что будет доказывать? Сломают хребет в подворотне – и всё. Грозили ей россияне... Ты у себя в стране находилась, когда тебе грозили, а не на чужой территории, где из-за правильного московского выговора на тебя смотрят как на врага. Идиотка придурочная! Курица хохластая! Ещё и на Россию наезжает, как будто её Украина лучше! Да с каких щей?!»

Но написала она совсем другое:

«Спасибо, Лена. Я в порядке».

Но Лена не унималась:

«Насчёт поддержания ненависти. Вы лайкаете и одобряете все эти «никогда Украину не возьмут в Евросоюз», «бандерлоги ментально вне правового поля», «инфернальное сборище украинских стукачей», «у них во рту нужник холерного барака», «эти существа используют буквы, причём русские», «измученный горилкой и салом»... В социологии это называется «язык ненависти». Оскорбительные выражения нацелены не на тех людей, которые конкретно вам угрожают, а сразу на всех украинцев по национальному признаку, на тех, которые в воображении комментаторов «кто не скачет, тот москаль». Поэтому в выражениях и присутствуют обобщающие, окрашивающие триггеры «бандера», «сало», «Евросоюз». Мне необычайно печально, что вы, с одной стороны, хотите честности и диалога, а с другой – легко и комфортно оперируете лайками на таком обширном, неподтверждённом

поле ненависти. Естественно, в любом сложном социуме достаточно людей, которые всем этим питаются. На него как мухи слетаются все эти вот неизвестные комментаторы с пылкой украинской стороны. Я бы на вашем месте им не отвечала, это поднимает пост в рейтингах и лентах, разносит дальше по соцсетям. К утру у вас будет знатная склока. Я не вправе вам советовать, но учинить ксенофобский скандал можно и по возвращении. Вам будет безопасней делиться информацией, а комментаторам вольготней предаваться своему мнению».

Соня зарычала, а потом осторожно оглянулась. Соседи внимательно глядели на неё. Пора было уходить.

«Простите, Лена, но по какому праву вы учите меня жизни? Можете сколько угодно сравнивать своё положение с моим, но даже когда вы ночевали в госпиталях с ранеными, вы ночевали в своей родной стране и рядом находились люди, готовые помочь. Когда вы ездили в Крым, ваши сторонники тоже ещё не уехали оттуда, война ещё не началась, ходили вы по своей тогда ещё земле и никаких границ не нарушали. Я же по вине ваших уговоров нахожусь на чужой территории, без друзей, без надёжных знакомых, с двумястами сорока перепостами клеветы, с угрозами членовредительства, с нарушением госграницы, и вы ещё смеете требовать, чтобы я что-то делала или не делала? Мне кажется, всё, чего вы хотели добиться от нашего сотрудничества, это убедить окружающих, что таких гамадрилов, как мои «бывшие друзья», на Украине нет, а столкнувшись с ними непосредственно, пытаетесь убедить меня, что это единичный случай, а значит, надо его скрыть. Но тогда объясните мне, откуда вылезли эти двести сорок перепостов? И не они ли раздувают ксенофобский скандал? Я лишь информирую людей о том, что происходит здесь со мной и может произойти с ними...»

Соня глубоко вздохнула, стёрла неотправленный текст и написала:

«Лена, я лайкаю людей, которые оставили коммент к моему высказыванию, чтобы они знали, что я прочла. То, с чем согласна или не согласна, я комментирую в ответ. Это мой профиль, мои правила. Они вполне стандартны и основаны на простой вежливости к любому собеседнику».

Если прежде Соня не слишком была расположена к этой Лене, но при случае воспользова-

60

лась бы помощью, то теперь она ей попросту не доверяла и помощь принимать не собиралась. И, говоря начистоту, Машу она тоже начинала опасаться: если человек патриот, то это надолго. Маша, конечно, посмеялась над мракобесами, определившими Соню на «Миротворец», но вдруг она как-нибудь выйдет с ними на связь, те узнают, где ночует Соня, подкараулят её у подъезда или внутри – лестница не освещается, полпути приходится идти на ощупь... Может, не ездить к Маше, а найти гостиницу? Хотя в гостинице может быть опаснее, там вообще незнакомые люди, а с Машей они вроде бы даже подружились. Но с Сачковой они когда-то тоже вроде подружились. Это не помешало той устроить...

«Это паранойя, – сказал внутренний голос. – Боязнь преследования. Завязывай, а то плохо кончишь».

Соня с отвращением посмотрела на остатки пиццы. Кусок не лез в глотку. Страх, непостижимый и неубиваемый, растёкся по организму, и ничем нельзя было его заглушить. Он разъедал душу, и спасение от него было только одно – возвращение домой. И плевать на тех, кто думает иначе.

«Если вы всё-таки поедете в Мариуполь, могу забронировать вам хостел где-то в центре и помочь с оплатой. Это и безопаснее, и удобнее. Покажут город, зоны обстрелов и заминированное море – мои друзья. Вписаться пока у них не получится, просто нет спального места адекватного: стечение гостей. По безопасности и людям: я в них уверена, буду за вас спокойна.»

В конце месяца я поеду в несколько моих подопечных семей в разные концы города. Если будете в Киеве, приглашаю и вас. Нам нужно будет отвезти инсулин и специальные ланцеты отличной девочке Кате из Антрацита, которой мы недавно сделали операцию на глазах и спасли зрение. Мама Кати готова работать круглосуточно, лишь бы не возвращаться в Антрацит. Но им не хватает на ланцеты – такая дрянь, чтобы делать микропроколы для анализа крови на сахар. Если покупать плохие, то к концу дня у Кати пальцы в кожистых ломотьях. И надо будет купить крутой комбинезон Василию, у которого микроцефалия. И подарок его сестре Маше. Все врачи говорят, что Василий – овощ и умрёт, но он продолжает очень медленно развиваться и радовать маму. Это крутые ребята, у них, действи-

тельно, выживание и проблемы. А у нас с вами всё хорошо, Соня».

2016 год. Святогорская лавра

– Девушка, я правильно к автостанции иду?

Женщина всем своим видом сообщала, что идёт из лавры. Дорога вела к горам, мимо прохожих шумно пролетали машины. Ниже по лесу петляла асфальтированная тропа.

– Правильно. На светофоре налево. А к монастырю – дальше по дороге?

Женщина кивнула.

Святогорская лавра неспешно проступала сквозь лес. Сначала открылась недостроенная церковь слева, потом нарядные маковки действующих храмов, и, наконец, глазам предстал высокий меловой обрыв с каскадом монастырских пещер.

С высокой горы на лавру взирала огромная белёная фигура солдата. На Святогорском плацдарме когда-то шли бои.

Сыпалась снежная пыль, и холод речной воды стоял стеной, заграждая дорогу пешеходам.

«Слава богу, – подумала Соня. – Толпы не будет».

В реке купалась утка. Она то ныряла головой вниз, то взлетала и приземлялась на воду с шумом и брызгами. Рыбак, что сидел неподалёку в лодке, смотрел на утку неодобрительно.

Паломников, перешедших мост, встречает мраморная Богородица. Вход на территорию справа. Соня сняла шарф, намотала его наподобие юбки и вошла, перекрестившись.

Лавра невелика, она тянется вдоль реки тремя уровнями: набережная с гостиницей, храмы, хозяйственная часть. Тут есть птичник, по которому гуляют утки, попугаи, куры, павлины. На клетках таблички – кто где, но на деле все птицы перемешались и, похоже, живут дружно. Есть большая оранжерея, где выращивают редкие виды цветов, в темноте она будет светиться, как солнечный южный берег. Есть пещеры с захоронениями, но они закрыты на зиму – так поясняет в лавке монашка-продавщица.

Главный храм открыт и полупуст. Запах ладана и воска ходит над головой. Небольшая группа людей стоит в очереди, и Соня пристраивается в хвост.

К Святогорской иконе Богородицы ведёт помост, сама она убрана драгоценностями, но привычного оклада нет – только золотые венцы над

лбами Марии и Младенца. Тёмные глаза взирают на Соню с пониманием, она прикладывает лбом к стеклу и глубоко вздыхает. Страшно от крысиной возни, что поднялась вокруг неё. Страшно за людей, ибо не понимают, что творят. Надоело искать оправдание идиотам, хочется домой. Господи, как хочется домой! Она не замечает, как начинает плакать, и вдруг понимает, что бояться нечего, что люди прозреют и дома дождутся блудную дочь. Умолкает ныне всякое уныние и страх отчаяния исчезает. Соня сходит с помоста, но ещё долго стоит неподалёку, глядя в тёмные глаза, хлюпая носом: как обычно, нет платка.

Слёзы капаят и тогда, когда она прикладывает к мощам местных святых: Феодосия, Киприана, Лонгина, Исаакия и архимандрита Арсения – святые лежат целыми телами в застеклённых раках перед солей. Соня прикладывает, а потом стирает капли со стекла. Жаль, нельзя остаться на вечернюю службу, иначе не успеет на автобус до Славянска, а надо ещё подняться на гору к солдату.

С неба сыплется крупа, изредка налетает ветер. Соня идёт по широкой дороге вдоль пустых дач и надеется, что идёт правильно. Спросить не у кого. Внизу вьётся река, на другом берегу мужик кричит на лошадь и тянет её в лес.

«Лошадка-а-а!» – мысленно кричит Соня.

Через полчаса ходьбы на пути появляется женщина в юбке и платке.

– Простите, я этой дорогой поднимусь к памятнику?

– К Артёму? – удивляется она. – Тут долго идти. Вам бы лучше через лавру: вышли из главных ворот и направо – в другие. Серпантинном минут двадцать. Только что там делать?

– Интересно же! – Соня пожалала плечами.

Женщина улыбнулась:

– А я вас видела – передо мной шли.

Пришлось топтать назад. Исчезла лошадь с мужиком, усилился снег.

«Значит, Артём, революционер и памятник, – думает Соня. – Интересно, почему его не снесли в борьбе с коммунистическим наследием?»

Серпантин выложен бетонными плитами, кое-где они вздыбились и опасно нависли над обрывом, под которым идёт прежняя Сонина дорога. Подниматься трудно, Соня запыхалась и взмокла. Плиты обрываются на полпути, дальше дороги нет, и приходится лезть в гору по скользким, обледеневшим листьям. Несколько раз де-

вушка останавливается и глубоко, до одури, дышит, навалившись спиной на крепкие стволы деревьев.

На косогоре стоит дуб с металлической табличкой и разбитой ладанкой. Соня подходит ближе и читает: «Здесь в сорок первом году в неравной схватке с фашистами погиб Кирилл Курмаз». Она понятия не имеет, кто такой Кирилл Курмаз, и гладит по коре дерево, которому это известно. Нет на земле его однополчан, исчезла страна, за которую он погиб, а дуб стоит вдалеке от людского глаза и хранит его имя. Солдат погиб возле дерева, уронил на него свою кровь и стал его частью, он тянет ветви к небу и больше никогда не умрёт.

Соня лезет дальше, затем шагает лесной тропой и выходит на пустую асфальтированную площадку. Артёма нет. Внутри закипает паника.

«Он услышал твои шаги, спрятался в лесу и схватит тебя, стоит зазеваться!» – шепчет внутренний голос, Соня затравленно оглядывается и почти бежит в сторону по асфальтовой дороге. Та выводит к мемориалу. Внушительная спина Артёма маячит впереди, Соня облегчённо вздыхает.

Здесь, на вершине, похоронено более двух тысяч солдат, бившихся за плацдарм, тех солдат, что погибли в бою и умерли в госпиталях. Здесь ли ты, Кирилл Курмаз? Три лица высечены из камня – Сечкин, Батюк, Шуклин. Герои той войны, они знать не знают о войне нынешней, братоубийственной.

Артём установлен чуть ниже, на уступе горы, рядом стенд с описанием. Памятник вождю-коммунисту – это образчик кубизма, он охраняется государством. Ветер полощет объявление: «Осторожно! Памятник находится в аварийном состоянии!» По могучей спине Артёма бегут трещины, видны отпавшие куски бетона. Видимо, нынешние крушители прошлого ждут, пока оно само развалится на части.

На площадку к Артёму спускается семейство: солидный мужчина, две женщины и ребёнок.

– Давайте мы вас сфотографируем на фоне лавры! Есть на что? – предлагает мужчина. – Откуда сами?

Соня смущённо смеётся и спрашивает:

– А вы меня вниз не столкнёте?

– Та ни!

Соня протягивает телефон и говорит:

– Москва.

*якоже и мы оставляем должником нашим;
и не введи нас во искушение,
но избави нас от лукаваго...*

Двадцать девятое ноября 1941 года

Накануне поздним вечером Прасковья вышла из дома. В морозном воздухе ещё стоял запах гари: день назад кто-то поджёг три избы, и немцы приказали жителям караулить свои дома. Из темноты донёсся скрип шагов. Прасковья насторожилась, но ходоки шли уверенно, а когда шаги приблизились к дому, женщина разглядела, что по заснеженной улице немецкий патруль вёл девушку. Шла она в одной нижней рубашке, ступая босыми ногами по снегу, и руки её были связаны за спиной.

– Матка! – крикнул немец. – Партизан!

Крестьянка посторонилась, и девушку завели в избу. Тут же раздался гогот солдат, стоявших у Прасковьи на квартире, и хозяйка поспешила внутрь.

Девушку толкнули на скамейку возле печки, и она охнула от боли. Была она совсем юной, с большими серыми глазами и тёмными стриженными волосами. Хозяин избы свесил было вниз кудлатую голову, но немец прикрикнул на него, и тот снова скрылся на печной лежанке.

– Фрау партизан! – кричали немцы и о чём-то лязгали на своём железном языке.

Солдаты окружили партизанку. Они шпыняли её кулаками и подносили к лицу зажжённые спички, а кто-то провёл по спине пилой. Хозяйка с ужасом смотрела на их забавы. Беззащитная, девушка молча терпела издевательства, пока мучители не натешились и не ушли спать.

И тогда она попросила воды.

– Можно? – спросила Прасковья у часового.

Он схватил со стола керосиновую лампу без стекла и поднёс к лицу девушки. Та не вскрикнула, лишь отшатнулась. Огонь жёг сомкнутые губы, но она в упор смотрела на немца, и тот не выдержал – убрал лампу и разрешил напоить партизанку. Девушка с жадностью опустошила два ковша.

– Steh auf!¹ – скомандовал часовой и, привязав к её скрученным рукам длинную верёвку, пинком отворил дверь.

«Сейчас? – думала она. – Неужели сейчас?»
Колючий ветер забирался под рубашку, и хоте-

¹ Вставай! (нем.)

Все взоры впиваются в девушку. Ребёнок округлил рот. Кажется, даже Артём силится повернуть железобетонную голову.

– Ого! – восхищается мужчина. – Вы, часом, не агент Кремля?

– Конечно, – отвечает Соня. – У меня и справка есть.

Обратно она топаёт по шоссе. Темнеет, и Соня боится не успеть на автобус. Рядом тормозит машина.

– Эй, Москва! – окликает мужчина. – Вниз? Садись, подвезём.

Он лихачит, и несколько раз машина прыгает на ямах так, что едва не улетает под откос.

– И что, так пешком и путешествуете? Неудобно же. А сейчас куда? В Славянск? Можете с нами доехать.

– Храни вас Господь! – смеётся Соня.

– А вы прямо верующая или сочувствуете? Вот в Библии место, кого ни просил растолковать – никто не мог. Как Моисей, сидя на горе, ещё живой описывал собственные похороны? Не знаете? То-то.

Машина въезжает в лавру, Соня снова подходит к Богородице и шепчет:

– Спасибо!

Компания гуляет по лавре, фонари разгоняют темноту, становится уютно и хорошо.

– А к отцу Серафиму заходили? – спрашивает женщина. – Сегодня людей мало, пойдёмте, может, он нас примет?

Отец Серафим – старец, к нему всегда большая очередь, специально для людей под навесом стоят стулья. Соня знает, какой вопрос необходимо задать: оставаться ли на Украине или уезжать? Остаться – опасно, а уезжать – рано. Но сейчас окна темны, а на двери висит объявление, что старец болен и приёма нет. «Решай сама», – говорит внутренний голос.

Пять часов. Звонят колокола, начинается служба.

Усиленный микрофоном голос священника разносится над лаврой:

*Отче наш, Иже еси на небесех!
Да святится имя Твое,
да приидет Царствие Твое,
да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли.
Хлеб наш насущный даждь нам днесь;
и остави нам долги наша,*

63

лось согнуться и упасть, согреть несчастное тело. Ноги едва держали, и она напрягала каждый мускул, чтобы идти прямо и смерть свою встретить гордо.

Кончилась улица, вдалеке темнел лес. Часовой крикнул: «Zurück!»² – и повёл девушку в обратную сторону.

«Значит, ещё не всё, – поняла она, – и будут ещё пытки, и надо выдержать».

Мысли путались в голове, но она понимала, что теперь они идут в сторону Москвы, которая не сдалась врагу и никогда не сдастся, потому что есть такие, как она, есть те, кто не даёт покоя немцам, и знание это придавало сил. Но улица заканчивалась, и снова надо было поворачивать к западу, к фашистскому логову, до которого она уже никогда не сможет дойти, и тогда ей казалось, что никогда прежде она не знала ни холода, ни боли.

Босая, в одном белье, ходила она по снегу до тех пор, пока её мучитель сам не продрог и не решил, что пора вернуться под тёплый кров. Верёвку он привязал к дверной скобе, а партизанку толкнул на лавку к печке, и от жара ооченевшее тело ломило нестерпимо. Так продолжалось до двух часов ночи: через каждые полчаса она слышала команду: «Встать!» и, шатаясь, на негнущихся почерневших ногах выходила на улицу.

Наконец молодого солдата сменил пожилой.

Он глянул на измученную девушку и знаками попросил у Прасковьи подушку и одеяло.

– Leg dich hin³, – сказал он партизанке и, когда та непослушным телом повалилась на лавку, сам накрыл её одеялом.

Полежав, она попросила:

– Bitte binden Sie mir die Hände los⁴, – и немец распутал узлы на локтях и запястьях.

Едва ли она спала в эту ночь. Липкий кисель сна на несколько минут обволакивал сознание, но нестерпимо горели отмороженные ноги, и казалось, что кругом бушует огонь – тот самый, который она не успела зажечь. И тогда она просыпалась и хватала ртом воздух, пытаясь надыхаться впрок. Она отдавала себе отчёт, что эта ночь – последняя, что немцы её не пощадят и что пощада от них была бы для неё ужаснее любых пыток. И она сжимала кулаки, пытаясь не думать о маме и брате, стараясь сильнее ощутить боль во всём истерзанном теле, чтобы за-

глушить боль душевную. Узнает ли мама, как погибла её дочь? Или лучше исчезнуть навсегда, раствориться в военной зиме, пропасть без вести? Да, она не увидит весны и не услышит слова «победа», но она знает, она верит в это слово, оно обязательно случится. И значит, надо держаться изо всех сил, чтобы не показать врагу, как ей больно. Пока она их не боится, они боятся её. И значит, надо так умереть, чтобы стало им ещё страшнее, так умереть, чтобы ещё больше стали они бояться каждого, кто умеет так умирать и так не бояться смерти.

И она снова падала в темноту.

Сумрачным деревенским утром к ней подошла хозяйка. В руках она держала ковш с водой. Девушка благодарно кивнула и опухшими обожжёнными губами припала к краю ковша. Непослушные губы не сжимались, и вода тонкой струйкой текла по подбородку и шее.

– Ты чья?

Девушка рукой отёрла лицо и взглянула на неё исподлобья:

– Московская.

– Родители есть?

Партизанка молчала.

– Кому передать? Убьют они тебя.

67

С улицы донеслись звонкие удары топоров: через четыре избы от дома Куликов немцы вкопали в землю столб и сейчас прилаживали к нему перекладину. В комнату заглянул офицер. Прасковья ожидала ругани и нырнула было за печку, но тот молча закрыл дверь и вышел из дома. К рядовым, жившим у них с мужем на квартире, она привыкла, а с офицерами дел не имела и оттого побаивалась их.

– Девонька, ой, бедная! – Прасковья покачала головой. – Имечко хоть скажи.

Партизанка с усилием подняла голову:

– Зачем вам это знать, тётенька?

– Помолюсь за тебя. Родителям расскажу, как умерла. Пусть знают, где могилка, – шептала Прасковья, стараясь выдержать её тёмный, ожесточённый взгляд.

– Нет, – выдохнула партизанка, – нет... Пусть эти изверги надо мной издеваются, пусть расстреляют... Нас много, всех не расстреляют. Это наша земля. За меня отомстят.

Удары топоров звенели над деревней, но девушка их не слышала.

– Не расстреляют, – сказала Прасковья. – Повесят. Слышь? Виселицу ставят.

² Назад! (нем.)

³ Ложись (нем.).

⁴ Пожалуйста, развяжите мне руки (нем.).

Медленно, перебарывая боль, девушка распрямила спину и откинулась на белёный бок печки. Вдруг она вздохнула так глубоко, будто пыталась вобрать в себя весь застоявшийся кислый избяной воздух.

Вот и всё. Значит, таким будет её конец. Значит, вся короткая жизнь была нацелена именно сюда – в затерянную среди лесов подмосковную деревню. Она не выполнила задания, деревня цела, ей нечем оправдаться перед командиром. Если бы ей хоть на секунду взглянуть ему в глаза, он бы понял, почему так случилось, он бы рассказал всем, что она не предатель, что на месте встречи была засада и она едва успела скрыться. Что ещё сутки блуждала по лесу, пытаясь найти своих, а когда не сумела, решила выполнить приказ до конца и снова пошла в Петрищево. Что её захватили врасплох, что она не успела вытащить оружие, что даже под пытками ничего не сказала.

Да, не в её силах передать всё это товарищам, она даже не имеет права назвать своё имя. Пусть так, но одно в её силах и в её праве: она умрёт с честью, как обещала маме. Мама не упрекнёт её в трусости.

– Позавчера это ты была? – не отставала Прасковья.

– Я. Немцы сгорели?

– Нет.

– Жаль. А что сгорело?

– Кони ихние сгорели. Сказывают, оружие сгорело.

– Вам давно надо было уехать из деревни.

Прасковья только рукой махнула. Слишком быстро враг подошёл к Москве. Слишком многие остались под немцем, несмотря на приказ уходить. Да и куда уходить крестьянам, у которых только и есть, что изба да кое-какие припасы в подполе. Кому нужны чужие рты, когда свои еле прокормишь? Погорельцы и те не уходят, ютятся по соседям. А ведь остаться на пепелище среди зимы – что хуже для русского человека? Взять хотя бы давешних погорельцев.

Хлопнула дверь, и – легки на помине! – в дом ворвались Федосья Солина со Смирновой Аграфеной, хозяйки сгоревших изб. Они уже знали о поимке поджигателя.

Едва кивнув Прасковье, Федосья огляделась и заметила партизанку. Лицо крестьянки исказилось от злости.

– Вот кто тебя пожёт! – крикнула она Аграфене и снова повернулась к девушке: – Ах ты, гадина! Сука ты паршивая!

Она распалая себя руганью почти вопреки желанию и, может быть, откричавшись, оплакав своё жилище, в которое была вложена вся небогатая жизнь, убралась бы восвосяи, но обидчица подняла голову и взглянула на Федосью наглыми злыми глазами. И так полоснул этот взгляд, так надо было его прервать, что женщина не помня себя стала бить партизанку по лицу.

Бывшие в комнате немцы с интересом следили за двумя русскими бабами и не пытались их остановить.

– Да чтоб ты сохла! – вступила Аграфена, замахиваясь варежкой. – Тварь!

Прасковья без слов начала толкать их к двери, а Аграфена схватила стоящий на полу горшок с помоями и швырнула в партизанку. Горшок раскололся, и помои окатили девушку с головой. Хозяйка наконец выгнала непрошенных гостей, молча взяла тряпицу и отёрла девушке лицо. Та не шевелилась. Подошедший солдат схватил Прасковью за плечо и оттолкнул в сторону. Затем велел партизанке встать.

– Wo ist euer Stalin?⁵

65 Девушка выпрямила спину и ответила по-русски:

– Сталин на своём посту. И больше я с вами разговаривать не буду.

В девять утра пришли офицеры и переводчик. Начался допрос. Хозяйку выгнали из избы.

Обе погорельцы стояли у крыльца. Как ни жалко было неизвестную партизанку, а своих деревенских бездомников куда как жальче.

– Что ж вы, бабы?.. – укоризненно вздохнула Прасковья.

– Гляди, пожёт тебя такая – наплачешься, – злобно ответила Аграфена. – Чужое-то добро небось не жалко!

– Да разве побоями да руганью дом вернёшь?

– Не вернёшь, – согласилась Федосья. – Только и этой паскуде nepовадно будет, и другим, которые с ней. Не одна она тут шастала, вона как немец всполошился. Теперь бы их всех переловить, пока бед не натворили. Они-то сбегут, а нам терпеть.

⁵ Где ваш Сталин? (нем.)

– Одна на всех беда досталась, – ответила Прасковья.

Когда она возвращалась, дверь рванулась из рук – навстречу выскочил хмурый переводчик. Офицер сидел за столом и что-то писал, не обращая внимания на партизанку, лежащую на полу в тёмной луже.

«Водой отливали, – догадалась Прасковья. – Ой, застудится!»

Она встрепелась от неуместной мысли, от ужаса и стыда за свою бестолковость, а подойдя ближе, увидела не воду, а кровь. Партизанка не теряла сознания, но была избита так, что не могла встать.

Шёпотом – чтобы не слышал офицер – ругая немцев, Прасковья под мышки подняла лёгкое безвольное тело и усадила на лавку к печке. Девушка села, сгорбившись, и даже не стонала, только дышала хрипло и тяжело.

– Вот ваши немцы, – сказала она, – оставили меня раздетой... Оставили меня в рубашке и трусах...

Вернулся переводчик и бросил на лавку брюки и чулки. Партизанка была настолько обессилена, что не могла сама одеться, и тогда Прасковья встала перед ней и натянула сырые чулки на почерневшие ноги. Девушка только охала от боли.

– Потерпи, милая, – сказала хозяйка. – Теперь недолго мучиться.

– Сапоги... Сапоги были...

Взгляд девушки цеплялся за лицо Прасковьи, скользил и падал на пол, но снова поднимался вверх в такт дыханию.

Сапоги переводчик не приносил.

– Дайте обуться, – попросила партизанка.

Прасковья, зная, что немцы забрали всё зимнее, растерянно осмотрела избу:

– Ой, милая, одни у нас валенки с мужиком. А тебе на что? Тебе только до виселицы добежать, она близко.

– Russin! – Немец схватил партизанку за плечо и потянул вверх. – Schnell!⁶

* * *

Из избы два солдата вывели её под руки, сама она идти не могла. Ноги не чувствовали ни снега, ни боли и едва держали небольшое хрупкое тело.

На улице ей на грудь повесили табличку с надписью «Поджигатель» и перекинули через плечо сумку с бутылками керосина, которым она так бесполезно распорядилась. Возле крыльца собирались немцы, конные и пешие, ждали команды. Кто-то курил и каркал на своём вороньем языке, кто-то подкручивал объектив фотоаппарата. Но не солдатня притягивала её взгляд. Невдалеке, через четыре дома, ломала буквой «Г» свою длинную шею виселица, и было видно, как ветер покачивает верёвку с петлёй.

В её короткой жизни всегда был завтрашний день, который казался таким огромным, что нащупать его предел не хватало мысли. Будущее сияло вдали и манило к себе, оно приближалось, но не становилось меньше. И вот теперь это будущее горбилось на поле в середине захваченной врагом деревни, выставив напоказ всю свою неприглядность, ничтожность и конечность. Можно было обойти его кругом, увидеть три подпорки у основания столба, и скол между двумя из них, и ещё один повыше, и два узла вдоль верёвки, что отобрали у какой-нибудь крестьянки.

Да, будущее можно было рассмотреть как следует, его можно было потрогать и даже обхватить руками, но после такого будущего от человека оставалось лишь прошлое, и потому хотелось отвести глаза, чтобы, зная твёрдо то, что вскоре случится, ещё немного побыть в неведении. Но, даже низко опустив голову, она продолжала видеть столб с перекладиной.

– Вперёд! – скомандовал один из немцев и толкнул партизанку в спину.

Двое солдат снова подхватили её под руки и повели туда, где уже толпился согнанный немцами народ.

И вдруг стало пронзительно ясно: это не верёвка качается на ветру, а считает секунды маятник в старых ходиках, что висят в сельской избе у деда с бабушкой, в ходиках, которые после лица матери она первыми помнила в жизни. И родной человеческий запах вспомнился ей, и деревянные полы в сенях, и букетики душицы, и тканые коврики в комнатах, и большие окна с рассадой на подоконнике, и сон на сеновале после долгого летнего дня. И лица родных, и ленты, подаренные бабушкой, и руки отца, и убежавшая за околицу коза. Всё милое и простое, надёжной стеной окружавшее такое недавнее начало жизни, пришло сейчас, чтобы поддержать её в самом конце.

⁶ Русский... Быстро! (нем.)

Закаменевшее, изуродованное тело вспомнило теплоту солнца, ощутило последнюю предсмертную силу, и тогда она рванулась из рук конвоиров, оттолкнула их локтями и, подняв голову, пошла прямо к этому маятнику, к своему будущему, к немецкой петле.

* * *

Юрка Седов, как все деревенские мальчишки, был любопытен. Накануне, когда патрули привели задержанную в дом, мать загнала его к сёстрам на печку и задёрнула занавеску. Но сквозь небольшую щель было видно, как один солдат рукой прижал девушку к стене, а двое других стали обыскивать. Стянули со спины рюкзак, потом сняли висевшую через плечо сумку с отделениями для бутылок, каждую из трёх бутылок открывали и нюхали – и по избе поплыл запах керосина. Отобрали отыскавшийся за поясом наган. Потом стали её раздевать: сначала зимний меховой пиджак, затем шапку-подшлемник, курточку и сапоги, пока она не осталась в тёплых брюках, носках и белой кофте с воротником. У партизанки оказались стриженные вьющиеся чёрные волосы, а больше ничего выдающегося Юрка не заметил.

Партизанка стояла, глядя в пол, как будто не чувствуя, что с ней делают, – не мешая и не помогая немцам. Те ей вопросов не задавали и переводчика не звали, только переговаривались между собой и хохотали. Несколько раз ударили по щекам, но и тогда она взгляда не подняла.

Затем старший, с двумя кубиками на погонах, скомандовал: «Рус, марш!», она повернулась и со связанными руками пошла к двери.

«Когда ей успели связать руки?» – удивился Юрка.

Он думал о судьбе девушки и о том, как ворвутся в деревню партизаны и освободят боевую подругу и как Юрка сумеет им помочь. И они заберут его с собой в отряд, и выдадут автомат, и он будет бить фашистов, и в Кремле товарищ Сталин вручит ему награду за подвиг. Намаевшийся мальчишка не заметил, как уснул крепким детским сном.

Когда наутро немцы, жившие в избе, сообщили о предстоящей казни, Юрка помчался к виселице, а оттуда к дому, куда стекались солдаты.

Девушка стояла на земле далеко не так уверенно и безучастно, как вчера. Казалось, ветер качал её в такт петле, на которую она смотрела

не отрываясь. Губы вздулись и кровоточили, а на лбу синел след от удара. Полураздетая, в одних носках, казалось, она не ощущала мороза. Прозвучала команда, партизанку подхватили под руки, и вся толпа двинулась к виселице. Немцы полукольцом следовали за пленной, и Юрке стоило большого труда пролезть между их шинелями. Где-то на полпути всё же сумел пробраться вперёд. Он опять увидел партизанку и удивился. Немцы её уже не держали, но девушка шла ровно и не глядела на верёвку. Сжав кулаки, она смотрела в землю, и шаг её был твёрд.

Процессию опережали два фотографа. Пятясь задом, они щёлкали затворами, но то и дело оглядывались, боясь упасть. Наконец дошли до виселицы. Вокруг неё уже толпился народ, и немцы стали отталкивать крестьян, расширяя круг. Фотографы продолжали щёлкать, стараясь в подробностях запечатлеть казнь.

Юрка почувствовал, как заныло в груди, он испугался, что расплачется. Кое-кто из местных жителей, постояв, тихонько отходил от страшного места, другие, наоборот, подвигались ближе. Были здесь и погорельцы, дед Иван мелко крестился и отводил глаза, одна тётка о чём-то шепталась с соседкой, другая, опершись на палку, пристально следила за происходящим.

Отрывисто перекрикивались фрицы, негромко гудела толпа, и вдруг над заснеженным полем раздался громкий русский голос:

– Граждане! Вы не стойте, не смотрите, а надо помогать воевать! Это моя смерть – это моё достижение!

И немцы и русские застыли. Голос, который пытались выбить из девушки вчера, зазвучал сегодня – громко и уверенно, но говорил он совсем не то, что было надо.

Партизанка, глядя в упор на конвоиров-палачей, произнесла:

– Немецкие солдаты, пока не поздно, сдавайтесь в плен!

Офицер растерялся, замахнулся на девушку, а солдаты что-то закричали. Фотографы едва обратили внимание: они сняли виселицу издали и вблизи, а теперь пристраивались, чтобы сфотографировать её сбоку.

Она уже не понимала, что именно говорит, но видела ярость и страх в лицах врагов. Она отдавала последние силы, для того чтобы быть услышанной, и, чтобы звучать громче, без команды встала на ящик и подставила шею верёвке.

Это было её последнее оружие, как граната в бою, и никто не мог его отобрать.

Петля сдавила горло, каждое слово и каждый вздох давались с трудом, но времени не оставалось и было необходимо сказать последнее, самое главное, такое, что не даст ей умереть навсегда. Такое, что заставит немцев бояться её даже мёртвую, а русским людям даст силы жить и бороться с врагом. Да, это было самое главное, но слов не осталось. Она окинула взглядом толпу и встретилась глазами с мальчишкой. Он смотрел не отрываясь, и такая вера горела в его глазах, такая жалость, что углы её губ дрогнули и она улыбнулась ему на прощание.

Юрка стоял впереди всех и ждал того страшного, что должно было произойти. Он, как и все, вздрогнул, услышав русский голос: за месяц оккупации отучились кричать и взрослые и дети.

Он, как и все, вперился глазами в лицо партизанки, но слов не понимал и застыл на месте, когда та окинула прощальным взглядом толпу и вдруг посмотрела на Юрку. Он скривился от внутренней боли, от понимания чужой близкой смерти и почти не дышал. Девушка смотрела в его лицо, скривив губы. Палач упёрся кованым сапогом в ящик, тот заскрипел по скользкому утоптанному снегу. Верхний ящик свалился наземь. Раздался чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса...

2016 год. Последний страх

Наутро Соня собирает рюкзак, прощается с Машей и едет в любимую пиццерию, откуда пишет активистке Лене, что не может ехать в Мариуполь, поскольку это небезопасно, и что в Киев ехать не хочет, потому что это неинтересно.

«Отлично, – отвечает Лена. – Вы очень точно донесли до своей аудитории свидетельства людей с этой стороны, рассказали, что и как здесь происходит, и закрыли свои личные обиды заодно. Спасибо вам за этот опыт. Удачного возвращения. Простите. Я удалю вас из друзей, так как ввиду нашего общения мне в ленту попадают ваши посты с их дивными комментариями про картонные революции, фашистов

и укров поганых. Увы, ни нового, ни конструктивного, ни понимания в этом нет. Видеть такое тошно. Взрослые люди равнодушно купаются в радости досужих оскорблений и ненависти. Не имею сил даже наблюдать эту грязь. Пожалуйста, не упоминайте меня ни в постах, ни в иных материалах. Не хочу больше никогда соприкоснуться с вашей аудиторией».

«Бог в помощь!» – устало думает Соня и даже не пытается спорить.

Потом она едет на автовокзал и покупает билет на автобус Славянск – Москва.

Вместе с ней по перрону прохаживается молодой симпатичный военнослужащий. Он внимательно глядит на Соню, и эта кокетка, эта жизнелюбивая обаятельная девица в страхе отворачивается, натягивает шапку на лоб и почти убегает за здание автовокзала. Она ругает себя последними словами, но не возвращается на перрон, пока к нему не подъезжает её автобус.

Граница рядом, но Соня успевает напридумывать себе страшилок о том, как её снимают с рейса, сажают в тюрьму, бьют, насилуют и калечат.

Рука её подрагивает, когда на таможне она протягивает паспорт пограничнику. Через некоторое время паспорт возвращается, автобус трогается, остаётся позади таможня. Заканчивается Украина.

«Спаси, Господи!» – плачет Соня и пишет Сергею:

«Прости меня. Я маленькая, глупая, ничёмная. Я совершаю опрометчивые поступки и совершенно не знаю жизни. Но я не смогу дышать, зная, что где-то там, далеко-далеко ты думаешь обо мне плохо. Прости».

Сергей молчит.

«Я люблю тебя!» – пишет она, но Сергей и тогда не откликается.

Соня ждёт ещё полчаса и отправляет ему новое сообщение:

«Ну и иди в пень!»

За окном проплывают зимние пейзажи родной России, в которой есть Камчатка и нет Киева. Качают головами деревья, обгоняют автобус автомобили.

Блогер Соня никогда не станет настоящим писателем.